

*Памяти коллеги Эгидиуса Баниониса
посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

В конце XV – первой половине XVI в. Русское государство и Великое княжество Литовское – это два соседние европейские феодальные государства, имевшие вековые традиции экономических, политических и культурных связей, которые оказывали взаимное влияние на ход событий и развитие в обеих странах.

К концу XV в. образовалось единое Русское государство, где основным ядром оказалось Московское княжество. Именно в XVI в. после объединения бывших русских княжеств под главенством Москвы, формируются основы их единого экономического, политического и государственного развития.

Литва раньше России сформировалась как единое государство, в составе которого еще с периода феодальной раздробленности развивались литовский, русский, белорусский и украинский народы. В XV в. Великое княжество Литовское преодолевало попытки соседней Польши, с которой Литва находилась в тесных династических и политических контактах, преобразовать эти связи и создать единое Польско-Литовское государство. Это государство будет закреплено Люблинской унией (1569 г.).

К концу XV в. пройден начальный этап образования славянских народов в составе Великого княжества, что привело к воссоединению русских земель Литвы и России. В первой трети XVI в. Великое княжество Литовское формируется как сословное феодальное государство с разработанной системой правовых норм, закрепленных в Статутах 1529, 1568 и 1588 гг. Кроме того, происходят и качественные изменения в политическом союзе Литвы и Польши: с 1501 г. великий князь литовский Александр становится королем Польши; в дальнейшем оба этих титула всегда объединяются в одном лице.

Для России первая треть XVI в. была временем, когда окончательно оформляются prerogatives верховной великокняжеской власти; вместо представления о государе, как крупном политическом деятеле, каким несомненно был Иван III, приходит представление о государе, как носителе

идеи власти. Идея государственной власти была заложена в ряде политических акций конца XV в., начиная с объединения русских княжеств и войн за русские земли с Литвой и кончая Судебником 1497 г., созданием цикла публицистическо-генеалогических документов и первой коронацией наследника престола Дмитрия Ивановича в 1498 г. В дальнейшем идея государственности оформится к середине XVI в. венчанием на царство Ивана IV, пройдет серией реформ, Судебником 1550 г.

Для обоснования круга проблем данной работы и хронологических рамок следует обратиться к предыстории русско-литовских связей.

* * *

Присоединив в XIII–XIV вв. земли бывших русских великих княжеств, Литва превратилась в Великое княжество Литовское – одно из самых крупных европейских государств, объединившее в своей истории различные тенденции развития¹.

В XIV в. языческая Литва оказалась между католическим (Орден, Польша, германские княжества) и православным (русские княжества) миром; на ее историю оказывали влияние традиции этих миров, и она сама влияла на них.

В силу своего географического положения Литва меньше других прибалтийских стран подверглась непосредственному воздействию соседних с ней более развитых феодальных государств, что позволило ей в значительной степени самостоятельно сложиться как раннефеодальному государству. Произошло это позднее, чем в некоторых других странах восточной и центральной Европы. Около 1237 г. Мендовг стал первым великим князем литовским. К этому времени древнее Русское государство – восточный сосед Литвы – уже распалось на самостоятельные княжества, которые подвергались набегам татаро-монгол, а западный сосед – Польское государство – также переживало удельный период. Польша и Литва меньше, чем Русь страдали от набегов татар, но на их северных границах находился Орден, и оба государства координировали свои внешнеполитические акции, направленные на борьбу с крестоносцами.

Во многом благодаря этому союзу Литовское государство смогло присоединить часть земель, входивших в состав древнего Русского государства. Окончательное образование Великого княжества Литовского, как это

принято в современной литературе, произошло при великом князе Гедимине (1292–1341).

Развитие Литовского государства в XIV в. характеризуется преимущественно двумя тенденциями. Деятельность Ордена, расширение литовских территорий, подвергавшихся нападению крестоносцев, приводят к тому, что литовцы иногда покидают свои земли и уходят на восток. Именно в XIV в. идет активное завоевание русских земель (в 1362 г. завоеван Киев, а в 1404 – Смоленск). Но такая миграция и расширение территорий, в свою очередь, ведут к ослаблению противостояния Ордену².

Присоединение и освоение русских земель вплотную столкнуло литовцев с жизнью иного мира: высокая культура государственного управления, развитое денежное обращение, разделение повинностей между отдельными группами населения, широкое распространение письменности, наконец, иной мир философской мысли, представленный православной церковью, и сложившийся под их воздействием образ жизни резко отличались не только от уклада жизни и культуры языческой Литвы, но зачастую и от насильственного миссионерства, которое нес католический Орден³.

На присоединенных к Литве русских землях, особенно тех, где сохранилось правление исконных князей Рюриковичей, продолжали действовать государственные и правовые нормы, восходящие к временам древнего Русского государства. Но и там, где на смену Рюриковичам пришли литовские Гедиминовичи, в XIV в. во многом сохранялись эти же нормы. Литовские князья и феодалы, оседавшие на присоединенных русских землях вдали от своих коренных владений, довольно быстро осваивали русскую культуру и вместе с местными землевладельцами создавали среду, способную выступить против централизаторских тенденций великого князя. Наличие таких владений, наряду с владениями Рюриковичей, создавало неустойчивость на границах с независимыми русскими княжествами.

XIV – начало XV в. в истории Литвы связываются с упорной борьбой с крестоносцами. В Европе того времени уже не было крестовых походов в Святую землю. Деятельность рыцарских орденов направлена на обращение в христианство языческих прибалтийских народов, позднее на борьбу с турками. Причем, обращение литовцев-язычников велось не только миссионерскими методами, но и прямыми военными походами⁴. Тевтонский рыцарский орден был одним из самых сильных и регулярно проводил походы против язычников. В XIV в. участие феодалов из стран Европы в походе крестоносцев на Литву стало своеобразной легитимизацией рыцарства

и приравнялось к участию в походе на Святую землю, поскольку в это время орденская пропаганда приравнивала литовцев к сарацинам. Крестовый поход на литовские земли имел и материальный интерес: Литва, торговавшая с другими государствами мехами, медом, воском, янтарем и иными высокоценными товарами, славилась среди рыцарей своим богатством. Независимо от исхода военных действий, участие в походе против литовцев сулило добычу отдельным рыцарям.

В последней четверти XIV в. происходят важные события в истории обоих государств. Куликовская битва показала, что русские княжества, сохранившие свою самостоятельность, достаточно окрепли, чтобы сбросить татарское иго.

В это же время в Литве происходят события, определившие ее дальнейшее развитие: в 1386 г. литовский великий князь Ягайло женился на наследнице польского престола королеве Ядвиге и тем самым объединил два престола, польский и литовский. Тогда же официальной религией в Литве стало католичество.

Весь XV в. в политической жизни русских княжеств и Литвы прослеживаются две тенденции. На русских землях происходит присоединение различных княжеств к Москве, политика, активно проводимая со времен великого князя Ивана Даниловича, и все возрастает тенденция к объединению русских земель в единое государство. И здесь Литва, в составе которой также было много русских земель, уже объединенных под властью великого князя, имела потенциальную возможность привлечения в свой состав новых княжеств. Западные русские княжества, в особенности Тверское, а также Новгород и Псков часто противопоставляли в своей политике Литву и Московское княжество.

Тверь, особенно во второй половине XV в., видела в Литве соперника Москвы, к помощи которого можно прибегнуть, чтобы сохранить независимость.

Особенно тесные отношения с литовскими великими князьями сложились у Новгорода и Пскова.

У обоих феодальных государств – Новгорода и Пскова – было много общих интересов с Литвой, прежде всего балтийская торговля и борьба с Орденом. Кроме того, государственность Новгорода и Пскова складывались так, что с XI в. они всегда приглашали князя, который возглавлял их войска. Новгород и Псков были единственными русскими государствами,

где так и не появилась своя княжеская династия, как на других землях, входивших в состав древнего Русского государства.

В XIV–XV вв. Новгород и Псков приглашают на службу русских и литовских князей.

Новгородское и, возможно, псковское боярство представляло к XV в. замкнутую сословную структуру, выросшую из родоплеменной знати; оно активно занималось торговлей и предпринимательством, было втянуто в хозяйственно-экономическую жизнь страны⁵. В руках боярства была и политическая жизнь Новгородской феодальной республики. По хозяйственно-экономической активности новгородская знать скорее всего стояла выше боярской верхушки княжеств Северо-Восточной Руси. Однако, отдельно сравнить тенденции развития Новгорода и Литвы в это время пока невозможно. Сознвая, что эта проблема нуждается в специальном исследовании, ограничимся лишь отдельными наблюдениями.

В Пскове в последние десятилетия XIII в. длительное время княжил литовский князь Довмонт-Тимофей, который успешно воевал с крестоносцами и завоевывал псковичам новые земли. В Новгороде долгое время находился литовский служилый князь Глеб-Наримонт, какое-то время его сын. В обоих случаях это были литовские Гедиминовичи, принимавшие православие. Есть основания полагать, что в Новгороде и Пскове в это время сложились тесные отношения с Литвой. Служилые литовские князья в Пскове и на "новгородских пригородах" занимались строительством оборонительных сооружений, у них были собственные владения, с которых князья получали доходы; в их руках было войско. Наримонт, считаясь новгородским служилым князем, несколько раз уезжал в Литву, оставляя вместо себя наместника или как наместника собственного сына⁶. В Литве он активно участвовал в политической борьбе за престол, которая перманентно вспыхивала между различными Гедиминовичами. В одну из таких поездок Наримонт погиб в Литве.

Не исключено, что постоянные упреки в адрес Новгорода и Пскова, раздававшиеся в Москве в конце XV и весь XVI в., что они хотели "отойти" к московскому недругу Литве, имели какое-то основание в политических событиях XIV–XV вв. Но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Аналогично вели себя в это время в Литве Рюриковичи, сидевшие на своих наследственных престолах. Отъезд на службу в Москву еще с начала

XV в. был для литовских князей одной из форм завершения феодальной войны в Литве. Достаточно вспомнить потомков великих князей черниговских, приехавших вместе с литовским князем Свидригайло, которые остались служить московским князьям. В конце XV в. большинство военных конфликтов между Москвой и Литвой были связаны с переходом Рюриковичей и Гедиминовичей на службу к московскому великому князю или отъездом русского Рюриковича в Литву после присоединения его наследственных земель к Москве. Причем, среди подобных переездов были и такие, которые вели к окончательной перемене сюзерена, и такие, которые продолжались недолго.

Кроме отношений, связанных со службой князей и чаще всего вызывавшихся междукняжескими усобицами, существовали и стабилизирующие отношения – династические браки.

Можно без преувеличения сказать, что конец XIV–XV в. были временем наиболее частых браков между литовскими и русскими князьями.

Самым известным был брак дочери литовского великого князя Витовта Софьи и сына Дмитрия Донского великого князя Василия Дмитриевича. Но еще московский князь Семион Гордый был женат на дочери Гедимины. Сестра Дмитрия Донского была замужем за литовским князем Дмитрием Кориатовичем, князь боровско-серпуховской Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия, был женат на дочери литовского князя Ольгерда. Дочь Дмитрия Ивановича вышла замуж за литовского князя Семиона-Лугвеня. Кроме этого, активно рождались не только с литовскими князьями правящего дома, но и удельными тверские великие князья, галицко-звенигородская ветвь московских великих князей.

Матерью Ягайло была русская княжна. Наконец, женой великого литовского князя Александра стала дочь Ивана III и правнучка Софьи Витовтовны – Елена Ивановна.

Династические браки в средние века являлись важным моментом внешнеполитических акций. Каждый такой союз вел не только к установлению более тесных контактов между правящими домами. Вместе с невестой приезжала свита, которая частично оставалась при новом дворе, духовенство (русские княжны как правило сохраняли православие), появлялись новые формы общения между дворянскими семьями, что способствовало знакомству с иными, чем в данной стране культурными традициями.

Принятие христианства в форме католичества повлекло в Литве изменения в экономической, политической и культурной жизни государства. Было бы неверным утверждать, что с 1386 г. происходит переориентация всей жизни Литвы на Польшу. Литва и раньше поддерживала торговые, дипломатические отношения с польскими княжествами; особенно тесными были дипломатические и военные союзы, направленные против Ордена.

В польской исторической литературе высказывалось мнение, что брак Ягайло и Ядвиги был нужен скорее Польше⁷. К концу XIV в. она утратила часть своих земель на северо-западе и востоке, ее постоянно притеснял Орден, что приводило к необходимости искать союзов за границей. Внутренняя ситуация "ослабление власти администрации, борьба между можновладскими родами, возрастание числа грабежей"⁸ требовали энергичного вмешательства властей. Духовенство в надежде на новые бенефиции в принявшей христианство Литве также поддерживало союз двух государств.

В свое время В.И.Пичета считал, что этот союз был одинаково нужен обоим ослабленным государствам, воинствующий германизм толкал их в братские объятия⁹. Союз поддерживали купцы и горожане, поскольку между городами Польши и Литвы сложились устойчивые торговые связи, и новые отношения между государствами несомненно расширяли торговлю как на западных границах, так и на восточных¹⁰.

Брак Ягайло и Ядвиги сразу сказался на международных отношениях Литвы, Польши и русских княжеств. Польские рыцари помогли новому королю завоевать Смоленск, а литовско-русские отряды – отвоевать земли Червоной Руси, наследство Ядвиги¹¹.

Однако в самой Литве нашлись силы, которые противодействовали быстрому проникновению польских традиций на литовские земли.

В.И.Пичета полагал, что литовское боярство рассматривало этот брак как личную унию и не считало, что она приведет к инкорпорации Литвы. Ягайло надеялся укрепить свое положение, опираясь на привилегии, данные в 1387 г. магнатам, принявшим католичество. Но магнаты не стремились отказываться от своей национальной самобытности такой ценой¹².

В результате возник военный конфликт между великим князем и его удельными родственниками, стремившимися не только сохранить независимость Литвы, но и укрепить свое положение.

В 1390-92 гг. в Литве шла война между объединенным войском рыцарей-крестоносцев и литовцев, недовольных политикой Ягайло, под коман-

дованием Витовта, с польско-литовским войском Ягайло. В результате мира, завершившего кампании трех лет, Витовт стал великим князем литовским, независимым от польского короля. Суверенность прав Витовта признавалась всеми современниками. Иностранцы, видевшие общение между Витовтом и Ягайло, никогда не замечали в нем ничего, напоминавшего отношения сюзерена и вассала; наоборот, подчеркивалось равенство двух государей. И это свидетельствуют дипломаты, рыцари-крестоносцы, умевшие различать нюансы вассальных отношений.

В начале XV в. положение Витовта очень упрочилось. Он занимал видное место в международных связях; в Литве и других государствах в нем справедливо видели героя Грюнвальда¹³. На протяжении первой половины XV в. польский и литовский престол занимают близкие родственники Гедиминовичи. В середине века на долгое время оба престола занял Казимир Ягеллончик, позднее его сыновья разделили между собой польский и литовский троны. И лишь в XVI в. великий князь литовский Александр становится польским королем; нераздельность титулов сохранялась и за его наследниками.

Это обстоятельство отметил еще Пичета, рассматривавший процесс сближения Польши и Литвы именно во времена проявления Казимира и Александра и наблюдая в их законодательных актах моменты развития унии между обоими государствами¹⁴.

В XIV в. быстрое проникновение Польши в Литву не удалось; весь XV в. идет постепенное сближение экономических, политических структур обоих государств.

Большое значение для укрепления этого союза имела Городельская уния 1413 г., подтвердившая независимость обоих государств и самостоятельность их государей. В Литве власть великого князя была наследственной, польские феодалы склонялись к выборности короля. Более всего, как можно полагать, выиграла литовская средняя шляхта, поскольку литовские боярские роды были уравнены в правах с польской шляхтой, "становились объектом права, получали политическую стабилизацию и возможность апеллировать к государственным институтам"¹⁵ и в определенной мере оказались независимыми от расположения великого князя.

В интересах нарождающейся в Литве католической церкви польский король и литовский великий князь следили за соблюдением равенства в правах литовских бояр-католиков и польской католической шляхты. Инте-

рессы польской шляхты и литовского боярства совпадали и в политике завоевания восточных земель, но их разделяла борьба за освоение вновь приобретенных земель.

В Польше внимательно следили за тем, чтобы великий литовский князь не был коронован; особенно активно противились коронации Витовта. Поэтому литовских великих князей в их борьбе против усиления влияния польского короля на Литве активно поддерживали русские князья и бояре русских земель, где были еще сильны давние традиции.

С середины XV в. происходит более активное сближение шляхетской культуры Польши и Литвы, которая выростала из сходной общественной ситуации и форм деятельности. Польский шляхтич и литовский боярин участвовали в одних и тех же походах, что способствовало единообразию вооружения и тактики, сближались формы ведения хозяйства и мировоззрения¹⁶. Польские и литовские дворяне учились в одних университетах и читали одну и ту же литературу.

XV в. принес и новые тенденции в экономическое развитие европейских государств, где возрастает значение товарно-денежных отношений. Появляются более совершенные формы хозяйствования, основываются новые города, возникают новые торги и ярмарки. Все это приводит к появлению иного идеального образа феодала. Для более раннего времени в феодальном обществе им был рыцарь, причем понятие "рыцарственность" имело универсальный характер. Это воин, завоеватель земель, участник военных походов, возвращающийся из них с богатой добычей. Военные трофеи и милость короля – вот основа, на которой выросли рыцарские владения¹⁷.

В XV в. в Европе развивается тенденция к образованию наемного войска, что связано с развитием порохового оружия и усовершенствования вооружения. Доход феодалу приносит эксплуатация земельных владений, а не военный поход. Шляхтич-рыцарь становится шляхтичем-предпринимателем, ведущим свое хозяйство, состоящее из разведения скота, или же продуктов сельского хозяйства, бортничества, охоты и рыболовства. Для верхушки феодалов характерно основание в своих владениях новых городов и местечек¹⁸.

И если шляхтич-рыцарь – универсальный образ для всего католического мира раннего средневековья, то идеал шляхтича-предпринимателя связывается с его заботой об интересах государства, понимаемых как интересы

сословия. Наряду с понятием рыцарской справедливости формируется понятие государственной справедливости¹⁹.

Для России XV в., особенно во второй половине, ярко проявляется стремление политического объединения русских земель. Возможно, оно опиралось на борьбу с татарским игом, противостояло таким же объединительным тенденциям, исходившим из Великого княжества Литовского, и несколько опережало экономическое развитие страны.

XV в. на русских землях ознаменован окончательным освобождением от татаро-монгольского ига, что имело большое политическое значение. После длительной феодальной войны за великокняжеский престол, еще в процессе объединения великих княжеств вокруг Московского княжества его правитель Иван III выходит на международную арену как государь крупного феодального государства. Вероятно, новое состояние политического строя, когда на смену разрозненным княжествам приходят единые государства, приводит к качественному изменению влияния отдельных политических структур этих государств друг на друга. Союзы между русскими и литовскими князьями, а также их противостояния в XIV–XV вв., возможно, были не такими длительными, но более частыми.

К сожалению, подавляющее число исследований по русской истории XIV–XV вв. относится к одному региону – Северо-Восточной Руси. Практически процессы экономической жизни не изучены в достаточной мере для таких обширных и мощных регионов, как Новгород, Псков, Тверь, Рязань, существовавших в это время как самостоятельные государства. Для нас это тем более важно, что именно эти земли по целому ряду параметров были тесно связаны с Великим княжеством; не исключено что их политические, торговые, культурные контакты имели большое значение и взаимовлияние в различных сферах жизни.

Еще одна слабая стороны советской исторической литературы – отсутствие достаточно разработанных исследований по истории светского феодального землевладения за исследуемый период.

Исходя из имеющихся трудов, можно предположить, что в XV в. и русские земли переживали экономический подъем. Если говорить о хозяйственном освоении земель, этот процесс хорошо наблюдается в монастырской колонизации. В это время в разных регионах формируются большие земельные владения, равные магнатским латифундиям Литвы, у таких мо-

настырей, как Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Симонов и др.²⁰

С каждым крупным монастырем связан определенный круг княжеских и боярских семей. Это вкладчики в монастырь, его должники, потенциальные постриженники, лица, в приобретении чьих владений заинтересован монастырь. Они также составляли политическую силу, которую могли использовать церковные власти в своих мирских интересах. Монастыри, являющиеся составной частью церковной организации, были важным фактором в борьбе за политическую власть.

Поэтому церковные иерархи, которые в России никогда не входили официально ни в одну государственную организацию, играли большую роль не только в идеологическом обосновании политических акций, но и в их непосредственном проведении.

Между русским православным духовенством и духовенством Великого княжества существовали контакты; еще в XVI в. русские еретики убегали в Литву. При образовании централизованного государства такие контакты приобретают централизованный государственный характер и их взаимовлияние становится иным.

На протяжении XV в. в Литве усиливалась роль католической церкви, которую официально поддерживала великокняжеская власть. Это вело к изменению духовной жизни общества. Духовная жизнь в Литве вообще развивалась более активно, чем в России. Существование двух церквей давало возможность выбора вероисповедания. Кроме того, в XV в. литовское дворянство получило возможность обучаться в университетах как Польши, так и других стран, что естественно вело к расширению культурных горизонтов. В Литве раньше, чем в России появилось и укоренилось книгопечатание.

Очевидно, можно отметить разные тенденции образования двух централизованных государств. В России объединялись княжества, когда-то составлявшие одно государство, где правили родственники – члены одной династии. Русские великие княжества образовались в результате распада древнего Русского государства, у этих земель существовали прочные исторические связи, у них были общие корни, и даже в состоянии феодальной раздробленности их питали общие традиции. Много общего было и в структуре правящего класса этих княжеств, и в формах управления. То, к чему Литва шла весь XV в. в процессе сближения с Польшей: сближение

политических структур, правовых норм, сословных привилегий и т.д., в системе русских княжеств было уже заложено во времена древнего Русского государства. Важно и то, что в русских землях были единые культурные традиции и одна церковь.

Все это вело к политическому обоснованию необходимости объединения, как возвращению к древним традициям. Какой бы великий князь ни стал великим, это все равно был бы Рюрикович, потомок киевских великих князей.

В Великом княжестве Литовском в границах одного государства жили разные народы со своими политическими и культурными традициями. На престолах сидели князья двух династий. Существовали две церкви и несколько вероисповеданий. Естественно, великим князьям литовским надо было быть гибче в своей внутренней политике, искать опору в определенной среде²¹. Этой средой стал правящий класс феодалов, получивший большие сословные права и привилегии, закрепленные юридически. Гибкой была и политика по отношению к церкви. Объявив официальной католическую церковь, великие литовские князья никогда не выступали открыто против православной церкви. Скорее это объясняется тем, что в XV–XVI вв. в Литве существовала сильная прослойка православных феодалов, и государство не хотело обострять с ней отношения. Но передав большой объем прав и привилегий местным властям и феодалам, государство ослабило себя. В повседневной жизни средняя и мелкая шляхта не могла не считаться с магнатами, жившими в тех же поветах, что и она. Реальная гарантия осуществления имеющихся у шляхты прав часто заключалась в ее отношениях с магнатами. Об этом свидетельствуют судебные процессы по вопросам землевладения, наследования имущества, заключения браков и т.д.

Фактически Великое княжество Литовское в своем развитии органично спланило собственные традиции, а также традиции православного и католического мира. Основы этого процесса закладывались в период, которому посвящена эта работа.

* * *

Работа состоит из трех разделов, посвященных политическому строю, сословной структуре правящего класса и идеологии, оформлявшей prerogative верховной власти обоих государств.

В первом разделе рассматриваются развитие государственного аппарата управления в России и Литве, органов центрального и местного управления. Отдельно выделен вопрос о взаимоотношении церкви и государства. Здесь надо обратить внимание на переплетение традиций, восходящих к русским правовым нормам XI–XIII вв. и нормам, появившимся в XV в., когда начался процесс сближения с Польшей.

Во втором разделе исследуется процесс формирования сословной структуры правящего класса. Здесь взаимовлияние традиций в России и Литве весьма ощутимо. Некоторые структуры, как категория служилых князей, образовались в Литве, а позднее были заимствованы Русским государством. В то же время, как полагает ряд исследователей, отношения между сословными группами правящего класса, особенно на бывших русских землях, не подвергались коренной ломке. Там или оставались русские князья, ставшие вассалами великого литовского князя, или же пришедшие литовские князья правили этими землями, не ломая старых отношений.

В этом случае акты литовской великокняжеской канцелярии, в которых отразились отношения зависимости между разными сословными группами правящего класса, могут дать материал для воссоздания картины подобных отношений у русского правящего класса. Отсутствие юридических норм, фиксировавших отношения между разными слоями правящего класса России, и бедность актов не позволяют полно раскрыть подобные отношения.

И, наконец, третий раздел: идеологическое оформление идеи великокняжеской власти, которой в средневековом обществе придавалось божественное значение. Проявления идеологии самодержавия рассматриваются в трех аспектах: процедура венчания на престол, создание родословий великих князей, идея власти в публицистике.

В этом разделе кроме русского и литовского использован и польский материал, поскольку венчание на царство в России скорее сопоставимо с коронацией в Польше; кроме того здесь сохранились источники, аналогичные русским. Проблема происхождения литовских князей и литовской знати освещена в русских, польских и литовских источниках, ее можно раскрыть, привлекая весь комплекс данных. Что касается публицистики, то для XVI в. практически невозможно разделить польских и литовских авторов:

среди них сотрудники великокняжеской и королевской канцелярий, профессора, шляхта и др.

Автор ясно осознает, что при современном состоянии исторических исследований политической истории России, Литвы и Польши в средневековый период полностью вскрыть поставленные вопросы практически невозможно. В настоящее время нет или недостаточно работ, освещающих частное землевладение в России и Литве XV – первой половины XVI в., особенно посвященных хозяйствованию феодала в своем имении. Не изучены особенности развития отдельных русских земель в XV в., поэтому нельзя уловить отношения Литва-Тверь-Москва; Новгород-Литва, Новгород-Москва и подобные связи. Без решения этих и других вопросов нельзя делать окончательных выводов об общих тенденциях и особенностях развития средневековой Литвы и России. Даже в такой казалось бы хорошо изученной теме, как идейные течения в православной церкви, выпадает аспект: православная церковь и реформация на русских землях в составе Великого княжества Литовского²².

Поэтому в ряде случаев наблюдения автора носят скорее постановочный характер, направлены на то, чтобы стимулировать дальнейшие исследования, а не претендуют на окончательное решение проблемы.

¹ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; Паушто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

² Samsonowicz H. Złota jesien polskiego sredniowiecza. Warszawa. 1971. S. 48.

³ Батура Р.К., Паушто В.Т. Культура Великого княжества Литовского //ВИ. 1977. № 4. С. 94-117; Samsonowicz H. Złota jesien... S. 49-50.

⁴ Grabski A.F. Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV–XV w. Warszawa. 1968. S. 179.

⁵ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М. 1981.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ Samsonowicz H. Op. cit. S. 53.

⁸ Ibid.

⁹ Пичета В.И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 526-527.

-
- ¹⁰ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб. 1993.
- ¹¹ *Samsonowicz H.* Op. cit. S. 55.
- ¹² *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 527.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Samsonowicz H.* Op. cit. S. 62.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 62.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 76.
- ¹⁸ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. С. 132-138.
- ¹⁹ *Samsonowicz H.* Zlota jesien... S. 155; *Ossowska M.* Ethos rycerski i jego odmiany. Warszawa. 1986.
- ²⁰ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. М., 1977.
- ²¹ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М., 1991. С. 231-312.
- ²² *Дмитриев М.В.* Православие и реформация: реформационные движения на восточно-славянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М. 1990.

ПРАВА И ФУНКЦИИ ВЛАСТИ

Традиции великого княжения в Русском государстве конца XV – XVI вв. в значительной степени являлись преемственностью системы, сложившейся еще в древнем Русском государстве. Веками на своих "отчих и дедных столах" в различных великих княжествах сидели князья Рюриковичи. К XV в. в великих княжествах уже сложилась устойчивая система правления, когда верховная власть передавалась внутри одной семьи. Эта система правления сочеталась с системой землевладения, когда земли в государстве также передавались по наследству внутри одной семьи феодалов, что создавало устойчивую среду землевладельцев, окружавших государя, и способствовало сохранению на престоле династии¹.

В этих условиях власть князя – законодательная, судебная, военная и административная – восходила к древним традициям и развивалась вместе с развитием государственности на территории его владений². К концу XV в. мы уже можем говорить о наследственной самодержавной власти государя, которая юридически оформляла свои отношения с соседними государями (докончальные грамоты), своими собственными подданными (жалованные грамоты), издавала общегосударственные судебные кодексы (Судебники).

И здесь русские нормы расходятся с литовскими: в XV в. для Литвы не существовало такой многовековой наследственной службы князю, как это было на русских землях. Пришедшие в XIII–XIV вв. на такие земли литовские князья и бояре осваивали древние традиции и вносили свои. Это вело к сословной мобильности, и формирование сословий закреплялось законодательными актами. Также и при создании государственных должностей аппарата управления в Литве великие князья больше внимания уделяли отдельным территориям своего государства.

В России, как показали исследования С.Б.Веселовского и А.А.Зиминой, "аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам"³, идея долга перед страной развивается позднее. Длительность службы членов одной семьи династии, легшая в основу местничества, во многом повлияла на формирование органов центрального управления страной, военную и судебную деятельность в России.

В Великом княжестве Литовском при сходном способе создания центральных органов управления гораздо большую роль играли должности в местном управлении. Раздавая такие должности своим не всегда знатным

сторонникам, великий князь не только сохранял контроль за жизнью в различных регионах, но и создавал возможность продвижения по служебной лестнице представителям различных сословных слоев.

Конец XV–XVI вв. в обоих государствах характеризуются тем, что придворная служба активно трансформируется в органы государственного управления, где высшим становится совет при великом князе, существовавший с древнейших времен.

Образование и функции государственного аппарата

Древнейшим учреждением, где сосредотачивалась организация функционирования власти великого князя – и в России, и в Литве – была великокняжеская канцелярия. На раннем этапе развития здесь осуществлялось ведение судебных дел, которые входили в юрисдикцию князя, вопросы сбора дани и доходов, сосредотачивались документы, связанные с международными делами. В начальный период своего существования канцелярия в русских княжествах была тесно связана или даже часто составляла единое целое с великокняжеской казной и архивом. На более позднем этапе развития государственного аппарата, выделением международных функций, затем других (организация военных походов, землевладение) при дворе стала оформляться более сложная система исполнительных органов власти. Аналогичные явления наблюдаются в истории других европейских средневековых государств.

"Изучение организационно-функционального аспекта деятельности канцелярии включает в себя вопросы, связанные со структурой, штатом сотрудников, приемами, методами и видами практической деятельности канцелярии. Социально-политический аспект позволяет определить, в какой мере государство использовало канцелярию в выполнении трех своих основных исторических функций: в законодательстве, управлении и правосудии"⁴.

Для Русского государства древнейшие сохранившиеся документы канцелярии московских князей сосредоточены в фонде Древлехранилища, для Великого княжества Литовского – это материалы Литовской метрики.

Принципы деятельности русской великокняжеской канцелярии и связанное с ним формирование великокняжеских архивов XIV–XV вв., где хранились документы текущего делопроизводства, прекрасно вскрыты

Л.В.Черепниным⁵; для определения состава и принципов делопроизводства канцелярии XVI в. важна работа А.А.Зиминой⁶.

Великокняжеская канцелярия в Москве, как и другие подобные учреждения средневековых государств, ведала дипломатической службой; к ней относятся как внешние сношения, так и междукняжеские. Обычно послами к соседним князьям ездили государевы дьяки – сотрудники канцелярии. Дьяки в XV – начале XVI в. ездили с посольствами за границу. Иногда гонцами посылались представители небогатых дворянских семей, входивших в Государев двор (Федор Карпов, Нагие и др.).

Внутригосударственная деятельность московской канцелярии не охватывала такого широкого спектра вопросов, как в Литве. Грамоты выдавались лишь иммунитетные. Периодически великий князь их вновь рассматривал и подтверждал. В канцелярии разрабатывался единообразный формуляр грамот, где большое внимание уделялось великокняжескому титулу.

Канцелярия с казной готовили торжественные церемонии, венчание на престол, свадьбы, приемы послов и др., где требовалось расписать весь ход праздника ("чин"), распределить участников для различных его моментов ("разряд"), выделить необходимое имущество из казны. За подготовку такой церемонии также отвечали дьяки⁷.

Судя по документам государственного архива, с великокняжеской канцелярией связаны дела политического характера: в архиве хранились судебные дела еретиков, дела о побегах за рубеж, поручные записи; кроме того там же, возможно, были списки публицистических произведений, заготовки для летописей⁸.

Если эти документы отложились в архиве именно в результате деятельности великокняжеской канцелярии, значит в ней велись политические судебные дела. В канцелярии составлялись и литературно-публицистические произведения, отражавшие официальную точку зрения.

В конце XV – начале XVI в. из канцелярии стали выделяться учреждения с функциями определенной исполнительной власти. Прежде всего надо назвать внешнеполитические функции, которые к тому же были тесно связаны с деятельностью Боярской думы. Кроме этого, очевидно, достаточно рано обособился Разряд, ведавший военными назначениями. Организация больших походов, как походы на Казань, Астрахань, другие требовали серьезной подготовки, а все назначения военачальников делались в Москве.

Известно, что раньше других в России появляются чиновники – думные дьяки и дьяки, – в чьи функции входила или внешнеполитическая деятельность (И.М. Висковатый, братья Щелкаловы во второй половине XVI в.)⁹ или назначение на воинскую службу (Е.Цыплятев и его сын Иван в середине XVI в.)¹⁰. Эти же лица возглавляли первые центральные органы государственной власти России – Посольский и Разрядный приказы.

Подобный принцип создания других центральных учреждений – функционально-территориальный – мы наблюдаем для XVI в. и в других случаях. Сама система приказов формировалась длительное время, ее расцвет падает на XVII в.; для начала XVI в. можно говорить о трансформации придворных служб в государственные органы. Прежде всего это касается такой древней структуры, как казна.

С древнейших времен известны казначей и дворецкий – лица, ведавшие княжеской казной и хозяйством великокняжеского двора. Такие должности были и при дворах великих княгинь, иерархов церкви; в XVII в. на основе этих служб появляется сложная система Приказов, обслуживавших дворцовое хозяйство.

Казначей ведал финансами князя и должен был хорошо ориентироваться в них. Не зря первыми казначеями в Москве были Ховрины, считавшие своим предком "гостя-сурожанина"; позднее эта должность передавалась в роде греков Траханиотовых, выехавших в Москву вместе с Софьей Палеолог¹¹. В ведение казначея входили не только финансы, но также архив государственных документов, сокровища казны, великокняжеские регалии. При казне сформировалась система мастерских, следивших за сохранностью ценностей казны и создававших новые. С конца XV в. известны помощники казначеев – печатники, ведавшие государственной печатью. Среди первых печатников источники называют родственников казначеев из семей Ховриных и Траханиотовых¹².

Из других придворных должностей одной из первых в государственную стала преобразовываться должность оружничего¹³, в чьи функции входило ведать оружейной казной ("шеломом" и "доспехом"), а также руководить деятельностью мастеров – бронников и оружейников. С появлением оружничих связано и появление Оружейной палаты. В ведении оружничих были рынды – оруженосцы и телохранители государя, которые сопровождали его на всех торжественных приемах и выездах. Во время поездок государя и особенно военных походов роль оружничего возрастала: он отвечал за походную казну, парадное оружие царя, имевшее инсигнийный характер.

Первым помощником оружничего был старший рында, который замещал оружничего во время его отсутствия, делал заказы оружейным мастерам, руководил другими рындами¹⁴.

Первым известным нам оружничим был А.А.Салтыков (1508 г.), происходивший из рода Морозовых; позднее оружничими стали два брата Н.И. и Ф.И.Карповы. Федор Карпов был одним из самых просвещенных русских политиков первой половины XVI в., дипломат и публицист.

Медленнее преобразовывались в государственные службы такие придворные чины, как кравчий и подчиненные ему стольники, чашники, хотя в повседневной жизни, особенно когда речь идет о парадных приемах царя, эти должностные лица играли большую роль. Вероятно, это связано с отсутствием четкого разграничения должностей и учреждений, которое было в первой половине XVI в., отсутствием юридического оформления прав и обязанностей для должностных лиц, а также их личным составом.

Как и в других средневековых государствах подобные должности при московском дворе занимали лица незнатных родов, потомки младших сыновей старинных боярских родов. Это и оружничие Карповы, ведавший Разрядом думный дьяк Цыплятев, многие другие. С придворной должности постельничего начинали службу Алексей Адашев и Борис Годунов.

Это давало возможность членам Боярской думы окружить себя при дворе родственниками, преданными людьми, а младшим родственникам старомосковского боярства, не имевшим реальной возможности занять высокую государственную должность, сделать придворную карьеру и в случае успеха ввести в состав Государева двора своих потомков. Именно такой "путь наверх" для представителей провинциального служилого сословия в XVI в. был обрисован Н.П.Лихачевым в его исследовании, посвященном истории семьи Лихачевых, которые в XVII в. вошли в состав служилой элиты Русского государства¹⁵.

В XV в. среди придворной службы выделились дворецкие, лица, ведавшие хозяйством великокняжеского двора. Их служба была связана с великокняжескими владениями на местах¹⁶. Дворецкими посылались представители боярских родов; их деятельность на местах носила многогранный административный характер: сбор доходов в казну, суд между черносотными крестьянами, посадскими людьми и землевладельцами. Причем суд дворецкого был последней инстанцией, ему докладывались все дела, не ре-

шенные в судах более низкого уровня. Должность дворецкого была временной, вскоре она стала ступенькой, за которой следовал думный чин.

В XVI в. дворецкие стали управлять не только территориями с великокняжескими владениями, но также присоединенными к Москве: появляется новгородский, тверской, серпуховской дворецкие и другие. Это стала административная служба: дворецкий и его аппарат знали, как обстоят дела со свободной землей на управляемой территории, часто имели возможность выгодно приобретать для себя и своей семьи новые владения¹⁷.

Однако подобные процессы преобразования придворных должностей в государственные, формирование вокруг таких должностей соответствующего аппарата, способствующего управлению, в Русском государстве XVI в. развивались медленно, окончательное оформление системы Приказов, высших органов исполнительной власти произошло позднее, в XVII в., но все основные тенденции были заложены в XVI в.

Документы, связанные с функционированием канцелярии великого литовского князя – Литовская метрика – представляют действительно уникальный комплекс, способный осветить самые различные вопросы истории, раскрыть многообразие деятельности самой канцелярии.

Документы Литовской метрики и история этого фонда неоднократно исследовались по самым различным параметрам: история создания существующего архивного комплекса, история канцелярии Великого княжества, конкретные вопросы истории народов, входивших в состав Великого княжества в XV–XVII вв. и другие¹⁸.

Древнейшие документы, хранящиеся в фонде Литовской метрики, в своем большинстве сохранились в копиях конца XVI в.

Этот обширный комплекс сформировался благодаря специфике работы самой канцелярии, где с конца XV в. велись книги, в которые вписывались все документы, исходящие из канцелярии. А поскольку канцелярия занималась не только ведением дел, связанных с международными отношениями, созданием юридических актов, но и более частными делами (в Великом княжестве ни одна сделка между частными лицами по покупке недвижимого имущества не считалась действительной, если она не была утверждена великим князем), то круг документов и связанный с ними аспект исторических проблем, сохранившийся в Литовской метрике, действительно неограничен¹⁹.

Н.Г.Бережков не исключал того, что в Метрике кроме книг хранились и другие материалы, представлявшие смесь несистематизированных документов в копиях, отпусках, которые хотя бы частично были переписаны в книги-копии конца XVI в.²⁰.

Исследовав комплекс документов, относящихся к внешнеполитической и внутригосударственной деятельности канцелярии Э.Д.Банионис убедительно доказал, что работа писарей по созданию книг во время княжения Александра была более сложной, чем это представил Бережков²¹. К 90-м гг. XV в. в канцелярии сложилось четкое распределение функций между сотрудниками, а состав документов, записываемых в книги, был связан с функциями писарей, которые вели дела разного характера. Даже при том, что в канцелярии были люди, которые занимались преимущественно одной-двумя проблемами (внешнеполитическая, финансовая деятельность и др), четкого разделения дел еще не было.

Все это вело к тому, что у одного писаря сосредотачивались различные документы, они записывались в реестры с нарушением четкой хронологии, наконец, могли быть параллельные записи одного документа в нескольких реестрах. Банионис доказал, что в канцелярии в XV – начале XVI в. не было разработанной структуры делопроизводства, реестры, которые велись в отдельных тетрадах, складывались по мере их окончания. Принципиальным является вывод автора о происхождении понятия "книги" Литовской метрики. Современный исследователь имеет дело с книгами, переписанными в конце XVI в., и представление о том, что в канцелярии делопроизводство изначально велось по книгам, довольно прочно вошло в сознание историков. Банионис показал несостоятельность применения термина "книги" по отношению к деятельности канцелярии в конце XV – начале XVI в. «В то время "книгами" назывались как переписанные в отдельные "тетради" для долгосрочного хранения писарские реестры, так и более менее систематизированное собрание этих "тетрадей"»²².

Мы остановились на концепциях, посвященных документам Литовской метрики, поскольку именно эти документы – результат деятельности канцелярии Великого княжества, и говорить о деятельности учреждения, не определив ее круг и принцип оформления документов в учреждении, затруднительно.

Систематическая запись исходящих документов в канцелярии относится к 40-м гг. XV в., исследователи связывают эту функцию с правлением Казимира Ягеллончика, бывшего сначала литовским великим князем, а за-

тем и польским королем. Именно при этом князе был составлен первый судебник Великого княжества²³.

В польской исторической литературе довольно четко обосновывается идея, будто образование канцелярии литовского великого князя произошло после женитьбы Ягайло на Ядвиге, связано со сближением Польши и Литвы и изначально несет традиции польской государственности. В основном эти положения доказываются на формулярах грамот, выдаваемых великими князьями литовскими, начиная с Витовта, большим авторитетом латинских писарей, самим штатом сотрудников этого учреждения²⁴.

Однако, с XV в., когда мы имеем достаточно репрезентативный состав документов, вышедших из канцелярии, подавляющее их большинство написано на древнерусском языке²⁵. Совершенно естественно, что в конце XIV в., когда только началось политическое сближение Литвы и Польши, во время княжения Казимира Ягеллончика усиливается влияние польских традиций, но общая тенденция создавать документы на славянском языке остается стабильной.

Для нас это важно, т.к. подтверждает положение о продолжении традиций древнего Русского государства на русских землях в составе Великого княжества. Кроме того, специальное исследование, возможно, позволит найти среди документов Литовской Метрики истоки древнерусского акта.

Номенклатура документов Литовской Метрики позволяет раскрыть круг полномочий великокняжеской власти и, прежде всего, внешнеполитические отношения. В Литве, как и в других средневековых феодальных государствах, на международной арене государство олицетворялось правителем. Это создает некоторые трудности, поскольку с XVI в. великий князь литовский одновременно и король польский, а титул короля, как более высокий, заслоняет титул великого князя. Как установил Э.Д.Банионис, "Ливония, Русское государство, Большая Орда, Крымское ханство и Молдавия (последняя – только в годы правления великого литовского князя Александра – в 1492-1501 гг.) были сферой деятельности исключительно посольской службы Великого княжества Литовского. При этом она представляла и политические интересы Польши"²⁶. Как установил автор, между Польшей и Великим княжеством постоянно возникали споры по вопросам представительства на международной арене, пока не сложилась традиция: посольская служба Княжества представляла политические интересы Польши в государствах Востока, а польская – интересы Княжества в Западной Европе²⁷.

Это может говорить о том, что Литва не хотела утратить свои многовековые международные связи.

В дипломатической службе Великого княжества употреблялось с полдюжины европейских и восточных языков и был специальный штат восточных писарей.

Из документов Литовской метрики вырисовывается и законотворческая деятельность канцелярии. В книгах Метрики помещены акты, вводящие магдебургское право в городах, юридические правовые документы. С канцелярией Великого княжества связано составление Судебника Казимира 1468 г. и Статута 1529 г.

Поскольку великий князь был верховным судьей, большой комплекс документов связан с судебными делами. Существует чрезвычайно широкий круг актов, связанных с землевладением светских феодалов. Не меньше документов связано со сбором налогов, закладами и другими финансовыми делами великого князя.

Как видно, в компетенцию великого князя, кроме внешнеполитических функций входили еще функции законодательной, исполнительной и судебной власти.

Однако, как показал Банионис, в конце XV в. стройная схема работы канцелярии стала распадаться. Здесь сказалось увеличение объема работы, особенно связанной с выдачей документов на права владения, и связанное с ним увеличение числа писарей²⁸.

Кроме того, в обществе изменилось отношение к документу. Если в XV в. при решении ряда вопросов было достаточно показаний свидетелей, которые подтверждали "старину" (в России такие же функции выполняли "старожильцы"), обычаи, существовавшие десятилетиями, то в конце XV в. большое значение приобретает документ. Для начала XVI в. известны случаи, когда великий князь Сигизмунд не подтверждал права на земельные владения, т.к. грамоты, выданные Казимиром, не были подтверждены Александром. В данном случае мы видим обычай, аналогичный подтверждению иммунитетных прав, выданных русскими великими князьями, когда наследник делал на грамоте отметку, что признает законными права, предоставленные своим предшественником. Но в отличие от этого русского обычая в Литве выдавался новый привилей, где подтверждался весь объем прав вотчинника. Копии таких привилеев заносились в книги Метрики.

Изменилась и сама форма записи документов в книги. До начала княжения Александра акты лишь эпизодически записывались в книги полностью, в основном здесь реестры документов.

В какой-то степени документы отражают и оттенки внутренней политики разных великих князей. Во время Александра явно выделяется обилие актов на земельные пожалования и вообще документов, связанных с хозяйственной деятельностью феодалов. Сигизмунд чаще дает земли "в заклад", его акты отражают финансовые сделки. По сравнению с княжением Александра возрастает число аренд мыта и корчом. Такие акции давали великому князю наличные деньги.

Мы можем достаточно твердо утверждать, что в литовских и русских канцеляриях были сходные традиции ведения делопроизводства.

Изменение в работе великокняжеской канцелярии Александра, происшедшие в конце XV в. Э.Д.Банионис видит также в резком повышении социально-иерархического положения ведущих писарей²⁹.

Действительно, некоторые из них, как Богуш Боговитинович, Ивашка Сапега, Иван Владыка сделали большую карьеру и стали за годы службы крупными землевладельцами. В XVI в. писарь, как правило, имеет еще должность в местном управлении, обычно это наместники; они возглавляют посольства. Надо напомнить, что в Великом княжестве участие в местном управлении давало реальную власть и деньги.

И здесь видны отличия между канцеляристами Литвы, Польши и России.

В Польше в канцеляриях работали лица с университетским образованием. Известнейший историк XV в. Ян Длугош, учившийся на философском факультете Краковского университета, начал службу в канцелярии польского магната Збигнева Олесницкого; в дальнейшем Длугош много и плодотворно занимался дипломатической деятельностью³⁰. Королевским секретарем был историк Мартин Кромер. Большинство польских историков и публицистов по службе было связано с королевской канцелярией³¹. Это не могло не создать определенный уровень дипломатических документов; кроме того, научные труды таких государственных деятелей имеют хорошую фактическую основу и несут дух политической борьбы своего времени.

В XVI в., когда польский король и великий князь литовский персонифицировались в одном лице, можно допустить сотрудничество представи-

телей великокняжеской и королевской канцелярий хотя бы в разработке внешнеполитической деятельности, при решении кардинальных вопросов политики. Однако, сотрудники великокняжеской канцелярии выступают скорее как хорошие организаторы, хозяйственные феодалы. Лишь записки члена литовского посольства в Москву и Крым Михалона Литвина исследователи связывают с сотрудником великокняжеской канцелярии³².

Русские дьяки в первой половине XVI в. никогда не поднимались до таких административных и интеллектуальных высот.

Лишь в 80-е гг. XV в. в политической жизни России появляется талантливый писатель и дипломат, возможный автор "Повести о Дракуле" – дьяк Федор Курицын. Ничего не известно о государственной службе талантливого дипломата и публициста первой половины XVI в. Федора Карпова. Анонимно такое блестящее публицистическое произведение, как "Сказание о князьях владимирских"; его автор несомненно был образованным историком. Анонимны и русские летописи XVI в., хотя в научной литературе давно существует мнение, что ряд из них связан с деятельностью государевой канцелярии³³.

* * *

Деятельность административного аппарата России и Великого княжества Литовского в XVI в. свидетельствует о возникновении и развитии различных тенденций в политическом строе обоих государств.

В России все большую роль играют центральные органы власти: хотя в центре выделяются различные учреждения и лица, имеющие самостоятельные обязанности, мы не встречаем на местах реальных исполнителей, благодаря которым центральные органы могли бы функционировать. Вся переписка из Москвы ведется с назначаемыми на определенный срок наместниками, воеводами, их аппаратом. Именно они в своих регионах выполняют распоряжения разрастающихся центральных учреждений – приказов.

В Великом княжестве, наоборот, на местах появляется разветвленная структура должностных лиц, деятельность которых, строго функциональная, проходит под руководством и наблюдением великокняжеской канцелярии. В Литве не появились центральные органы исполнительной власти. А роль чиновников канцелярии – писарей – в политической жизни общества была более активной и яркой, чем дьяков в России XVI в.

Верховные органы государственной власти

Формирование великокняжеских династий на различных русских землях привело к наследственному управлению государством и формированию при дворах стабильной прослойки семей, представители которых входили в великокняжеский совет, занимали высшие должности государственного управления. При всех различиях развития политических структур в Русском государстве и Великом княжестве Литовском, история создания и функционирования высших органов власти имеет здесь много общих черт.

В исторической литературе к верховным органам государственной власти как правило относят народные собрания и советы при князе, которые известны с глубокой древности. Л.В.Черепнин, посвятивший специальное исследование истории земских соборов на русских землях со времен феодальной раздробленности³⁴, показал их эволюцию во времени, различия этих собраний в отдельных регионах страны, их генетическую связь с древним вече.

Наиболее исследована история новгородского веча, которое долгое время ассоциировалось с демократическим строем Новгорода. Однако, в исследовании В.Л.Янина приведены убедительные доказательства того, что с развитием феодального строя это в древнейшие времена народное собрание трансформировалось в заседания феодальной верхушки города, где пропорционально была представлена знать пяти новгородских концов и действительно вырабатывалась политика городских властей³⁵.

Земским соборам Русского централизованного государства в первой половине XVI в. также посвящена большая литература. Исследователи пытались установить количество таких соборов, место их проведения, причины, вызвавшие их. Уже такой круг вопросов показывает, что в Московском княжестве соборы собирались в чрезвычайных обстоятельствах, чтобы примирить позиции разных группировок правящего класса, выработать общую позицию по какому-либо принципиально важному вопросу. С усилением власти великого князя, а потом царя, они стали ненужными³⁶.

Остается лишь напомнить, что с развитием феодального строя соборы потеряли свой всенародный вечевого характер; в XVI–XVII вв. это было собрание представителей различных сословий правящего класса.

В Великом княжестве Литовском наоборот с XV в. все большее значение приобретают сеймы – собрания шляхты в поветах и общегосударственные. Это связано с тем, что привилеи, даваемые на протяжении века вели-

кими князьями шляхте, расширяли ее права на местах. В результате повелительные сеймы получили право решать много вопросов местной жизни, вплоть до согласия платить налог, необходимый для ведения войны. Выборные представители местных сеймов присутствовали на общегосударственном, решавшем уже более широкие вопросы управления, вплоть до избрания короля. В частности, на сеймах принималось решение о создании государственных кодексов – Статутов; сеймы обсуждали тексты проектов статутов. Сеймы в Польше принимали и окончательное решение о выборе польского короля (власть великого князя в Литве была наследственной, но со временем, когда польский король и великий князь литовский персонифицировались в одном лице, решение о выборе короля оказывало влияние и на позиции литовских магнатов и шляхты).

Очевидно, сеймы создавали противовес великокняжеской власти, ограничивали ее тенденции самодержавия. Но, с другой стороны, они могли помешать в целенаправленном проведении внешнеполитических акций, особенно когда великому князю приходилось распускать войско, потому что сейм не санкционировал военный поход и не собрал на него деньги.

Не следует также думать, что сеймы были демократическими организациями. К XVI в. в Литве сложилась четкая военная структура класса феодалов: каждый служил по тому повету, где находились его владения. В повседневной жизни шляхтич был тесно связан с паном хоруговным, который ведал военной организацией шляхты, волостелем и наместником, которые по поручению великого князя наделяли его землей, следили за выплатой налогов, правильно ли он собирает подати с подвластного населения, выполняет земские повинности и т.д. Именно от этой развитой местной власти, позиции местного магната, от которого, как правило, зависела средняя и мелкая шляхта повета, часто и исходило решение поветового сейма. На общегосударственных сеймах шляхту также фактически представляли магнаты.

Сближение Польши и Литвы вело к тому, что усиливалось сходство их государственных органов власти, и в XVI в. роль сеймов увеличивается.

Но реальная власть в Великом княжестве Литовском несомненно принадлежала панам Раде – немногочисленному совету при великом князе, куда входили представители феодальной верхушки, крупнейших магнатских родов; среди панов Рады были светские и духовные лица. В Русском государстве таким советом была Боярская дума.

В истории этих органов власти – Рада в Великом княжестве Литовском и Дума русского великого князя – много общего, восходящего к истокам образования государственности в странах восточной и центральной Европы.

Картину преобразования совета старейшин, существовавшего с древнейших времен во многих раннефеодальных государствах на протогосударственном отрезке истории, в службу при дворе князя, а из нее в государственные должности дал в своей работе А.Гейштор³⁷. Для всех этих стран "тексты источников согласно изображают могущественную, немногочисленную общественную группу, осуществляющую совместно со своим лидером, князем, политическое, административное и военное управление на высшем уровне, а также вершащую судопроизводство"³⁸. Как показал автор, эти функции политического, военного и административного управления были распределены еще в раннем средневековье между представителями разных групп общества. Политические, военные и судебные принадлежали князю, а представители наиболее могущественных семей делили с ним управление страной. В то же время конкретные функции административно-хозяйственного управления – при дворе и на местах – были уделом более низких прослоек – среднего рыцарства. Эти процессы были схожими в ряде славянских и близких к ним стран и отличались от традиций, складывавшихся в странах западной Европы.

Разделение функций верховной власти, зародившееся в раннем средневековье, развивалось и в следующем периоде – централизованном государстве.

Исследователи, занимавшиеся историей Боярской думы в Русском государстве, обращали основное внимание на ее личный состав и роль бояр в разработке основных направлений политической жизни.

Понятие "Боярская дума" историографическое³⁹; в источниках упоминаются бояре, которые сидят в думе у великого князя, возглавляют войско во время походов, посылаются с посольствами или административными судебными поручениями в отдельные регионы. Термин "боярин" известен по записям о событиях с X в., хотя его этимология до сих пор не ясна⁴⁰; бояре были при всех великих князьях, позднее – при удельных князьях, великих и удельных княгинях, митрополичьих дворах. В России и Литве великокняжеская семья была представлена в Думе одним великим князем.

С конца XIV и особенно в XV в. функции бояр в источниках определяются более конкретно и позволяют говорить о них не только как о советниках князя, но и как о высших государственных чиновниках. Они как послухи подписывают великокняжеские завещания (что гарантировало исполнение последней воли государя)⁴¹.

Бояре, как советники великого князя, постоянно выступают в источниках; по летописям и грамотам мы знаем бояр великих князей, не только московских, с XIV в. Можно предположить, что как в Литве, так и в других славянских странах это был совет при правителе, в который входила верхушка знати. Не случайно среди бояр московских великих князей XIV – первой половины XV вв. практически нет титулованной знати, кроме потомков литовского князя Патрикия Наримунтовича, выехавшего на Русь в начале XV в. Только с образованием Русского государства боярами становятся князья, первоначально также из числа выехавших из Литвы.

Кроме бояр с XIII в. в великокняжескую думу входили окольные; происхождение этого термина также неясно, но, как показывают источники, в функции окольного изначально входило административное управление отдаленными территориями государства – "околицами"⁴².

Как показал А.А. Зимин, первоначально чин боярина и чин окольного существовали параллельно, окольность не было первой ступенькой, чтобы получить боярство. Исключение составил Григорий Федорович Давыдов, который в 1507 г. из окольного стал боярином.

До начала XVI в., при Иване III, в Боярскую думу входило около 10 человек, до пяти бояр и до пяти окольных. Состав Думы расширяется почти в два раза при Василии III, и при Иване IV (от 7 до 15 бояр и от 6 до 2 окольных), что А.А. Зимин связывает с ростом политического влияния боярства⁴³. Если Василий III и Иван IV (до опричных реформ), не могли сломать традицию, изменив состав семей, имевших право на боярский титул, то окольными, особенно при Иване, становились царские любимцы.

Отдельные упоминания источников позволяют говорить, что административно-судебная деятельность бояр именно в XV в. становится все более явной. Рядом с термином "боярин" появляются разные определения, характеризующие деятельность конкретного администратора. "Введенный боярин" ведет судебные дела от имени князя, "путный" ведает како-либо отраслью княжеского хозяйства ("путем"). В подчинении таких бояр были многочисленные люди, обслуживавшие это хозяйство и часто жившие в

разных местах. Бортники, собиравшие мед диких пчел, следившие за бортными деревьями ("бортный путь"), естественно были разбросаны по многим территориям. Появляется и "ближний" (иногда "комнатный") боярин: лицо, особо приближенное к государю, который мог входить к нему еще до официального выхода из покоев. Такие должности бывали временными, "путный" боярин мог стать потом "введенным" по службе и являться "ближним" по своему положению при дворе. Главным лицом в думе был издавна конюший боярин; он не только ведал всей совокупностью служб, связанных с разведением и содержанием лошадей, но и возглавлял Думу. Эта должность издавна передавалась в одной семье и была упразднена в начале царствования Ивана Грозного. В литературе существует мнение, что упразднение чина конюшего связано именно с его высоким положением при дворе. Восстановлен этот чин ненадолго во время царствования Федора Ивановича, когда конюшим боярином стал Борис Годунов. Джером Горсей в своих записках определил должность Бориса Годунова как лорд-протектор.

Если в Раду входили лица, занимавшие определенный административный пост, то в Думу – члены определенных семей, получавшие затем административный пост. А.А.Зимин показал, что великий князь Василий III уже учитывал личные способности членов Думы: кто-то ведал сношениями с определенными странами (еще в XV в. потомки Патрикия держали в своих руках дипломатические связи с Литвой), кто-то чаще командовал войсками (этими талантами отличались Бельские князья). Такое развитие функций приводит во второй половине XVI в. к тому, что думные чины начинают возглавлять центральные ведомства, отвечать за определенную сферу деятельности. Первыми центральными органами следует считать Посольский приказ – международную дипломатическую службу, и Разрядный приказ, ведавший организацией русской армии.

К середине XVI в. появляется и аппарат, обслуживавший Думу: думные дворяне и дьяки. Это свидетельствует не только о качественных изменениях, превращавших бывший княжеский совет в центральное учреждение, но и ломке корпоративного состава Думы, поскольку думные дворяне не принадлежали к древней русской аристократии.

Сравнительный анализ функционирования панов Рады и Боярской думы дал в свое время И.Малиновский⁴⁴.

Объем деятельности панов Рады был определен Городельским привилеем 1413 г.; это был государственный орган, куда входили представители

высшей администрации княжества. Кроме должностных лиц (канцлер, воевода, наместник) в Раде заседали представители крупнейших родов. Одним из членов Рады был виленский епископ.

Малиновский выделяет 1492 г. как переломный в деятельности Рады, в этом году она стала верховным органом. До Люблинской унии в Раде преобладали крупные землевладельцы.

Как и Боярская дума в России, Рада обсуждала, принимала решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики: вопросы войны, заключение международных договоров, прием и отправление посольства, чеканка монет и др.

Особую роль Рада стала играть в XVI в., когда великий князь литовский стал королем польским. Во время пребывания великого князя в Кракове реальная власть по управлению Великим княжеством оставалась у панов Рады. Они к тому же внимательно следили, чтобы польский сенат не ущемлял интересов Литвы. В частности особо внимательно относились к приему посольств, прибывавших в Вильнюс. Паны-рада не отпускали в Польшу иностранных послов, если они приезжали к великому князю литовскому, а он находился в Польше, требуя, чтобы литовские дела рассматривались в Литве. Тем самым вопросы международных связей, при решении которых монархи олицетворяли свои государства, частично переходили в руки высшего государственного органа.

В Раде в конце XV – начале XVI в. заседали четыре епископа во главе с виленским и до пятнадцати воевод и наместников различных территорий Великого княжества. Это были лица, в чьих руках действительно сосредотачивалась жизнь всех земель, все местное управление государства. Среди светских лиц первым был воевода виленский, соединявший эту должность с канцлерством. В руках Рады фактически было и управление великокняжеской канцелярией.

Рада не только решала государственные вопросы. В Литве все сделки, касающиеся наделения землей и других вопросов землевладения санкционировались великим князем. Привилеи выдавались на владения от имени великого князя; он же утверждал частные завещания, акты купли-продажи владений, обмена и т.д. Эти документы контролировались панами-радой.

В отличие от русских актов, где при земельных сделках было достаточно подписи свидетелей (послухов), на литовских, вышедших из канцелярии великого князя, в конце всегда есть заверительная формула "при том были",

содержащая имена членов Рады; это подтверждает законность сделки. Здесь не всегда полный состав Рады, скорее лица, находящиеся в данный момент с великим князем или же те, кто непосредственно на месте будет вводить в права нового землевладельца. Такие грамоты выдавались юридически не частному лицу, землевладельцу, а главе управления территорией, на которой находились земли.

Таким образом, являясь высшим государственным органом, принимающим решения по общим вопросам политики, Рада влияла и на жизнь отдельных территорий Великого княжества, вплоть до санкционирования частных сделок между феодалами. И заседали в Раде представители органов местного управления.

В XVI в., особенно при правлении Сигизмунда Старого, который чаще пребывал в Короне, роль Рады в осуществлении государственной политики усилилась. К этому надо добавить, что в Раде заседали представители всех можновладских родов, занимающие высшие должности в аппарате управления, или входящие в Раду по своему происхождению. Кроме того, часто эти лица находились в родстве. И. Малиновский показал, как через браки в начале XVI в. породнились члены Рады с можновладской верхушкой и верхушкой канцелярии, средней шляхтой, руководившей жизнью государственного аппарата.

Все это делало Раду и великокняжескую канцелярию реальной силой в организации государственной жизни.

* * *

Дума в России и Рада в Великом княжестве Литовском имели общие корни: они выросли из княжеского совета, преобразовавшись в верховный орган власти. Со второй половины XVI в. Дума создает вокруг себя Приказы – высшие органы исполнительной власти, во главе которых стоят бояре и думные дьяки. А законодательные функции Думы так и не получили развития; со временем появилась формула: "царь указал, а бояре приговорили".

Рада была более независима от власти великого князя, особенно когда он на долгое время переезжал в Польшу, чтобы исполнять функции короля. Свою власть Рада осуществляла через канцелярию; в Литве так и не появились другие центральные органы власти. Но поскольку Рада формировалась по принципу должностей, а не представителей определенных семей, как в

России, в нее входили лица, занимавшие высшие посты управления на местах, и через них Рада контролировала жизнь в регионах. Этот орган власти сохранял определенную независимость от великого князя, а тот, передавая какую-то должность из одной семьи в другую, мог изменять состав Рады.

Церковь и государство в России и Литве

Большую роль в развитии политических структур, выработке идей власти государя и просто в осуществлении политики государства в России и Литве играла церковь, точнее взаимодействие различных церквей. Этот вопрос должен стать предметом специального исследования; мы остановимся лишь на некоторых аспектах, на которые уполномочивает имеющийся материал, отнюдь не претендуя на исчерпывающее и окончательное его решение.

В России к концу XV в. уже пять веков существовало христианство православного образца, которое было господствующим в идеологии.

Говоря о распространении христианства в странах средневековой Европы, следует иметь в виду, что укоренение этого учения в сознании народных масс – длительный процесс, продолжающийся десятилетиями, иногда веками⁴⁵. Нельзя утверждать, что на Руси к началу татаро-монгольского завоевания он завершился. Об этом говорят и народные восстания XI–XII вв., носившие религиозный характер, и большое количество языческих амулетов из археологических раскопок, относящихся к XI–XIII вв. Для русского искусства и архитектуры XI–XIV вв. характерен сплав и переплетение языческих и христианских мотивов, что, несомненно, свидетельствует о сохранении, хотя бы в быту, элементов языческого восприятия мира.

В крупных русских городах, где процветала международная торговля, по обычаю того времени при торговых дворах иноземных купцов находились религиозные центры (костелы, монастыри); во время пребывания в городе купцов там совершалась служба. Горожане, во всяком случае торговцы и ремесленники, имели возможность познакомиться с различными религиями.

Так, в Чернигове с конца 20-х гг. XIII в. был доминиканский монастырь святой Екатерины, а в Киеве примерно в то же время на Подоле, где находились купеческие поселения, был построен костел девы Марии. Их основатель – доминиканский миссионер из Кракова святой Яцек⁴⁶. С XII в. су-

ществовали католические костелы в Смоленске. После установления тесных торговых контактов Полоцка с Ригой, католическая община в нем существует наряду с сильной православной церковью⁴⁷.

Не следует забывать о католическом влиянии, которое существовало с XIII в. на западных границах русских княжеств в виде Ордена, о постоянных соприкосновениях с язычеством: на западе (Литва) и северо-востоке (во время походов русских ратей на Север, на Урал, так и просто торговых и бытовых контактах с северными народами).

С конца XIV в. после принятия Литвой католичества как официальной религии, усиливается влияние католической церкви на бывших русских землях, входивших в состав Великого княжества, и соответственно на западных границах независимых русских княжеств, а позднее Русского государства.

В середине XV в. русская православная церковь была мощной феодальной организацией. Переезд митрополита в Москву в XIV в. не только усиливает авторитет великого московского князя. Он получает идеологическую поддержку своим действиям, направленным на объединение русских княжеств а позднее – на образование единого Русского государства, поскольку административная структура православной церкви распространялась на все территории великих и удельных княжеств. "В XV–XVI вв. церковь на Руси (как и в других средневековых государствах) была не только идеологической опорой феодального государства. Церковь была крупнейшей организацией, включавшей в свой состав целую армию черного и белого духовенства самых различных рангов и имущественного положения"⁴⁸.

К середине XV в. сформировалась и окрепла сеть монастырей, выросших в крупных феодальных землевладельцев (Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский и др.). Их экономическое и идеологическое влияние было достаточно велико. Монастыри активно участвовали в политической жизни страны. Роль монастырей в осуществлении княжеской политики в конце XV – первой трети XVI в., отразившаяся в иммунитетных пожалованиях великих и удельных князей, прекрасно раскрыта С.М.Каштановым, который показал, что в это время ни одна крупная политическая акция княжеской власти не осуществлялась без поддержки соответствующего монастыря⁴⁹.

Реальным фактором политической жизни России было то, что при объединении русских княжеств вокруг Москвы и укреплении своей власти в едином Русском государстве великий князь нуждался в поддержке церкви, а православная церковь, чтобы сохранить свое влияние на всех русских землях, нуждалась в сильной великокняжеской власти.

На эту ситуацию оказывало влияние положение православной церкви в Великом княжестве Литовском.

К середине XIV в., когда сформировалось Великое княжество, во главе его стояли князья-язычники. В состав государства входили русские княжества, где господствующей была православная религия, и которыми управляли православные князья. Кроме того, с севера и запада Литву теснил Орден, оплот католицизма в восточной Европе, а для борьбы с Орденом литовские князья часто были вынуждены объединяться с католическими польскими князьями⁵⁰.

К 80-м гг. XIV в. Литва была более глубоко, чем Русь в X в., подготовлена к принятию христианства: она прошла долгий путь экономического, политического, культурного, наконец, военного общения с католическим и православным миром. Союз князя литовского великого Ягайло и наследницы польского престола Ядвиги привел не просто к крещению Литвы и тому, что католическая религия стала официальной, но также к тому, что установились более широкие контакты, прежде всего торговцы и культурные, жителей Великого княжества с католическими государствами Европы.

Но если при крещении Руси православная церковь, имевшая большие традиции миссионерства, пришла на территорию, заселенную язычниками, что облегчало ее деятельность, то внедрение католицизма в Литве было более сложным.

Рассматривая политику великих литовских князей по отношению к католической церкви в XIV–XVI вв., польские историки по достоинству оценивают ее гибкость и целенаправленность.

В 1387 г. Ягайло способствовал основанию епископата в Вильнюсе, на что были выделены значительные суммы пожертвований, а епископским латифундиям пожалован полный правовой иммунитет. Миссионерская деятельность католической церкви в Литве была направлена на этнические литовские земли и к этому времени значительно освоенные Литвой земли Черной Руси, регионы, где основное население составляли язычники-ли-

товцы. Здесь еще в 1387 г. был провозглашен принцип несомненного преимущества в правах католиков перед православными.

На исконно русских землях, заселенных православным населением, политика великих князей и католической церкви была более гибкой⁵¹.

Особенно гибкой и решительной была политика первого великого литовского князя-католика Витовта. Как справедливо отметил Т.Трайдос, "прагматизм Витовта не являлся эклектическим отсутствием концепции; он постоянно поддерживал католицизм на территориях, где был шанс поддержки, и в то же время толерантно ждал там, где этого шанса не видел"⁵².

На землях Литвы, граничащих с Орденом, Витовт не противопоставлял нажиму орденских католических структур свои собственные. Он также не притеснял организации православной церкви, но использовал все возможности проникновения на пространства православной церкви католических организаций.

Были усилены католические общины, образовавшиеся в русских городах еще в XII–XIII вв. при костелах, на торговых дворах. Прежде всего, это Витебск, Полоцк, Смоленск. В Киеве, наиболее разоренном татаро-монгольским нашествием, после разорения православных святынь возобновились языческие обряды, особенно в сельской округе. Этим воспользовались доминиканцы, основавшие в городе до татаро-монгол, и возобновили свою миссионерскую деятельность⁵³.

В XIV в. оплотом католицизма становится Полоцк, ранее центр православия. Этому способствовали давние торговые связи с Ригой и основание католического костела для купцов⁵⁴. Две католические парафии возникли в Оршанском повете, где также издавна существовала православная церковь; здесь на белорусских землях были крупные поселения литовцев⁵⁵.

Укреплению католической общины в Витебске, где до 1392 г. жила вдова великого князя литовского Ольгерда Ульяна, активная поборница распространению православия в Литве, помогало то, что в витебском замке всегда находился сильный литовский гарнизон⁵⁶.

Католичество мало затронуло восточные земли Княжества, где на своих исконных престолах сидели русские князья; этому способствовала близость Русского государства. Как и прежде, православная церковь в Смоленске, Мстиславле и других городах получала пожертвования от местных князей.

Но прагматизм Витовта и его наследников сказывался до конца XV в.: для более быстрого развития ремесла в городах Великого княжества Витовт

поддерживал гуситов. К концу его княжения при великокняжеском дворе усиливается роль православных князей: господарю, стремившемуся надеть королевскую корону, была необходима поддержка⁵⁷, да и московская великая княгиня Софья Витовтовна постоянно общалась с отцом, привозила к нему внука – единственного мужского потомка литовского князя.

С 1386 г. православная церковь в Великом княжестве утратила активную помощь государя, что при ее правовом устройстве было ощутимо. Поддержку ей могла оказать лишь русская православная церковь, которая была заинтересована и в сохранении своего влияния на территориях русских земель, входивших в состав Великого княжества. Очевидно, эта позиция сыграла ведущую роль в резком неприятии на Руси Флорентийской унии (1439 г.). Православные в Великом княжестве не оказали открытого сопротивления унии, в Литве XV в. развивалась мысль о всеобщем христианском примирении. К тому же, притеснение православия, особенно сильного на пограничных с русскими княжествами землях, постоянно использовалось правящими здесь князьями в своих политических целях. С середины века постоянно существует угроза "отложения" восточных земель от Литвы, чтобы получить самостоятельность. В конце XV в. за господство на этих землях идет длительная война с Русским государством⁵⁸.

Отношения между церковными организациями России и Литвы осложнились тем, что еще в 1458 г. константинопольский патриарх восстановил киевскую митрополию, а в 1470 г. митрополит Григорий получил от патриарха сан "митрополита всея Руси", распространяющийся и на епархии в русских княжествах. Появлением двух русских митрополитов воспользовались в своей политической борьбе и русские великие князья, не торопившиеся объединяться с Москвой. В частности, в таких столкновениях между православными иерархами проявились противоречия между Москвой, Тверью и Новгородом⁵⁹.

И уже в 1471 г. Иван III выступил как решительный враг "латинства"; в дальнейшем эта борьба осталась "одним из характерных элементов идеологии Русского государства"⁶⁰.

Последние десятилетия XV в. были для русской православной церкви временем напряженной борьбы за укрепление своего политического и в основном идеологического авторитета на всех русских землях.

Западные русские земли – Новгород, Псков, Тверь – традиционно имели тесные контакты с Литвой и прибалтийскими странами. В Новгород и

Псков приглашались литовские князья, существовали длительные торговые связи; тверские великие князья, как и московские были в родстве с литовскими. В XV в. Новгород стал центром существования церковной ереси, пришедшей из Литвы и проникнувшей из него в Москву. Интерес русского общества к религиозным учениям был связан и с расширением международных контактов России. При московском великокняжеском дворе во второй половине XV в. появляется много иностранцев, приезжавших в свитах невест великих князей. В это время идет довольно регулярный обмен посольствами Русского государства с другими странами Европы, приглашаются иностранные мастера. Естественно, что это вызвало интерес к культуре других народов. И очевидно не случайно еретические движения в Новгороде в это время связываются с именем литовца Схарии, а московский кружок возглавляет один из виднейших дипломатов дьяк Федор Курицын.

Очевидно, в конце XV – начале XVI в., при Иване III был достигнут компромисс между княжеской и церковной властью. В политику московских великих князей входила идея об ограничении и возможной секуляризации церковных земель, в основном монастырских владений. Это было связано и с ростом земельных владений, делавших монастыри могущественными феодалами, и просто с нехваткой земель у светской власти, чтобы платить за службу своим феодалам. Поэтому, как предполагает ряд исследователей, Иван III не торопился преследовать московских еретиков, которые были как-то связаны с его снохой Еленой Стефановной.

Церковь, стремясь сохранить свои владения и монополию на идеологию, была готова поддержать великого князя в его стремлении укрепить свою власть. Это была традиционная политика московских митрополитов. К тому же, после заключения Флорентийской унии и усиления католической церкви на русских землях Великого княжества, московские государи, объединившие к концу XV в. большинство русских княжеств, становились практически единственной силой, способной поддержать престиж православия.

Венчание на великое княжество в 1498 г. внука Ивана III Дмитрия Ивановича при поддержке московского митрополита и предшествовавшие ему разгром и казнь еретиков, как можно предположить, свидетельствуют именно о таком союзе. После этого церковь начинает активно обосновывать необходимость сильной великокняжеской власти и бороться за чистоту идей православия.

Литва в XV в. была государством, где наряду с католической и православной верой существовали различные формы протестантизма, мусульманство и др. Господствующей религией, как и в Польше, было католичество. Государство поддерживало католиков; для правящего класса это выразилось в преимуществе занятия государственных должностей: часть высших должностей могли занять только католики. Кроме того, в составе высшего органа государственной власти – паны-рада (как и в Сенате Польши) рядом со светскими феодалами заседали лишь католические епископы.

Но реально в Великом княжестве в XVI в. сосуществовали различные религии. В городах, где жило много ремесленников из Германии и Чехии, появились различные протестантские общины; собственно в Литву, как и в Польшу они переселялись именно, чтобы избежать религиозных гонений⁶¹.

Среди феодалов, особенно на бывших русских землях, была сильная православная прослойка. Много вкладов в православные монастыри сделал князь Михаил Иванович Ижеславский, который после женитьбы на княжне Мстиславской стал править в Мстиславле. Мстиславское княжество, как пограничное с Русским государством, в конце XV – начале XVI в.⁶² неоднократно было полем сражения русских и литовских войск, положение правящего там князя было очень сложным, и естественно, что он искал поддержку у православной церкви.

Политика великих князей литовских по отношению к православной шляхте была осторожной. Официально великие князья в XVI в. осуждали всякую религию, кроме католической. Практически они могли лишь ограничить служебное положение феодалов, и запрет занимать высшие должности в государственном аппарате не католикам был самым действенным. Однако, до середины XVI в. даже это правило не было полностью введено в практику; великие князья вынуждены подтверждать равенство в правах для православных магнатов и католиков. Лишь в 1551 г. король обещал не допускать православных князей на тайные совещания, где присутствовал узкий круг лиц, лишив таким образом православных права занимать пять высших государственных должностей⁶³.

Сильные союзники среди шляхты были и у православной церкви в Смоленске. Здешний собор и монастыри получали значительные вклады от местных феодалов. Хотя смоленский епископ Иосиф (митрополит с 1498 г.), жалуясь патриарху на ущемления от католиков, активно вводил унию⁶⁴.

Несомненно, положение православной церкви усилилось после приезда в Литву великой княгини Елены Ивановны, дочери Ивана III. Одним из условий заключения брака было то, что она не переменит религию, и Иван III внимательно следил, чтобы Александр "не понуждал" свою жену перейти в католичество. Вокруг Елены постепенно сгруппировалась прослойка православной шляхты во главе с князем Михаилом Львовичем Глинским.

Глинские, татарские князья, выехавшие в Литву при Витовте, получили основные владения на р.Ворскле, и как некоторые другие татарские роды практически несли пограничную службу, охраняя литовские земли от крымских набегов⁶⁵. Их владения находились на территории, где издавна господствовало православие, очевидно, это привело к тому, что Глинские стали православными, хотя Витовт в то время уже выделял по службе католические семьи. М.Л.Глинский, возможно, стал католиком, что не мешало ему выступать во имя интересов православной шляхты.

В документах Литовской метрики сохранилось известие о том, что православная шляхта в 1508 г. просила М.Глинского заступиться за нее, поскольку на очередном сейме "всех нас, русь, мают хрестить в лядскую веру, а хто б не хотел пойти в лядскую веру, тых мают стинати"⁶⁶

После смерти великого князя Александра М.Л.Глинскому удалось поднять восстание против нового короля польского и великого князя литовского Сигизмунда. Хотя причиной этого выступления были конкретные политические цели Михаила Глинского и его окружения, размах действий стал возможен благодаря авторитету Глинского у православного дворянства и политике приоритета на службе для католиков, проводимой великокняжеской властью⁶⁷.

Несмотря на существование многочисленных вероисповеданий в Великом княжестве не было судебных религиозных процессов над шляхтой. Великие князья давали все преимущества католикам, на словах осуждали распространение протестанской литературы, запрещали строительство новых православных храмов, но не могли активно выступать против православия.

Православие сохранилось на землях, граничащих с Русским государством, и любой нажим на церковь мог привести к попытке пограничного князя перейти в состав Русского государства или военному вмешательству русского правительства. Самая действенная политика по отношению к шляхте – это запрет занимать высшие должности в государственном аппарате не католикам; и эта политика стабильно проводилась всеми князьями.

Бытование на территории Великого княжества религиозной литературы различного содержания само по себе вело к тому, что шляхта вовлекалась в различные кружки и меняла веру. Самым традиционным в XVI в. был переход из православия в католицизм через протестанство, преимущественно кальвинизм. Польский исследователь Я.Газбир справедливо выделяет в этом процессе два момента: протестантизм пришел из Польши, где благодаря толерантной политике королевской власти в городах обосновывались общины купцов и ремесленников различных вероучений, перебравшихся в Корону после религиозных войн в Европе.

Общая картина распространения протестантизма в Великом княжестве Литовском, нарисованная Я.Газбиром, выглядит убедительно. Существование различных протестантских общин относится к 20-м гг. XVI в., но в это время их история еще трудно уловима, она прослеживается с середины века. Наиболее распространенным в Польше и Великом княжестве был кальвинизм, который "лишь в незначительной степени напоминал веру нидерландских купцов или женеvского патрициата. Напрасно искать в нем одобрение продуктивного способа жизни, апологию торговли, убеждение, что успех в делах обозначает благословение божье... В Польше в кальвинизме увидели прежде всего подтверждение превосходства шляхетского сословия над династией и подвластным ей административным аппаратом. Он давал светским феодалам, а не государю руководящее положение в соборе. Ничего удивительного в том, что эту веру признавала в основном богатая шляхта и магнаты, тем более, что в Литве кальвинизм автоматически усиливал местные стремления этой среды"⁶⁸.

Развитие реформации в Великом княжестве шло преимущественно в частных владениях, достаточно могущественных политически и экономически сторонников этого учения; наиболее известна несвижская ветвь Радзивиллов, примеру которой последовали другие семьи (Ходкевичи, Кмиты, Нарушевичи, Кишки и др.). Во владениях магнатов, чаще всего в городах, административных центрах основывались кирхи, создавались школы, работали типографии⁶⁹.

Открытое существование этих структур в великокняжеских городах, в регионах, где самым сильным магнатом была католическая церковь, было затруднено. С покровительством магнатов связано и районирование протестантизма, чем ближе к восточным границам, тем менее он распространен. С середины XVI в. кальвинизм способствовал полонизации русской шляхты, жившей на территории Великого княжества, он оказался для мно-

гих феодалов удобной формой перехода из "восточного" православия в "западное" католичество⁷⁰.

Развитие реформационных учений в Великом княжестве имело и другой аспект: часто православная шляхта переходила в католичество через протестантство, оно становилось переходной ступенью для одного-двух поколений семьи.

Своеобразие распространения различных вероучений среди феодалов Литвы, на наш взгляд, имеет несколько аспектов. Несомненно, в его основе лежат причины политического характера, как для бывших католиков, так и православных. Для католиков переход в кальвинизм чаще всего был связан с политической ориентацией, позволявшей создавать оппозицию королевской власти. Для православных – это ступенька, позволяющая в будущем подняться по служебной лестнице и упрочить положение семьи. Эти наблюдения подтверждаются тем фактом, что кроме несвижских Радзивиллов (а Радзивиллы в Литве всегда были на особом положении) протестантизм держался в дворянской семье в одном-двух поколениях, и существование религиозной общины во владениях магнатов и шляхты целиком зависело от веры главы семьи: возвращение его в лоно католической церкви вело к ее распаду.

Распространению различных вероучений в шляхетской среде способствовали привилеи, изданные в первой половине XV в. В 1422 г. шляхта получила привилей, по которому король обязался не конфисковывать имущества своих подданных без предшествующего судебного решения. (Червинский привилей)⁷¹. В 1424 г. появился эдикт о необходимости карать каждого еретика, а в 1425, 1430, 1433 гг. права шляхты были расширены: нельзя было наказывать шляхтича без решения суда или заключать под стражу до суда. Поэтому эдикт 1424 г. о необходимости карать каждого еретика было трудно осуществить в жизни. Я.Тазбир красочно обрисовал картину гипотетического суда над шляхтичем-еретиком. Во-первых, он бы не достиг цели, так как суд бы состоял из шляхты-единомышленников, которая вряд ли, даже в угоду королю стала бы осуждать свою родню⁷². А во-вторых, как пишет Я.Тазбир, "слуги, выводящие шляхтичей из имений и ведущие их в трибунал по обвинению в ереси – при виде этого из ножен были бы выхвачены сотни сабель даже самых верных шляхтичей-католиков"⁷³. Эта картина, хотя и обращенная к польским реалиям, может быть применена и к Литве, в которой католическая вера в XV в. еще не так укоренилась, как в

Польше, и где литовская шляхта ревниво следила за равенством своих прав с польской шляхтой.

Поэтому, на словах поддерживая католическую церковь и осуждая еретиков, королевская власть не могла на деле предпринять решительные шаги в условиях, когда феодалы внимательно следили за сохранением своих привилегий. Я.Тазбир приводит яркие примеры того, как в XVI в. король польский и великий князь литовский был вынужден проявлять веротерпимость по отношению к шляхте. Но эта терпимость не распространялась на другие сословия. "Толерация в Польше имела, как Янус, двойной лик: суровый для простых людей, нарушающих общественный порядок, и уступчивый по отношению к князьям"⁷⁴.

Веротерпимость существовала в государстве лишь по отношению к шляхте; горожан судили по обвинению в ереси.

Достаточно короткая история развития реформации в Литве – середина XVI в. – 20-е гг. XVII, – насыщенная яркими событиями, внесла много нового в развитие культуры и в конце концов усилила положение католической церкви.

Вместо того, чтобы служить дезинтеграции общества, как это было в других странах Европы, в Польше и Литве протестантство, в конечном счете, способствовало укреплению католичества.

¹ *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 191-211.

² *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 76-120.

³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 474.

⁴ *Топалова Т.А.* Задачи изучения канцелярии ВКЛ на материалах ЛМ //Литовская метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988. С. 29.

⁵ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М., 1948. Ч. 2. М., 1952.

⁶ *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия. М., 1978.

⁷ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 104-114.

⁸ *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия. С. 81, 94.

⁹ *Грааля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 54-91 и сл.

-
- ¹⁰ *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
- ¹¹ *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. //ИЗ. Т. 63. 1958. С. 182-183.
- ¹² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 442-449.
- ¹³ *Левыкин А.К.* Оружничие в XVI столетии //Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. В.І. М., 1992. С. 10-13.
- ¹⁴ *Левыкин А.К.* Оружничие в XVI столетии. С. 14-16.
- ¹⁵ *Лихачев Н.П.* Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913. С. 8-13.
- ¹⁶ *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства... С. 180-182.
- ¹⁷ Там же. С. 192-194.
- ¹⁸ *Бережков Н.Г.* Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 г. М. Л., 1946.
- ¹⁹ *Бережков Н.Г.* Литовская Метрика... С. 31-46, 154-155.
- ²⁰ Там же. С. 31.
- ²¹ *Баненис Э.Д.* "Книги листов судебных и данины" 1492-1506 гг. //Литовская метрика. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. С. 33-36.
- ²² Там же. С. 35.
- ²³ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. //Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М., 1991. С. 231-311.
- ²⁴ *Sikora Fr.* Ze studiow nad sredniowiecznymi kancelariami polskimi //Studia historyczne. R.XVI. 1973. Zesz.1. S.3-47; *Maleczynski K., Bielinska M.* Dyplomatyka wiekow srednich. Warszawa. 1971.
- ²⁵ Для нас не имеют значения споры, был ли это древнерусский, древнебелорусский, древнеукраинский язык, или же, как пишут в последнее время, "язык канцелярии Великого княжества Литовского". Такой спор должны решить лингвисты. Существенно то, что тексты древнейших документов, составленных в канцелярии Великого княжества и предназначенных для регулирования внутригосударственных вопросов, написаны кириллицей на одном из славянских языков.
- ²⁶ *Баненис Э.Д.* Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV–1569 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1982. С. 8-9.
- ²⁷ Там же. С. 9.
- ²⁸ *Баненис Э.Д.* "Книги листов судебных и данины" 1492-1506 гг. С. 35.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 6-9.
- ³¹ *Гейштор А.* История на службе юго-восточной политики Речи Посполитой в XV и XVI вв. //Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 29-37.
- ³² *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 12-23.
- ³³ *Бычкова М.Е.* Интеллектуалы русского средневековья //"Scribantur haec..." Проблема автора и авторства в истории культуры. М., 1993. С. 29-30.
- ³⁴ *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

- ³⁵ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 221-226.
- ³⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 55-68.
- ³⁷ Гейштор А. Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX–XI вв. // Становление раннеславянских государств. Киев. 1972.
- ³⁸ Гейштор А. Заметки о центральном управлении... С. 70.
- ³⁹ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1964. С.93-95. Термин "дума бояр" появляется в летописях только при описании убийства в 1356 г. московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, но в рассказе речь идет о боярском заговоре: "всех бояр общемо думою убьен бысть". (ПСРЛ. Т. 25. М.Л., 1949. С. 180).
- ⁴⁰ Гейштор А. Заметки о центральном управлении... С. 70.
- ⁴¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 283-288.
- ⁴² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 19-20.
- ⁴³ Там же. С. 289-292.
- ⁴⁴ Малиновский И. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней Руси. Ч.1. Томск. 1903. Ч. 2. Томск. 1904.
- ⁴⁵ Г.Самсонович дает своеобразную картину распространения католицизма в средневековой Польше: "Привитый на территориях городов и принятый немногочисленной дружиной первых Пястов, он уже в XII в. был костелом польского можновладства. В следующем столетии охватил мещанство, а в XIV и XV вв. – деревню. Если строением, характерным для первого периода истории костела была городская часовня, для второго – основатель-можновладца создавал монастырь или костел с местом для ктитора, для третьего – городские костелы, построенные с размахом, то парафиальный костел характеризует XV в. Сущность перемен надо также искать в общественной расстановке сил. Для XII в. символом можновладского костела были абат или епископ, принимающий активное участие в политике государства, через сто лет – нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев, которые основывали свое существование на подаяниях богатых мещан, наконец, для последнего периода – сельский священник, типичный для польской деревни вплоть до XX в." (*Samsonowicz H. Zlota jesien polskiego sredniowiecza. Warszawa. 1971. S. 172*).
- Вероятно, с определенными уточнениями подобный процесс проходил и в других государствах. См. подробнее: *Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточно-славянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.*
- ⁴⁶ В связи с этим польский исследователь Т.Трайдос пишет: "Православие охватило только два высших слоя общества – бояр и мещан. Сельское население даже около Киева – города нескольких десятков монастырей – свободно совершало языческие обряды, связанные с культом богов плодородия и огня. Так, на острове на Днепре была святая роща и дуб, который был уничтожен только доминиканскими миссионерами". *Trajdos T. Kosciol katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Wladyslawa III Jagielly (1386-1434). T. 1. Warszawa. 1983. S. 46.*
- ⁴⁷ Ibid. S. 30-32.
- ⁴⁸ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М. Л., 1955. С. 99.

-
- ⁴⁹ *Каутанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 170-274.
- ⁵⁰ *Samsonowicz H.* Zlota jesien polskiego sredniowiecza. S. 44-50.
- ⁵¹ *Trajdos T.* Kosciol katolicki na ziemiach ruskich. S. 27-32.
- ⁵² *Ibid.* S. 37.
- ⁵³ *Ibid.* S. 39-41.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 34-35.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 28.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 28-29.
- ⁵⁷ *Любавский М.К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 5.
- ⁵⁸ Там же. С. 8-9.
- ⁵⁹ *Казакова Н.А. и Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 98-99.
- ⁶⁰ Там же. С. 114.
- ⁶¹ См. подробнее: *Дмитриев М.В.* Православие и реформация. С.38-58.
- ⁶² *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... С. 127-128.
- ⁶³ *Любавский М.К.* К вопросу об ограничении политических прав... С.15.
- ⁶⁴ Там же. С. 10-11.
- ⁶⁵ *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Кн. 38.
- ⁶⁶ РИБ. Т. 20. СПб., 1908. Стб. 1196.
- ⁶⁷ *Зимин А.А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. См. также: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 120-124.
- ⁶⁸ *Тазбир Я.* Общественные и территориальные сферы распространения польской реформации // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 114-116.
- ⁶⁹ Там же. С. 117.
- ⁷⁰ Там же. С. 128. См. также: *Любавский М.К.* К вопросу об ограничении политических прав. С. 15-16.
- ⁷¹ *Tazbir J.* Panstwo bez stosow. Warszawa. 1967. S. 29-30.
- ⁷² *Ibid.* S. 61-62.
- ⁷³ *Ibid.* S. 61.
- ⁷⁴ *Ibid.* S. 43.

СОСЛОВНАЯ СТРУКТУРА ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

Сословная структура правящего класса Русского государства вплоть до XVIII в. не оформлялась юридически; существует мнение, что Россия, одно из немногих европейских государств, такой структуры не имела. В то же время в Великом княжестве Литовском XVI в. регулирование норм, разделяющих сословия, занимало большое место в статутах Великого княжества Литовского.

Однако в России при назначении феодалов на службу, участии в политической жизни, даже в организации повседневных отношений мы можем наблюдать достаточно четкую структурированность общества.

Влияние литовских юридических норм на русское общество проявится лишь в XVII в. при оформлении на службу русским царям выходцев из других стран.

Некоторые тенденции формирования феодалного землевладения

Вопрос о сословной структуре феодального общества является одним из ключевых при решении целого ряда проблем политической истории. Представление о такой структуре основано преимущественно на исследованиях европейской исторической науки. Как известно, в средневековой Европе была четко разработана и юридически закреплена система феодального землевладения, причем не только система взаимоотношений феодалов с правителем государства, отдельных сословных групп друг с другом, но и порядок наследования земельных владений и титула внутри каждой семьи. Этому способствовал принцип майората. В прямом смысле слова, едва родившись, каждый член общества имел право на определенный титул, службу при дворе, земельные владения.

Соответственно представляется, что сословность правящего класса яснее всего вскрывается через нормы землевладения и служебные отношения.

Говоря о феодальном землевладении Великого княжества Литовского в конце XV – начале XVI в., надо иметь в виду ряд моментов.

В.И.Пичета полагал, что в Литве служилое землевладение имеет очень давнее происхождение. Держателем земли являлся великий князь, который жаловал эту землю за службу и давал с условием нести военную службу. Кроме земли великий князь мог пожаловать определенные доходы, которые платило ему население, право организовать в своих владениях ярмарки и торжки, строить замок или основать местечко, жаловалось право ловить рыбу, охотиться в пущах, собирать мед. Вопрос о том, являлся ли великий князь литовский верховным владельцем земли, оспаривается в современной исторической литературе, но приводимые аргументы скорее относятся к более раннему времени, чем конец XV в. В исследуемый здесь период практически вся хозяйственная жизнь феодала находилась под наблюдением верховной власти¹.

Все это расширяет возможности исследователя, так как от XV–XVI вв. сохранился достаточный комплекс материалов, отражающих разные аспекты служилого землевладения.

Документы, связанные с оформлением пожалований (земля, определенные виды дохода с владений, право владеть покупкой и право продажи владений и др.) великого князя своим вассалам в Великом княжестве Литовском, позволяют подробно проследить процесс формирования земельных владений в XV–XVI вв. В Литве не только каждое пожалование закреплялось великокняжеской грамотой; любая сделка на покупку, продажу, дарение, залог и т.д. имущества между владельцами не считалась завершённой, если она не скреплялась соответствующим великокняжеским актом.

По мнению некоторых польских исследователей, с середины XV в. начинают формироваться латифундии магнатов литовского происхождения. Помимо сравнительно небольших родовых владений в этнической Литве в это время создаются латифундии Радзивиллов и Кезгайлов на бывших русских землях². Кроме того, еще с XIV в. литовская шляхта начинает осваивать владения на присоединенных русских землях, создавая четкие регионы заселения, а не расплываясь среди коренных землевладельцев³. В ряде земель бывших русских княжеств сохранилось не только правление старой династии Рюриковичей, но и прежние землевладельцы. Наиболее ярко этот процесс проявился в Верховских княжествах, расположенных на границе литовских и русских земель⁴.

Поскольку на присоединенных русских землях существовал старый уклад жизни, прежние правовые нормы, восходящие к Русской Правде, можно предположить, что служилое землевладение, по крайней мере на этих

территориях, сохранило и отражает какие-то традиции древнерусского землевладения, а не только присущие политическому строю Великого княжества. Но этот вопрос нуждается в специальном изучении, наши наблюдения носят предварительный характер⁵.

Обращение к документам Литовской метрики показывает, что в 80-90-е гг. XV в. существовал определенный стереотип образования вотчины у среднего землевладельца.

Первоначальным актом чаще всего было пожалование феодалу великим князем земельных владений или доходов с них "до живота". В.И.Пичета отмечал, что самыми ранними формами пожалования были передачи "до воли" различных форм недвижимого имущества, т.е. великий князь сохранял право в любой момент отобрать свое пожалование⁶. По мнению исследователя, первое пожалование "до живота", то есть на всю жизнь было сделано в 1494 г.⁷ Получив земли или доходы с каких-то великокняжеских владений, феодал часто прикупал близлежащие земли, менялся участками с соседними владельцами (иногда феодально-зависимым населением), что вело к расширению пожалованных князем владений.

Расширение новых владений связывалось со стремлением закрепить их за семьей, потомками, то есть получить право "на вечность", а также имущественные права на это владение.

Поскольку введение во владение великий князь поручал местным властям – наместнику или старосте, иногда феодалы, получив должность в органах местного управления, сами начинали приобретать земли на этой территории, что также могло привести к образованию новой феодальной вотчины. Наиболее ярко этот процесс можно раскрыть на примере образования феодальных владений великокняжеского писаря Ивана Сапежича в Смоленске в 1495-99 гг.⁸

В 1495 г. Ивану Сапежичу привилеем великого князя Александра были подтверждены купли его матери игуменьи Настасьи, которые она приобрела у разных лиц на р.Еленце (около Смоленска) – Елнинские села, и, очевидно, соседние с ними села на Ельне, которые купил сам Иван Сапежич. В 1496 г. в Болваницкой волости тот же Сапежич получил село Смолин Конец, которое князья Михаил и Федор Одоевские в свое время дали болваницкому боярину Мартину. Этого Мартина Иван Сапежич обязался "ховать до его живота". В 1497 г. Александр выдал новый привилей на Смолин Конец (очевидно, Мартин к этому времени умер) и другие села, которые были

приданы к этому селу князьями Одоевскими, а также села, данные Сапежичу матерью, купли самого Ивана в городе Смоленске, Браславском пов. и обмены Ивана с братьями.

Кстати, история с селом Смолин Конец, которое Иван Сапежич получил при жизни законного владельца, похожа на аналогичные передачи владений, известные по актам Троице-Сергиева и других крупных монастырей. В XV – XVI вв. мелкие землевладельцы, по частям передавая свои земли монастырю, иногда делали вклад или продавали их при жизни. В этом случае они пользовались владением до своей смерти, а после смерти вотчинника имение окончательно отходило монастырю⁹.

В 1499 г. Сапежичу дается пруд под Смоленском и право посадить там своего человека. За пять лет в результате активной деятельности по покупке и обмену у Ивана Сапежича появились большие владения в районе Смоленска. В 1498-99 гг. часть этих владений переходит ко князю Константину Крошинскому. Иван Сапежич продает село Мартиново в Болваничах (очевидно, того Мартина, которого он "ховал до живота") и бывшие пожалования князей Одоевских в Белицкой вол. Эта передача оформлена двумя документами: записью в книги, где подробно перечислены все владения, повинности живущих в них людей, размеры пошлин, и т.д.

На основании этой записи составлен привилей, где уже нет таких подробных сведений о владениях. Интересно, что великий князь литовский подтверждает раздачу земель в Смоленске, сделанную князьями Одоевскими, хотя сами Михаил и Федор Одоевские в это время были уже на службе в Москве.

В апреле 1501 г. чашник Левка Боговитинович получает "на вечность" с.Вертоль (вар.Вортель) в Берестейском пов., а в 1502 г. ему уже разрешается построить там замок на старом городище, и дается магдебургское право на это новое местечко Левково, разрешается проводить там раз в год ярмарку.

Несколько иной путь образования феодального владения у великокняжеского дворянина Данила Дядковича. 8 июля 1506 г. он получает вол. Брагин "со всеми данями" в бессрочное держание для возмещения убытков, которые он понес, находясь с посольством в Орде Перекопской. Причем, оговаривается, если он умрет, не собрав окончательно свои деньги, волость переходит к его жене и детям. А через три дня после этого привилея – 11 июля он же получает "на вечность" с.Чиколовичи в Брагинской вол.

Характерно в этом отношении и формирование земельных владений князей Глинских в конце XV – начале XVI вв. Ветвь этого рода, к которой принадлежал известный политический деятель Михаил Львович Глинский, к концу XV в. обеднела и не имела больших земельных владений¹⁰. Приобретение земель и другого недвижимого имущества активно идет с 90-х гг., когда Глинские возвышаются при дворе. Став в 1501 г. василюшским наместником, Василий Львович Глинский уже через два года владеет там землями. Двоюродный брат Василия и Михаила Андрей Александрович Дрождж в 1489 г. получает жалование деньгами, а с 1498 г., получив подряд несколько должностей, он приобретает несколько владений в Волковышском и Менском поветах, причем грамоты великого князя или скрепляются кем-то из Глинских, или даются как распоряжение наместникам Глинским¹¹.

Очевидно, такой же путь формирования проходят и вотчины литовских бояр.

Родоначальник Радзивиллов Кристин Остик получил в наследство от отца деревню Девклебишки на р.Дукште. Кристин был виленским каштеляном и оставил детям целый ряд владений, на основе которых примерно за сто лет сформировались три латифундии: в Подляшье, Несвиже и Биржах. В этих местностях сформировались огромные и в значительной степени независимые владения¹². Радзивиллы оказывали большое влияние на государственную политику великих князей. Кроме того, в их владениях основывались типографии, развивались реформационные связи, создавались независимые от великокняжеской власти структуры.

Аналогичный путь прошел литовский род Кезгайлов. Их коренные владения были на Жмуди. В середине XV в. они получили сравнительно небольшое владение на белорусских землях и традиционным путем: покупки, пожалования, обмен и т.д. создают там латифундию. Родовое владение на Жмуди всегда переходит по наследству к старшему сыну, что дает ему право на должность старосты жмудского¹³.

Литовское правительство гораздо гибче, чем московское следило за имуществом своих феодалов. По Метрике известны случаи, когда землевладельцы получали владение "на время", т.к. их собственные разорены в результате военных действий, отошли к Москве после заключения мира. Великий князь давал на несколько лет земли, если шляхтич тратил свои деньги на государя, находясь с посольством в Орде.

Часто владения давались "в застав", если феодалы ссужали великого князя деньгами. Причем, судя по повторяющимся названиям этих владений, не исключено, что у великого князя существовал какой-то фонд "закладных" земель.

Первоначальные пожалования владений представителям литовских бояр на территориях русских княжеств по идее должны были способствовать укреплению власти великого князя на таких землях, но система формирования владений приводила к тому, что на базе этих пожалований вырастали имена магнатов.

В Литве расширение владений и получение новых привилегий были тесно связаны со службой великому князю.

Любое пожалование и вообще жалование (деньгами, натурой, правом получать часть налога вместо великого князя) связывалось с несением воинской службы. Она была обязанностью и привилегией.

Литовская метрика сохранила подробные списки феодалов, получавших жалование от великого князя. Среди этих лиц были князья Мезецкие, Вяземские, Мосальские, люди, имевшие земельные владения или почему-то их утратившие. В XV в. утрата владений в Великом княжестве не вела к автоматической утрате дворянства. Князь Иван Козловский, получающий жалование деньгами, записал в Метрике в рубрике дворян, "которые имений не мают"¹⁴.

К сожалению, история частного светского землевладения в России XV – первой половины XVI в. в современной исторической литературе изучена слабо. Специальные работы по этому вопросу посвящены в основном формированию вотчины, а вопросы хозяйствования в ней, тенденции развития хозяйственных структур исследуются слабо.

Большую работу по определению первоначальных границ вотчин московских бояр в XIV–XV вв. и распределению этих владений внутри семьи проделал С.Б.Веселовский¹⁵. Его работы помимо привлечения значительного фонда актов выгодно отличает использование данных топонимики, что позволяет аргументировано показать формирование владений отдельных членов семьи.

По работам С.Б.Веселовского мы знаем, что сведения о разделе единой вотчины между членами одной семьи чаще всего основываются на совпадении названий конкретных местностей с личными прозвищами. Происхождение фамилий и географических названий Северо-Восточной Руси взаимосвязаны, но сами по себе эти сведения довольно поздние (XIV–XV

мосвязаны, но сами по себе эти сведения довольно поздние (XIV–XV вв.). Кроме этого, есть четкие указания актов о неделимом владении вотчиной одним или двумя поколениями родственников. Так было с Трубчевском, с Мезецкими владениями. Причем в последнем случае доходы с Мезецка получали как князья, служившие литовскому великому князю, так и их родственники, отъехавшие к Москве¹⁶. Эти сведения относятся к бывшим русским землям, входившим в состав Великого княжества Литовского.

Отсутствие зафиксированных юридически норм, относящихся к феодальному землевладению Русского государства, и откровенная бедность частных актов, через которые эти юридические нормы воплощаются в повседневной жизни, затрудняют изучение сословной структуры правящего класса России на базе истории феодального землевладения, что было бы наиболее эффективным. Нужны какие-то иные методы для решения этого вопроса.

Как показал В.Б.Кобрин, по крайней мере до конца XV в. многие князья на территориях своих княжеств, присоединенных к Москве, сохраняли княжеские права. В то же время в своих владениях, вотчинах и поместьях, иногда разбросанных по разным уездам, они имели права, аналогичные правам других вотчинников и помещиков¹⁷. В конце XV–XVI в. формы приобретения владений в России были в принципе такие же, как в Литве: наследственное владение, пожалование, покупка, обмен, дарение и др. Но в России такие формы приобретения, как покупка, обмен, дарение не утверждались великокняжеской властью и не всегда оформлялись письменным документом. Поэтому проследить историю частного феодального владения очень трудно.

Изучая историю сельскохозяйственной общины, Л.В.Данилова обратила внимание на то, что Русская Правда обходит вопрос о разделе земельных владений между наследниками в случае смерти владельца. Автор приходит к выводу, что земля передавалась только по мужской линии и поземельные отношения внутри одной семьи регулировались коллективом кровных родственников¹⁸. Не исключено, что и на Руси какие-то владения находились в совместном владении у нескольких членов семьи. Безусловно, этот вопрос нуждается в серьезном исследовании, и сейчас делать выводы преждевременно. Можно лишь привести несколько наблюдений.

Исследуя процесс формирования феодальных владений внутри Московского Кремля, автор отметила, что боярские дворы, расположенные внутри кремлевских стен, в XV в. являлись коллективной собственностью всех

членов семьи¹⁹. Писцовые книги XVI в. также свидетельствуют, что определенные угодья (строевой лес, сенокосы, места рыбной ловли, другие) записаны в них как совместное владение нескольких членов семьи; реже в совместном владении находятся села²⁰.

Но есть основания полагать, что долгое время и землевладение внутри одной семьи в Литве и на Руси, по крайней мере в какой-то части, было нераздельным, во всяком случае этот процесс раздела земли, владений в пределах города не выражен так открыто, как в странах Европы. Акты Литовской метрики, зафиксировавшие суды между членами одной семьи, позволяют говорить, что сыновья и дочери не всегда делили реальное владение, а чаще доходы с него.

Л.В.Данилова полагает, что на землях Русского государства в XV в. уже сформировалось крупное светское землевладение, когда на князя отписывались волости и станы; такие же крупные владения были у митрополичьей кафедры. Кроме того, крупные вотчины (иногда также составлявшие целую волость) передавались отдельным феодалам. Устанавливалась сложная система отношений между светскими и духовными владельцами, их взаимосвязь с черной крестьянской волостью²¹.

Однако об организации хозяйства в крупной феодальной вотчине сегодня можно говорить, лишь опираясь на исследования о монастырском землевладении. В работах А.И.Копанева, А.А.Зимины вскрыт не только процесс образования земельных владений Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского монастырей, но и организация ведения вотчинного хозяйства²².

Как показали исследователи, земельные владения таких монастырей целенаправленно формировались из имений, расположенных рядом с монастырем. Кроме земельных угодий монастырские власти пытались приобрести солеварни, бортные деревья, места для рыбной ловли – все, что позволяло организовать независимое хозяйство, способное обеспечить существование братии.

Помимо возделывания необходимого ассортимента сельскохозяйственных культур разводили скот, лошадей, заводили мельницы, маслобойни, все, необходимое для переработки продуктов.

Монастырское хозяйство организовывалось по образцу светского; мы видим в обоих одни и те же службы: казначеи, кравчие, чашники, кузнецы, другие. Монастырские земли сдавались в аренду крестьянам, их обрабаты-

вали "детеныши": лица, нанявшиеся на службу в монастыре. На временную работу брали ремесленников. Иногда таким слугам в качестве платы за труд предоставлялось право получать определенную часть доходов с монастырских деревень.

Эта сложная организация крупного феодального хозяйства во многом повторяет организацию государственного управления того времени. Можно предположить, что и крупная светская вотчина управлялась подобным образом. Но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Недавно очень интересные сведения по этому вопросу привела Е.И.Колычева. К сожалению, ее данные охватывают преимущественно вторую половину XVI в.

Анализируя формы и размеры владельческой ренты у светских феодалов, автор отметила, что, в имениях помещиков она, как представляется, первоначально не планировалась²³. Доход был регламентирован из расчета на одну выть имения и платился крестьянами натурой и деньгами. "Состав ренты был продуман так, чтобы помещик был обеспечен всем необходимым и не нуждался в заведении собственного громоздкого хозяйства с барской запашкой. У помещика были слуги-холопы, которые сопровождали своего господина в походах, управляли хозяйством, следили за своевременным поступлением крестьянской ренты"²⁴.

Это напоминает некоторые пожалования великого князя литовского Александра, в которых четко обозначены "данины", получаемые владельцем с имения. И местные жители внимательно следили, чтобы владелец не вводил "новин", "не рушил старины", т.е. не превышал зафиксированного в привилее дохода с владения.

Как отметил С.М.Каштанов, рост монастырского землевладения в XIV–XV вв. и "превращение монастырей в союзника великокняжеской власти еще более подняли авторитет и значение последней". А слабое развитие светского барского хозяйства вело к тому, что оно уже не могло "стать ограничителем дальнейшей централизации власти в руках московских великих князей"²⁵.

Мы не можем говорить об общности процесса, поскольку известия литовских и русских документов разделяет полвека. Но, очевидно, в развитии феодального землевладения в обоих государствах были схожие тенденции.

Формирование сословной структуры правящего класса Великого княжества Литовского

К началу XVI в. правящий класс Великого княжества Литовского превратился в замкнутое сословие. Его формирование имеет уникальный характер в истории средневековой Европы.

С середины XIII в., когда Литва, раннефеодальное языческое государство со слабо развитыми государственными и сословными структурами, начинает завоевывать или присоединять по договорам русские княжества, разоренные татаро-монгольским нашествием, происходит тесное и активное взаимодействие русских и литовских феодалов, освоение последними более высокой политической, правовой, религиозной культуры, сложившейся на русских землях²⁶. Подавляющее большинство исследователей считает, что при заключении брака между Ягайло и Ядвигой больше других выиграло литовское боярство, поскольку очень скоро на него распространились сословные права польской шляхты.

Значительную роль в этом процессе сыграла Городельская уния (1413 г.). Сущность ее сводилась к тому, что польские рыцарские роды адаптировали литовские боярские семьи, принимали их под свои гербы²⁷. Этот акт символизировал то, что литовские бояре получали все сословные права польских родов. Если учесть то значение, которое в XV в. придавалось рыцарскому гербу, как символу сословной чести, удостоверению происхождения, надо признать, что он имел большое моральное значение. К этому же времени оформились отношения между польским королем Ягайло и великим князем литовским Витовтом; Витовту удалось сохранить свои суверенные права и независимость княжества.

Родовой строй в Польше не раз был предметом специального исследования. В польской исторической литературе распространено мнение, что родовой строй является естественным этапом развития общинного строя в период феодализма²⁸. Гнездовой род, сидящий на определенной территории, связанный узами родства и свойства и имеющий общие хозяйственные, общественные и политические интересы, как правило восходит ко времени распада общинного строя. Родовой строй в Польше как шапка накрывал сословные отношения. Роды в Польше заменяли классическую иерархию феодального общества. Поэтому расцвет родового строя падает на период феодальной раздробленности; существование родов в Короне XV в.

можно объяснить, с одной стороны, незавершенностью процесса централизации государственной власти, а с другой, – тем, что в момент объединения государства процесс образования сословий не был закончен²⁹.

Кроме гнездового рода у шляхты существовал род геральдический, гербовый. Он появляется в развитом феодальном обществе, где рыцарский герб имеет юридическую силу и означает принадлежность к определенному сословию³⁰. В гербовый род, состоящий из можных и рыцарей, было легче принять рыцарскую семью, более или менее зависимую от можных. К тому же система гербового рода позволяла можным, опираясь на род, сохранять свое господствующее положение.

Рыцарский род представлялся как реальная иерархически организованная общность, родственная и территориальная, где дальние и убогие родственники создавали общественную базу для реализации политических амбиций глав рода³¹.

В Литве, где, очевидно, в начале XV в. сословные структуры были оформлены еще меньше, чем в Польше, гербовые организации имели большой успех. А при той системе формирования земельных владений, которая развивается в Литве с середины XV в., гербовый род всегда сохранял питательную среду для своего развития.

В первой половине XV в. для литовских феодалов расширяется круг шляхетских привилегий. Привилеем 1427 г. король обязался не конфисковывать имущество феодала, а его самого не заключать под стражу без судебного решения. В привилее 1447 г. закрепляются иммунитетные права, освобождающие землевладельца от уплаты в казну постоянного денежного налога и всех натуральных повинностей, связанных с обороной страны³². Эти законы, выданные польской и литовской шляхте, не означали моментального проникновения польских традиций в литовскую среду.

По наблюдению польского исследователя В.Семковича к XV в. литовские бояре уже имели печати с гербовыми изображениями, среди которых можно выделить европейский и русский типы. Такие изображения не были гербами в европейском понятии; по мнению автора это свидетельствует, "что бояре до 1413 г. не были шляхтой в понятии замкнутого сословия и как таковые не могли иметь гербов"³³.

Однако самое интересное, что до середины 30-х гг. XV в., как видно из приведенных В.Семковичем изображений, литовские боярские роды, принявшие польские гербы, сохраняли печати с надписями на русском языке³⁴.

Это может свидетельствовать о достаточно устойчивых русских традициях, появившихся в Литве в XII–XIV вв., раз они долго сохранялись в то время, когда литовское боярство активно воспринимало сословные привилегии польской шляхты.

С.М.Каштанов видит в развитии дворянской геральдики глубинные процессы, связанные с превращением дворянского сословия в привилегированный господствующий класс, "представители которого олицетворяют власть по отношению к низшим сословиям и имеют поэтому право на демонстрацию своей родовой и фамильной исключительности"³⁵.

Во второй половине XV в. начинается процесс консолидации литовских землевладельцев в феодальное сословие. Он идет вместе с ростом экономических связей между отдельными землями, с тенденциями к политической централизации.

Еще В.И.Пичета полагал, что в Литве служилое землевладение имеет очень давнее происхождение. Держателем земли являлся великий князь; обладая абсолютной полнотой власти, он жаловал свою землю феодалу с условием нести военную службу. Помимо земли великий князь мог пожаловать определенные доходы, которые платило ему население; право организовывать в своих владениях ярмарки и торжки, строить замок или основать местечко, жаловалось право ловить рыбу, охотиться в пущах, собирать мед. Практически вся хозяйственная жизнь феодала находилась под наблюдением верховной власти.

Тем самым великий князь создал "огромную прослойку мелких и средних держателей земли, являвшихся его непосредственными вассалами. В свою очередь, крупные землевладельцы были окружены такими же вассалами, во главе которых они выходили на войну"³⁶.

Ниже великого князя (в XV в. эпизодически, а с XVI в. постоянно король польский и великий князь литовский – одно лицо) на сословной лестнице были литовские князья – Гедиминовичи, правившие в бывших русских или вновь образованных княжествах, и русские Рюриковичи, сидевшие на своих наследственных престолах. Если отношения великого князя с Гедиминовичами скорее всего регулировались, как и в России, на основе родственных отношений старшинства, то правление другой династии – Рюриковичей – на территории, где верховным владетелем был Гедиминович, привело к появлению служилых князей, которых не знала ни Русь, ни Польша.

К сожалению, ранние литовские акты, где употребляется этот термин, не раскрывают его. Ряд исследователей, исходя из реалий русских документов, где этот термин закреплен с 20-х гг. XV в., полагали, что великий князь жаловал служилому князю вотчину или сохранял за ним наследственные владения при условии, что он будет нести с них службу великому князю. Можно предположить, что такая же форма отношений закреплялась между великим князем литовским и князьями Рюриковичами, сидевшими на присоединенных к Литве родовых княжениях³⁷.

Возможно, на аналогичных условиях в Пскове стал княжить в XIII в. литовский князь Довмонт, а затем в Новгороде – литовские Гедиминовичи.

Развернутую характеристику правящего класса Великого княжества Литовского в конце XV–XVI вв. дал М.К.Любавский. Он выделил три категории землевладельцев: "со всем правом и панством", т.е. так, как господарь владел доменом; "под господарем", когда последний оставался верховным собственником, а владелец земли служит ему; "под князьями и панами", когда с землей шла служба князю и пану. Любавский придавал большое значение "земскому попису 1528 г.", где была поименно перечислена вся шляхта, считая, что это своего рода дворянская книга. В.С.Менжинский, рассмотрев терминологию этого документа, выявил сословную структуру литовского дворянства, зафиксированную в "пописе", и связал ее с различными формами землевладения, существовавшими в Великом княжестве³⁸.

В отличие от русских источников, не отразивших реальную многоступенчатость вассальных отношений, литовские акты позволяют наблюдать отношения между рядовыми феодалами (в XV в. – бояре), князем, правившим их территорией, и великим князем.

В то же время наличие мелких землевладельцев и формирующиеся рядом латифундии приводили к тому, что иногда мелкие землевладельцы в силу ряда обстоятельств переходили в податное сословие. Этот процесс можно наблюдать по эволюции слова "боярин", существовавшего еще в древнем Русском государстве. В XV в. в Русском государстве боярин – высший придворный чин, это член княжеской думы, высшего органа государственного аппарата. В Великом княжестве аналогом Думы был совет при князе, который в средневековых источниках называется "панове рада". Сословная принадлежность в России обозначалась понятием "сын боярский", "дети боярские".

А на русских землях Великого княжества, как отмечал еще М.К.Любавский, термин "боярин", "бояре", первоначально свидетельствующий о принадлежности к правящему классу, в процессе образования шляхетского сословия постепенно заменялся термином "земянин"³⁹. Боярин превратился в представителя особой прослойки вне рядов шляхты, составляя высший разряд сельского населения с особыми феодальными повинностями.

Поскольку термины "боярин" и "земянин" употреблялись главным образом на бывших русских землях, создавались затруднения при доказательстве шляхетского происхождения для белорусских и украинских феодалов. Мелкая литовская шляхта, адаптированная польскими гербовыми родами, при доказательстве своего происхождения могла сослаться на эти роды, поскольку сам акт адаптации ставил ее в привилегированное положение⁴⁰. Православная белорусская и украинская шляхта могла сослаться на происхождение родителей, получив подтверждение этому у родни или соседней шляхты. В этом случае, как считает Пичета, соприкоснулись польская и русская нормы – приписка к гербовым союзам и "старина".

В конце XV в. термин "боярин" еще встречается в литовских актах. По грамотам 90-х гг. известны бояре мстиславского князя Ивана Юрьевича – Василий Олгиш и Поцолт. Зять Поцолта Микула Радчинич обратился к великому князю с просьбой вернуть земли, данные князем Иваном Юрьевичем и отобранные новым мстиславским князем Михаилом Ивановичем Ижеславским⁴¹. Позднее, в документе, составленном в 20-е гг. XVI в. в Москве, названы и другие бояре князя Ивана Юрьевича: Светитель, Степан Есманович, а Льву Глинскому место "з бояры было в столе, а боярства не заслужился". По тексту можно предположить, что речь идет о каком-то боярском совете при мстиславском князе.

В XVI в. термин "боярин" в актах действительно заменяется термином "земянин", часто с указанием местности, из которой он происходит.

На процесс формирования сословий оказывали влияние и религиозные различия, поскольку среди княжеских и боярских семей были представители разных религий и конфессий.

В исторической литературе распространено мнение, что на протяжении XV в. в политической жизни Великого княжества католики /князья, магнаты, шляхта/ имели преимущественные права при занятии государственных должностей.

Еще в начале XX в. М.К.Любавский подверг сомнению однозначность такого суждения. Городельский привилей, принятый вскоре после того, как католическая религия стала официальной, естественно давал ей преимущества⁴². Но автор проанализировал ряд привилеев, выданных вплоть до 1492 г., где подчеркивалось равенство в правах католиков и православных. События политической жизни: активная поддержка Витовтом гуситов, которые селились в литовских городах, союз с московским князем, особенно когда Витовт хотел венчаться королевской короной, позднее исход борьбы за великокняжеский престол во многом зависели от отношений с Москвой.

А уже в конце XV в. постоянное стремление православных князей "отложиться" от Литвы, перейти на службу московскому государю приводило к тому, что литовскому правительству приходилось проводить гибкую линию в отношениях с православной церковью⁴³.

Недавнее исследование М.М.Крома убедительно показало, что восстание Михаила Глинского 1508 г., которое всегда рассматривалось как борьба православной шляхты против усиления католической религии, скорее было чисто политической акцией, придворной борьбой за власть при только что занявшем престол великом князе⁴⁴.

Окончательное оформление сословной структуры литовских феодалов закрепляется в Статуте 1529 г. В.И.Пичета характеризовал его как феодальный кодекс класса землевладельцев в целом. Он же дал оценку деятельности юристов, подготовивших кодекс. "Проект Статута не удовлетворял "станов" сейма, конечно не потому, что он был составлен бюрократическим способом, поспешно, в течение двух месяцев... Вполне возможно, что он был действительно плохо отредактирован и что юристы-практики выполнили бы эту задачу лучше, чем канцелярия Великого княжества Литовского"⁴⁵.

Уже в преамбуле Статута названы сословия, к которым он обращен: прелаты, княжата, паны хоруговные, вельможи, благородные рыцари, шляхта и все посольство "и их подданные"⁴⁶.

Далее в тексте как самостоятельные сословные группы называются прелаты, княжата, паны хоруговные, шляхта; землевладельцами названы княжата, панята, паны хоруговные и шляхтичи⁴⁷.

Военную службу несут князь, пан и дворянин⁴⁸.

Постоянными объектами права выступают князь (княжата), вельможи, паны (панята, паны хоруговные), шляхта (дворяне). Кроме этого упомина-

ются прелаты и благородные рыцари. Эти лица могут иметь своих подданных.

Основной долг любого жителя, достигшего совершеннолетнего возраста, – нести воинскую службу. Причем войско формируется по месту жительства, "под своей поветовой хоругвью". Феодал должен поставить в войско людей со всех своих владений, если они разбросаны по разным поветам. Если кто-то имеет земли, данные великим князем, и находится на службе у другого князя или пана, он оставляет этого господина и идет под хоругвь повета, где его великокняжеская данина. Мы видим, что в этих нормах переплетаются отношения различных сословий, но на первое место всегда выдвигается служба великому князю⁴⁹.

Несение военной службы обеспечивало права феодалов, которые гарантировались великим князем. Этот раздел Статута называется весьма красноречиво "О вольностях шляхты и о расширении Великого княжества Литовского". Великий князь обязывался охранять земельные владения своих подданных и давать в держание земли, города, замки, а также звания и чины только "местным уроженцам"⁵⁰. Государь не будет отнимать ранее выданные привилегии, а также сохранит все шляхетские вольности.

Князья, паны и шляхта могут свободно выезжать из Великого княжества "для приискания себе лучшей доли и обучения рыцарскому делу во всякие земли, кроме земель неприятелей наших"⁵¹. Но воинская служба с их земель все равно должна идти. Великий князь в случае смерти главы семьи не имел права отнимать имение у наследников.

Самое главное, на наш взгляд, то, что великий князь обязывался не вышатавать нешляхтичей над шляхтичами, "а сохранять всех шляхтичей в их достоинстве"⁵². Это положение свидетельствует, что в Великом княжестве завершилось формирование сословий, происходившее почти полтора века; они стали замкнутыми структурами.

Вслед за этой статьей шли статьи о доказательстве шляхетства, об оскорблениях шляхтичу в связи с сомнением в его происхождении. В статье "о доказательстве шляхетства" действовали нормы русской "старины": при сомнении в шляхетском происхождении, доказывающий свою правоту должен был представить со стороны отца и матери двух шляхтичей, которые подтверждали свои слова под присягой⁵³. Если род прекратился, шляхетское происхождение подтверждали (также под присягой) окрестные бояре-шляхта. Для чужеземца требовалось привезти из своей страны "лис-

ты с печатями", подтверждавшими его происхождение. Если это затруднено, то происхождение иностранца должны были подтвердить под присягой шляхтичи из его страны⁵⁴.

Мы видим в этих статьях разработанную систему норм, которые ограждали феодалов от проникновения в их среду лиц из других сословий. Процессы "о выводе шляхетства" известны с конца XV в.

Особое внимание хочется обратить на то, что в России XVII в. эти нормы будут систематически использоваться в делопроизводственной практике для доказательства дворянства.

Посмотрим еще раз, как в самом тексте Статута определены сословные группы:

<i>Прембула:</i>	<i>Великий князь несет обязательства по отношению к:</i>	<i>Держания:</i>	<i>Военная служба:</i>
прелаты, княжата,	прелаты, княжата	княжата, панята	князь
паны хоруговные, вельможи	паны хоруговные	паны хоруговные	пан
благородные рыцари, шляхта,	шляхтичи		дворянин

Во всех статьях повторяются княжата, паны хоруговные, шляхта (дворянин). В двух случаях, когда четко определяются права держания владений и обязанности военной службы появляется понятие панята, паны. И только в преамбуле и статье I, где наиболее широкий круг сословий, появляются прелаты, вельможи и благородные рыцари.

По другим источникам XVI в. наиболее четко определяется сословная группа князей: это Гедиминовичи, Рюриковичи и небольшая группа выездных князей (как Глинские), сохранивших свой титул. В Литве, как и в России, княжеский титул означал происхождение из правящей династии; его никто не мог дать. Других титулов, как и в России, не было.

Паны, панята – это скорее всего зарождающееся можновладство, чаще всего литовского происхождения, которое при Александре и особенно Си-

гизмунде играло ведущую роль в политической и хозяйственно-экономической жизни страны.

Шляхта, дворяне – низшая прослойка правящего класса, которая существовала с пожалований, служила великому князю или магнату, или им обоим. Это войско, участники местных сеймов, та среда, на которую опирались великий князь и магнаты в своей политике.

Определение "паны хоруговные", как и "прелаты", отражает не происхождение, а скорее службу, род деятельности. Теоретически они могли происходить из всех трех групп, но реально в них скорее надо видеть князей или панов, возглавляющих хоругвь – войско определенного повета, высших лиц католической церкви, потому что иерархи православной церкви юридически не принимали участия в политической жизни государства. В этом случае понятие "паны хоруговные" перекрывается понятиями "княжата" и "паны".

Вельможи из преамбулы Статута, скорее всего те же паны, сформировавшиеся и формирующиеся магнаты, а в "благородных рыцарях" можно увидеть иноземцев (чаще всего поляков), уже осевших на землях Великого княжества, или же тех литовских бояр, которые были адаптированы польскими гербами.

Далее в тексте Статута, где определяются права и обязанности феодалов, эти категории отсутствуют.

Здесь интересно отметить, что польский хронист Матвей Стрыйковский при записях событий XVI в. систематически называет литовских феодалов – участников каких-либо походов – "рыцарями". Можно предположить, что это определение по отношению к литовской шляхте в конце XVI в. уже вошло в обиход и укрепилось в шляхетском сознании.

Мы видим, что в Статуте 1529 г. при определении сословной принадлежности сосуществуют два принципа: происхождение и служба.

По происхождению выделяются три категории: князья (титULOанная верхушка, в большинстве потомки литовской или русской правящей династии, не всегда в конце XV–XVI в. владеющая большими земельными владениями), паны (вельможи) – формирующееся можновластие (нетитулованная верхушка, чаще литовского происхождения, обладающая большими земельными владениями), шляхта (дворяне, рыцари) – в основном нетитулованные феодалы, владеющие небольшими владениями, целиком зависящие от службы великому князю или магнатам, основная масса войска.

Категория службы – прелаты, духовное сословие, и паны хоругвные. Хотя в последнем случае есть и оттенок происхождения – паны, – в этой категории скорее надо видеть тех реальных руководителей поветового войска, которое образовывала шляхта, служившая согласно тому же Статуту по повету, в котором находились ее владения, и собиравшаяся под своей хоругвью.

Мы видим здесь такую же неразработанность титулов, как и в Русском государстве, что скорее всего связано с системой землевладения. В средневековом обществе титулы четко свидетельствовали, на каких вассальных правах было получено земельное владение данной семьей; и традиция наследования титулов внутри семьи была связана с тем, какое из этих владений выделялось соответствующему наследнику.

В Великом княжестве Литовском служба феодала в местном и центральном управлении играла большую роль, поскольку она приносила доходы и давала реальную власть. В области землевладения это сказывалось в том, что каждый раз при пожаловании великим князем имения, ввести во владение этим имением был обязан наместник, представитель местной власти. Во многих привилегиях великого князя Александра, в годы правления которого велись постоянные войны, осложнявшие положение землевладельцев, проскальзывает тезис, что жалуемые земли выбраны с помощью наместника. Иногда наместник не мог ввести нового владельца в его права, так как пожалованные земли уже были переданы кому-то другому. В этом случае великий князь распорядился, чтобы наместник нашел адекватную замену пожалованию.

Очевидно, наместник, хорошо ориентированный в состоянии землевладения своей административной единицы, играл активную роль в распределении этих земель. Кроме того, любая должность в местном управлении приносила реальный доход.

На протяжении шестидесяти лет – 1529-1588 – в Литве были разработаны и приняты три Статута. Исследователи литовского права полагают, что такое активное законотворчество связано с процессом развития сословий, борьбой литовской шляхты с засильем поляков на территории Великого княжества, с тенденцией уравнивать в правах магнатов и шляхту, превратить Литву в шляхетское государство.

Эту идею развивал в своих работах И.И.Лаппо. Он отрицал мнение, существовавшее в исторической литературе, будто уже в XV в. Литва и

Польша слились в единое государство; до 1569 г. оба государства жили самостоятельной, отдельной жизнью⁵⁵. И это отразилось в законотворчестве литовских государственных деятелей. И.И.Лаппо видел в Статутах XVI в. не только рецепции римского права, проникавшие из канонического или городского права; римское право усваивалось и из прямых источников. Напомним, что в XVI в. оно изучалось в Краковском университете и было популярно в среде сотрудников королевской и великокняжеской канцелярий⁵⁶. При разработке Статута 1566 г. было использовано и греко-римское право, которым руководствовалась русская церковь в Великом княжестве.

Статуты основывались на идеях христианского права, нравственных законах, записанных в Библии. И.П.Старостина убедительно обосновала место юридических памятников Великого княжества среди других произведений, раскрывающих систему политических идей XV–XVI вв. Эти идеи существовали в рамках процесса культурного развития, формирования общественного сознания.

С конца XV в. в юридической мысли трактуются понятия божественно-происхождения власти, вопрос о справедливом суде, о пределах власти. В Русском государстве подобные идеи встречаются как в Псковской судной грамоте, так и в Повести о Дракуле⁵⁷. Идея шляхетского "народа" и его сословного государства, получившая развитие и утверждение в основных законах Литовского статута 1566 г., бережно сохранена и прочно закреплена в Третьем статуте⁵⁸.

И.И.Лаппо подчеркивал, что работа над Статутом 1588 г. шла в то десятилетие, когда заметно усилилось положение боярства и землячества Великого княжества Литовского, которое "из класса военнообязанных землевладельцев превратилось в привилегированное сословие, в «народ – шляхту», держащий в своих руках судьбы своего государства". По мнению исследователя, в Литве середины XVI в. происходило шляхетское движение, ставившее своей задачей уравнивать положение шляхты с положением панов⁵⁹. Этот процесс привел к изменениям в правах и обязанностях различных сословных групп по сравнению с первой четвертью XVI в., когда создавался Статут 1529 г. В нем были зафиксированы нормы, позволявшие говорить о Литве, как о феодально-магнатской монархии, где реальную силу в политических и экономических отношениях составляли князья и паны⁶⁰.

Во второй половине XVI в. существенно изменилась роль шляхты, рядового дворянства в политической жизни государства. Дворянство Литвы чувствовало угрозу со стороны польской шляхты, влияние которой усили-

лось после принятия Люблинской унии 1569 г. Это отметил Ю. Бардах, подчеркнув, что литовская шляхта оборонялась от польской экспансии при помощи литовского статutowого права. По мнению автора, это выразилось в ограничениях при раздаче иностранцам должностей и владений, защите прав литовской шляхты при получении аренд и данин⁶¹. В Статутах 1566 и 1588 гг. усиливается принцип замкнутости сословных групп.

Статут 1588 г. повторяет статью Статута 1529 г. о том, что великий князь не имеет права давать шляхетские права не шляхтичам, и развивает ее: никто из простых людей не имеет права присваивать себе шляхетские права, их дает лишь государь; никто из простых людей не имеет права получать должности шляхтичей⁶², простых людей нельзя ставить выше шляхты.

Но и государство ограждает свои права. Главный долг шляхты – военная служба. У шляхтича, не явившегося в войско и не выставившего человека вместо себя, отбирается имение ("а чье место под хоругвью будет порозже, и у того именье отписать на нас, государя и на речь посполитую")⁶³. Шляхтич, продавший имения, и живущий в городе ростовщичеством или промышленничеством на посаде торговлей, шинкарством, теряет свои шляхетские права⁶⁴. В остальном служба с владений определяется как в Статуте 1529 г.

Сословные группы феодалов в Статуте 1588 г. наиболее подробно зафиксированы в двух статьях: 2-я "О обороне земской" и 3-я "О вольностях шляхетских".

В статье 2 указано, что служат "всякого чину духовные и светские, князи и бояре, урядники земские и дворовые, и земские люди, и шляхта хоругвовная" (гл. 1) и далее: воинскую службу под хоругвью своего повета служат старосты и державцы и всякие приказные люди, рыцарство и шляхта (гл. 7)⁶⁵.

В статье 3 шляхетскими вольностями обладают князья, паны рада духовные и светские, урядники земские и градские, паны хоругвовные, хорунжие, шляхта, рыцарство. На сеймы съезжаются бискупы, воеводы, каштеляны, урядники земские, князи, панове, шляхта. Для учения за рубеж могут отъезжать князи, паны хоругвовные поветовые, шляхта и всякий "человек рыцарский"⁶⁶.

Как мы видим, дефиниции более детальные, чем в Статуте 1529 г. Они не совпадают в обеих статьях (2 и 3) Статута 1588 г., что естественно: во время похода в поветовое войско выставляет людей всякий, владевший землей, в том числе и не шляхтич ("вдовы и татары и мещане, за которыми

вотчины с крестьяны"). Круг лиц, принадлежавший к привилегированному сословию, яснее обозначен в статье 3.

Среди понятий Статута 1588 г. отсутствуют такие, как панята, вельможи, встречающиеся в статьях Статута 1529 г.⁶⁷ Это, очевидно, не означает, что к 80-м годам в Литве исчезли магнаты и паны. Скорее, эти сословные группы растворились в терминах паны-рада духовные и светские, урядники земские и дворовые и т.д.

Это дает возможность предположить, что значение государственной службы, особенно на местах, к концу XVI в. существенно возросло. Если среди высших должностей в Статуте 1529 г. выделялись прелаты, что можно отнести и к указанию на роль католической церкви в государстве, то Статут 1588 г. знает панов-раду духовных и светских, т.е. в нем в отдельную группу выделяются лица верховного государственного органа – великокняжеский совет.

Возрастает и роль других "урядников". Воеводы, каштеляны, хорунжие и другие чины, названные в соответствующих статьях Статута, существовали весь XVI в. Появление их в законодательных актах может свидетельствовать о возрастании роли служебного положения в жизни государства, в жизни сословий, а также возрастание значения местных органов управления.

Если при определении сословных групп авторы Статута 1529 г. действительно в основном опирались на представление о происхождении человека, то к 80-м гг. сословность отражалась в службе, возможности занимать определенную должность. А в реальной жизни эта возможность реализовывалась через происхождение и земельное могущество семьи.

О том, что верхушка правящего класса – князья, паны – осталась замкнутой, а низы – шляхта, рыцарство – стали подвижными, в них усиливались свои внутренние структуры, может свидетельствовать увеличение должностных групп в Статуте 1588 г., где появляются урядники земские, градские, дворовые, хорунжие. Увеличение и усиление внутри шляхты определенных групп, сформированных по принципу земской службы, говорит об усилении роли местных организаций шляхты, которая выражалась в решениях, принятых поветовыми сеймами. Эти земские, местные структуры менее связаны с жизнью двора и менее зависят от двора. Но возросшая роль местных органов, неофициальная, основанная на близости владений связь поветовой шляхты с магнатами скажется позднее, в XVII в.

В Статуте 1588 г. специально оговаривается, что шляхтича, который служит "князю или пану", в бесчестьи судит великий князь, а в остальных винах "вольно всякому пану слугу своего шляхтича судить" и карать⁶⁸.

Сравнение двух глав Статута 1588 г. и Статута 1529 г. показывает, что за шестьдесят лет жизни литовского общества в нем заметно возросла роль низших прослоек класса феодалов. Они не образовали своих сословных групп по принципу происхождения, как князья, магнаты, паны, известные по Статуту 1529 г. Влияние шляхты на жизнь государства шло через занятие определенных должностей, особенно в поветах. Тем самым усиливалась корпоративность шляхты на местах. Это и отражено в Статуте 1588 г., где подробно перечислены такие должности. Чтобы определить, какие из них реально принадлежали шляхте, какие панам и магнатам, и как шло это распределение, надо провести самостоятельное исследование. Из истории Литвы известно, что ряд придворных служб и государственных должностей были наследственными в определенном кругу семей; аналогичные явления в той или иной мере были на Руси, в Польше, практически во всех феодальных государствах.

Правящий класс Русского государства

Традиции формирования сословной структуры русского правящего класса восходят ко временам Киевской Руси и феодальной раздробленности. Одновременно с образованием княжеских династий (черниговская, смоленская, ростовская, владимирская и другие) появляются и боярские роды, чья служба князю была наследственной и обусловлена тем, что земельные владения феодалов находились на территории данного княжества.

Исследование сословий правящего класса России затрудняется тем, что до конца XVII в. здесь не было юридически оформленных норм для доказательства дворянства или установления сословных различий внутри него. Сословность определялась принадлежностью к определенной семье, давностью ее службы конкретной династии. Об этом свидетельствует большое число различных редакций родословных книг, где официально признавались и утверждались происхождение отдельных лиц, их принадлежность к таким семьям и служба при дворе. Эта система способствовала длительной консервации местничества как основы служебных отношений.

Отсутствие выработанных юридических норм, закреплявших сословные права и привилегии отдельных групп феодалов, безусловно позволяет со-

мневаться в официальном оформлении таких групп. Однако, при исследовании повседневной жизни русского общества XV–XVII вв. мы постоянно с ними встречаемся. Сама запись человека в боярскую книгу, Дворовую тетрадь, списки дьяков официально закрепляла за ним принадлежность к боярству, Государеву двору, дьячеству и т.д. Назначение на воинскую службу (разряды) также учитывало принадлежность к конкретной среде и вытекающие из этого права на должность. О строгой иерархии различных дворянских семей говорят и местнические дела.

Отношения, аналогичные русскому местничеству, существовали практически при всех европейских дворах, но к XVI в. затрагивали преимущественно отношения придворной жизни. В России местничество не только распространялось на служебные отношения: даже проигранное дело, относящееся к придворному быту, могло стать прецедентом в служебных отношениях.

Очевидно, состояние источников сказалось на том, что сословность класса феодалов, понимаемая как право иметь особые иммунитетные права в своих владениях, право занимать определенную должность в государственном аппарате, иметь чин, принадлежать к Государеву двору и т.д., в русской исторической литературе изучалась в основном генеалогическим путем. Хотя и таких исследований сравнительно немного.

В работах С.Б.Веселовского и А.А.Зимины тщательно исследован личный состав многих семей правящего класса, боярская верхушка различных русских великих княжеств и уделов конца XIV – первой половины XVI в., показан процесс их слияния в единый правящий класс Русского государства⁶⁹. Мы можем показать процесс формирования высшей служебной прослойки феодалов – бояре и окольничие, другие думные чины, изменения в личном составе Боярской думы, определить состав дворянских семей, служивших по московскому и городovým спискам и многие другие вопросы, но мы не знаем принципов, юридических норм, по которым формировались различные сословные группы, поскольку эти нормы нигде не записаны.

Возможно, отсутствие зафиксированных сословных норм связано с тем, что в России представители различных семей хорошо знали свое происхождение, родственные связи как внутри отдельных семей, так и между ними; особенно это относится к семьям, происходящим от единого предка. Об основательных генеалогических знаниях свидетельствует вся история составления родословных книг XVI в.⁷⁰ Общностью происхождения от киевских великих князей были связаны до XVI в. практически все русские великие и

удельные князья. В конце XV – начале XVI в. на Русь из Литвы приезжали служить или те же Рюриковичи или Гедиминовичи, представители рода, правящего в соседней Литве. Формирование единого класса феодалов Русского централизованного государства шло корпоративным путем, когда о происхождении и службе семей, переходивших под начало московских великих князей из присоединенных соседних княжеств, все было известно; их положение на сословной иерархической лестнице было определено.

Здесь не случайно уделяется внимание вопросу о происхождении, поскольку именно оно во многом определяло положение личности в сословной структуре феодального общества. Право занимать определенную должность, принадлежность к определенной группе общества в феодальном государстве человек получал при рождении, в зависимости от того, из какой семьи он происходил. Иное дело, что в реальной жизни эти нормы могли нарушаться, когда в результате личной службы, влияния каких-либо событий, определенное лицо, а вслед за ним его семья поднимались или опускались на сословных ступенях и закрепляли для потомков это новое положение.

Иностранцы, посетившие Россию в конце XV–XVI вв., подчеркивали неограниченность власти московских государей. Как обратная сторона этой власти в их записках неоднократно упоминается, что все подданные царя обращаются к нему, как холопы к господину.

Подчеркивать неевропейские, византийские черты русского общества западных путешественников заставляло и отсутствие внешних, привычных для них признаков сословной структуры в России: понятия майората, разветвленной структуры феодальных титулов, рыцарских орденов и другие. Все это способствовало формированию определенного стереотипа восприятия русского общества XVI–XVII вв. С ним соприкасаются закрытость русской жизни, замкнутость жизни иностранцев в Москве, отсутствие широких контактов с представителями русского правящего класса, замкнутость семейной жизни русских, особенно женской половины теремов.

Однако отсутствие привычных для европейца признаков отнюдь не свидетельствует об отсутствии сословной структуры, которая в России складывалась веками и имела свои внутренние законы существования.

Ни в России, ни в Литве, ни в соседней Польше – странах, имевших близкие, восходящие еще к общинному строю, традиции формирования феодального землевладения, а потом испытавших взаимовлияние юридиче-

ских норм и традиций, не было системы вассалитета, подобной системам в странах Европы. В России и Литве не была разработана система титулов внутри правящего класса, которая в других странах восходила к ранним этапам формирования феодального землевладения и отражала их.

Говоря о сословной структуре русского правящего класса, надо четко представлять, что в отличие от других государств, в том числе Великого княжества Литовского, до конца XV в. на престолах во всех великих княжествах сидели князья одной династии – Рюриковичи. Окружавшая их феодальная верхушка также часто представляла различные ветви одного боярского рода, осевшие в разных княжествах. Причиной мог быть переход на службу от одного князя к другому или же передел земель между князьями, когда вотчинник менял князя, сохраняя тем самым свои владения.

Но в XV в. сложилась ситуация, когда землевладелец мог и не служить князю, на территории которого находились его владения: dokonчальные грамоты великих и удельных князей XV в. позволяли феодалам приобретать владения на земле "чужого" князя. И хотя конкретные случаи в тексте dokonчаний не оговариваются, представляется, на эту норму повлиял именно тот факт, что довольно близкие родственники, члены одного рода, служили разным князьям и могли возникать конфликты в вопросах наследования владений.

Во главе сословной структуры Русского государства конца XV в. стояла великокняжеская семья: великий князь и удельные князья – дяди, братья, двоюродные братья великого князя. После жестокой феодальной войны 30-50-х гг. XV в. состав великокняжеской семьи стал регулироваться: удельные князья часто не имели права вступить в брак и иметь законных наследников, поскольку в Русском государстве лишь они могли наследовать родовые земли. Это гарантировало великокняжескую власть от большого количества претендентов на престол и от распыления земельных владений. После смерти бездетного удельного князя его земли отходили к великому князю.

Однако, и при таких ограничениях числа взрослых мужчин в семье вопрос о престолонаследии неоднократно возникал в конце XV–XVI в. Достаточно вспомнить борьбу между сыном и внуком Ивана III – Василием Ивановичем и Дмитрием Ивановичем в конце XV в., нежелание бояр присягать малолетнему сыну Ивана IV в 1553 г., что могло привести к переходу власти к старицким удельным князьям, и, наконец, борьбу с тем же Старицким уделом в годы опричнины.

На следующей ступени сословной лестницы стояли князья Рюриковичи, потомки великих князей ярославских, суздальских, ростовских и некоторых других, которые еще с XIV в. постепенно переходили со своими землями под власть московских великих князей. До начала XVI в. они, являясь вотчинниками в своих бывших княжеских владениях, сохраняли там особые княжеские права, более широкие, чем права рядовых вотчинников, которым владения жаловал великий князь⁷¹. Князья Рюриковичи обладали правом суда, сбора налогов, освобождались от сбора общегосударственного налога, были и другие права. Естественно, что в разных княжествах в различное время они изменялись.

Именно из этой группы формировалась в основном Боярская дума, в военных походах наиболее знатные и владетельные князья участвовали с собственными отрядами, или в качестве первых воевод возглавляли полки великого князя. Они были активными участниками политической борьбы при дворе великого князя и часто реальными правителями государства при его малолетнем наследнике.

Кроме князей – потомков некогда правивших династий – существовала еще категория служилых князей, по своим правам близкая к удельным князьям.

Истоки появления категории служилых князей следует искать в русско-литовских отношениях XIV в., в частности отношениях между Литвой и Новгородом. Развитие новгородского боярства в чем-то отличалось от развития правящей верхушки в других регионах будущего Русского государства. В Новгороде не было своей княжеской династии из числа потомков Рюрика; в Новгороде не существовало княжеского титула. В XIV в. положение изменилось: новгородцы приглашают "на пригороды" двух князей – из Рюриковичей и из Гедиминовичей. С последней четверти XIV в. по отношению к ним употребляется термин служилый князь. Эти князья преимущественно были военачальниками новгородского войска; за службу они получали новгородские пригороды, как полагает В.Л.Янин, первоначально на вотчинном праве, а позднее – на кормленческом⁷².

Наиболее известна служба в Новгороде сына великого князя литовского Гедимины – Наримонта. В 1331 г. он получает новгородские пригороды "в отчину и в днину и его детем". С 1333 г. он княжит на этих пригородах и активно участвует в политической жизни Литвы, оставляя в Новгородской земле наместником своего сына или других лиц⁷³. По летописям связь Наримонта с Новгородом прослеживается до 1347 г.

Однако, при распространении в Литве и Новгороде статуса служилого князя, в Москве до конца XV в. он не привился. В 1408 г. в Москву приехал служить сын новгородского служилого князя Наримонта Патрикий Наримонтович. Он и его потомки играли ведущую роль в политической жизни Московского княжества на протяжении всего XV в., но в качестве бояр, наместников и воевод великого князя⁷⁴. Даже в XVI в., когда в Москве уже были служилые князья, это положение не распространялось на потомков Наримонта – князей Голицыных, Булгаковых, Куракиных.

Среди исследователей нет единства мнения в том, кто был выше в сословной иерархии – удельные или служилые князья⁷⁵. С.Б.Веселовский, который первым писал об этой категории, по существу не различал служилых и удельных князей. Служилые для него – князья, перешедшие с конца XV в. на службу московскому великому князю. М.Н.Тихомиров уже различал права удельных и служилых князей. Их объединяло то, что все оформляли свои отношения с великим князем dokonчальными грамотами. По мнению автора, права удельных князей были шире прав служилых князей. Вассальная служба этих последних рассматривается как пожалование, а их основная обязанность – нести военную службу великому князю.

Наиболее подробно положение служилых князей изучено А.А.Зиминим. Главное отличие между удельными и служилыми князьями (а служилые стояли на иерархической лестнице ниже удельных) было в том, что удельные князья, принадлежавшие к великокняжеской семье, являлись потенциальными наследниками престола. Как отметил А.А.Зимин, по неписаному праву служилые князья ходили на войну с великим князем лишь в том случае, когда затрагивались их собственные интересы⁷⁶.

Занимая достаточно высокое положение на иерархической лестнице, служилые князья фактически были отстранены от участия в политической жизни. Служилые княжества существовали на западных и южных границах государства и являлись как бы буфером, охраняющем русские территории на юге от набегов татар, и сдерживающем походы литовских отрядов на западе. В этом случае статус служилого князя, известный в Литве и практически заимствованный русским правительством, помогал адаптироваться литовским князьям в новом государстве.

Кроме того, в силу своего положения служилые князья не входили в Боярскую думу, где были их однородцы, начавшие служить русским государям в XV в. без этого звания. Такое положение создавало равновесие между

различными политическими группировками и способствовало укреплению центрального аппарата.

После того, как служилые князья вошли в Боярскую думу, их титул утратил реальное значение; вся борьба за власть в 30-40-е гг. XVI в. ведется практически между вновь вошедшими в Думу служилыми князьями Бельскими и издавна сидевшими там князьями Шуйскими. Служилые князья упоминаются в начале XVII в., но это лишь титул, сохраненный потомками.

Это еще раз показывает, что в Москве служилые князья, как особая сословная группа, появились в конце XV – начале XVI в.; это потомки литовских и русских великих князей или выехавшие на службу в Москву и получившие княжества в русских землях; или такие же князья, чьи владения отошли к Русскому государству в результате войн с Великим княжеством. Реальную роль в русской жизни они играли в первой четверти XVI в. Позднее наиболее известен князь Федор Михайлович Мстиславский, выехавший в 1526 г. А.А.Зимин полагал, что Василий III до рождения сына какое-то время видел в Федоре Михайловиче возможного наследника престола. Само по себе это свидетельствует о высоком положении служилого князя⁷⁷. Короткое существование в Русском государстве статуса служилых князей в первой четверти XVI в. связано с недостаточно развитым государственным аппаратом⁷⁸.

Появление новой категории – служилых князей – привело к активной генеалогической деятельности.

С конца XV до 40-х гг. XVI в. появляется несколько редакций родословия великих князей литовских, где не только отражалось отношение русского правительства к происхождению литовской династии и генеалогическим путем регулировались отношения между двумя правящими домами. Эти редакции регулировали отношения между Гедиминовичами: потомками Патрикия Наримонтовича, около века служившими в Москве, и вновь выехавшими служилыми князьями Бельскими и Мстиславскими⁷⁹. Редактирование касалось перестановки имен сыновей Гедимины (изменение старшинства ветвей), добавления лиц, указания на родство с московским правящим домом и др.

Очевидно, с этим же связано и создание в начале XVI в. самостоятельного родословия потомков черниговских великих князей. Часть потомков этой династии жила в России, часть – в Литве. Когда в начале XVI в. понадобилось установить степень родства между разными ветвями рода, то в

отличие от росписи великих князей литовских, которая редактировалась в официальных кругах, родословие семей, ведущих начало от черниговских князей, было составлено самими потомками. В нем генеалогическим путем уравнивались отношения постоянно живших на русских землях князей Оболенских, выехавших в Москву в начале XV в. Звенигородских князей и служилых князей Белевских, Воротыньских, Одоевских и др., появившихся в Русском государстве в конце XV – начале XVI в.

Большинство исследователей, занимавшихся формированием боярской верхушки, справедливо видели истоки этого процесса еще в феодальной раздробленности и часто выводили их из отношений князя с дружинниками, имевших много общих черт в славянских раннефеодальных государствах. В частности, корни формирования двора при московском великом князе интересно описаны В.Д.Назаровым⁸⁰.

Красочно представил отношения князя со своим двором С.Б.Веселовский, который проследил традиционную вековую службу отдельных боярских семей при московском дворе. "На основе различных источников XIV в. можно с уверенностью сказать, что если текучесть состава княжеских дружин древнейшего времени в какой-то мере действительно была, то с течением времени она быстро шла на убыль, и уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением"⁸¹. К этому же времени относится и формирование крупных боярских родовых вотчин.

Для XIV–XV вв. С.Б.Веселовский указал на одну особенность, сыгравшую, как представляется, большую роль в формировании сословных групп в России. Разбирая присягу, которую дружинник приносил своему князю, автор отметил, что кроме обязательства верно служить князю, в ней говорилось, что дружинник будет "без утайки сообщать своему государю о всяком «лихе и добре», касающемся князя, ...не нарушать клятвы и «не отъехать» ни к кому и никуда"⁸². Такая присяга была обязательством наследственной службы и давалась за себя и своих детей.

Отъезд к другому князю был позором и расценивался как измена и нарушение клятвы.

Мы не знаем точного раннего текста феодальной присяги, самые древние из сохранившихся относятся к концу XVI в., причем для русских дворян и иностранных существовали разные клятвы. Наличие присяги подтверждается и текстами договорных грамот великих князей и упоминания-

ми о ней в русских летописях при описании выездов феодалов из соседних государств на службу великим князьям. Возможно, ранняя присяга была устной и сопровождалась целованием креста. Во всяком случае "крестоцелование" было необходимым условием скрепления клятвы.

Косвенно наличие феодальной присяги подтверждается и родословными легендами XVI в. В них всегда говорится о выезде родоначальника на службу определенному князю, начиная с Александра Невского (не в княжестве), о том, что великий князь принял нового слугу "с честью". В этой формулировке вполне закономерно видеть отражение акта вассальной зависимости, а четкое представление родословных документов XVI в. о существовании присяги говорит скорее, что в России такой обычай был.

Веселовский находил неопровержимые свидетельства наследственности службы при одном и том же дворе в родословных книгах XVI в. "Бывало, что отъехавший или его сыновья возвращались к своему прежнему государю, но в таких случаях должны были начинать свою карьеру сызнова. Просматривая Государев и частные родословцы, мы видим, что случаи отъездов были очень редки, причем выражения «отъехал в Тверь» или «отъехал в Литву», с конца XV в. сменяются отметками: «бежал в Литву» и т.п."⁸³. Можно добавить, что даже в 80-е гг. XVII в., когда на русском престоле сменились четыре династии, при создании официальной родословной книги в Палату родословных дел было подано более пятисот родословных росписей. Проверяя их тексты, дьяки внимательно следили за указаниями не только о побегах отдельных лиц в Литву, но и переходе на службу в уделы или к церковным иерархам. Такие переходы влияли на службу потомков отъехавшего лица, переводя их в более низкое сословное состояние.

С образованием Русского государства в результате политического объединения отдельных княжеств в единое государство появилась новая тенденция формирования сословий правящего класса: вместо сословных групп, сложившихся в различных великих княжествах, постепенно вырисовывается класс феодалов Русского государства, где по иным, чем раньше в самостоятельных княжествах, признакам складываются отношения между различными сословными группами и внутри таких групп.

Конкретные наблюдения Веселовского показали, что корни землевладения боярских семей уходят в XIV в., т.е. старобоярскими можно считать семьи, пришедшие в Москву с первыми князьями московского дома. Однако, их состав не был стабилен.

Ряд боярских семей, занимавших высокое положение при князе Дмитрие Ивановиче Донском, в XV в. отошел от активной политической деятельности; их потомки появляются при царском дворе во второй половине XVI в.

Большие перемены в состав старомосковского боярства внесла и феодальная война 30-50-х гг. XV в., когда после измены князю Василию Васильевичу некоторых бояр (братьев Добрынских, Ивана Всеволожа, Ивана Старкова) их семьи надолго сошли с политической арены. В других родах, стабильно служивших при дворе московских князей, изменился состав семей, представители которых занимали высшие должности в правительстве⁸⁴.

Как показал А.А.Зимин, существовавшая в XV в. стабильность боярской верхушки в Московском княжестве, имевшей здесь земельные владения и занимавшей ключевые посты при дворе, была той социальной основой, которая помогла великому князю Василию Васильевичу в борьбе за престол⁸⁵. Надо добавить, что такие семьи были тесно связаны родственными узами друг с другом и с великокняжеской семьей.

В нашей исторической литературе прочно обосновалось понятие "старомосковское боярство". Обычно в нем объединяются семьи, служившие при царском дворе в XVI в. и чьи предки по родословной легенде выехали в Москву в XII–XIV в. Исследованию истории этих боярских семей посвятил свои работы С.Б.Весевский, он провел тщательный анализ состава таких семей, находившихся при дворе московских князей в XIV и XV в., изучил их земельные владения, родственные связи⁸⁶, вскрыл процессы замены разных ветвей одного боярского рода в политической жизни, появление в Москве таких новых родов для XV в., как Морозовы, Плещеевы, которые традиционно относились к старомосковским. А.А.Зимин, проследив историю боярства великих и удельных княжеств, показал слияние разных ветвей рода, служивших великому князю, удельным князьям, а также в княжествах, вошедших в состав Русского государства, и участие этих родов в политической жизни страны в первой трети XVI в. О том, насколько сложен этот процесс, как оформляли различные семьи свое положение при дворе, используя самые различные документы, писала и автор этой работы на примере Сабуровых и Бутурлиных, поспешивших использовать свое реальное возвышение в начале XVI в. и закрепить его в комплексе родословных "памятей"⁸⁷.

Новый этап формирования сословий уже единого государства выражается в том, что с конца XV в. сословные группы, к которым принадлежали семьи из верхушки правящего класса, объединяются понятием Государев двор.

В Государев двор входили те, кто служил непосредственно великому князю, т.е. к нему не принадлежали удельные князья – аристократическая верхушка правящего класса.

Соответственно самыми знатными в Государеве дворе были служилые князья и князья Рюриковичи из бывших великих княжеств.

Состав Государева двора мы находим в Дворовой тетради 60-х гг. XVI в., когда его структура достаточно оформилась. В тексте Дворовой тетради выделены думные и придворные чины: бояре, окольные, казначеи и т.д. Отдельную группу составляют служилые князья. Порядок расположения семей в этих записях в принципе совпадает с расположением глав в родословных книгах, что может говорить об устоявшейся иерархии родов. Кроме родового принципа часть лиц записана по территориальному – уездам, по которым они служили. Так что здесь, при делении правящего класса на группы соблюден территориально-родовой принцип. Можно предположить, что для представителей княжеских семей или боярства, которые записаны по месту службы, а не среди своей родни, это означало разрыв с вотчинными владениями и службу князю с тех земель, которые им были выделены. Но это нуждается в дополнительном исследовании.

Если процесс формирования Государева двора в первой половине XVI в. завершился созданием Дворовой тетради, то его начало менее уловимо. Очевидно, это связано с реальным выходом на политическую арену княжеских и боярских семей в конце царствования Ивана III, с созданием новых сословных структур, вызванных формированием класса феодалов единого Русского государства.

Военно-феодальные корпорации в России носили территориальный характер, так же, как это закреплено в III Литовском статуте. В отличие от Литвы они не имели права собираться на сеймы для решения своих дел. В основном в территориальные корпорации было объединено городское дворянство, не входившее в состав Государева двора, а служившее по месту, где находились их земельные владения. И запись в Дворовой тетради по месту службы велась для групп, не входивших в верхушку Государева двора (бояре, окольные, потомки княжеских родов).

Кроме того, все входившие в состав Государева двора были православного вероисповедания. Сообщением о крещении выехавшего родоначальника оканчиваются все родословные легенды. И в XVII в. принятие православия было необходимым условием перехода в подданство русскому царю.

Как представляется, в России принцип формирования сословий, уходящий еще во времена феодальной раздробленности, был генеалогическо-служебный: давность службы семьи князю и ранг этой службы определяли принадлежность к определенной сословной группе и вытекающие отсюда юридические права.

До 80-х гг. XVII в. этот принцип никогда не оформлялся законодательным путем. Но в России, особенно с середины XVI в., создаются различные редакции родословных книг, закреплявших официально происхождение отдельных семей, родственные связи как внутри семьи, так и между разными семьями. Такого обилия официальных редакций родословцев не знали соседние славянские страны. Этот же генеалогическо-служебный принцип был закреплен в указах, составленных после отмены местничества в 1682 г. и регулировавших работу Палаты родословных дел.

Как и в Великом княжестве Литовском, более размыто выступают низшие слои Государева двора; если высшие структуры – княжеские и боярские семьи, были определены и проникнуть в эти слои было трудно, то история семей низших прослоек, через которые и шли изменения в составе двора, к тому же слабо отраженные в генеалогических документах XVI в., изучены плохо.

Один из немногих документов, сохранивших сведения о низших слоях класса феодалов России конца XV в., является так называемая Книга Дмитрия Китаева. Это отрывок новгородской писцовой книги Дмитрия Китаева, где записаны вновь испомещенные новгородские помещики. После роспуска дворов ряда крупных политических деятелей (Иван Борисович Тучков, князь Иван Ряполовский и некоторые другие), последовавшего в результате опал Ивана III, члены этих дворов стали новгородскими помещиками. В литературе идет спор, были эти новые помещики холопами крупных феодалов или же дворянами, служившими при дворах вельмож⁸⁸. Мы склоняемся к тому, что эти лица принадлежали к низшим слоям класса феодалов, служили, во всяком случае какая-то часть не непосредственно великому князю, а членам Государева двора (в Великом княжестве такая служба предусматривалась в Статуте 1529 г.). После роспуска дворов опальных вельмож, – а великий князь в XVI в. неоднократно распускал или заменял

великий князь в XVI в. неоднократно распускал или заменял дворы неугодных ему удельных и служилых князей, – служившие им феодалы вполне могли перейти на службу к великому князю и получить владения на вновь присоединенных пограничных землях. Новгородские пятины в конце XV в. относились именно к таким территориям.

Некоторые фамилии из испомещенных в Новгородской земле известны уже как новгородские помещики по Тысячной книге 1550 г. Это Олуповский Семейко Булгаков сын Пущина – прямой потомок Булгака Пущи из Книги Дмитрия Китаева; кроме него Нороватый, Муравьевы, Щербинины и др.⁸⁹. Эти семьи за пятьдесят лет сделали хорошую карьеру по службе, пав из членов дворов опальных феодалов в избранную тысячу государя.

Генеалогически перемещения в низших прослойках лучше всего исследованы в связи с опричниной Ивана Грозного, но, к сожалению, известия о многих семьях опричников, восходящие к концу XV – началу XVI в., отсутствуют.

О том, что между верхушкой Государева двора, занимавшей свое место исключительно благодаря происхождению, и низшими его слоями, где продвижение по службе и ступеням сословной лестницы часто зависело от личного таланта и энергии, и внутри этих групп шла постоянная борьба, мы видим из документов, отразивших составы участников свадеб великих и удельных князей XVI в. Безусловно, этот состав в значительной мере был предопределен этикетом двора, но тем не менее реально он пересматривался по несколько раз: лица, игравшие реальную роль в политической жизни, но не принадлежавшие к высшим слоям, стремились занять в придворном торжестве как можно более высокое место.⁹⁰

Эти процессы активно развиваются во второй половине XVI в. Особенно много изменений в личном составе Государева двора принесла опричина Ивана Грозного.

Мы видим, что процесс формирования сословных прослоек правящего класса России и Литвы в XVI в. имел ряд точек соприкосновения, хотя эти общие элементы не всегда имели в основе одни и те же процессы политической жизни. В начале века еще сильны были тенденции группировки лиц и семей по принципу близости происхождения: в Литве князья магнаты, паны, с другой стороны в России князья, старое боярство. Конечно, здесь было бы интересно проследить все эти процессы вглубь, вплоть до их истоков. О тенденциях формирования сословий свидетельствуют в Литве нормы

Статута 1529 г., а в России стремление различных семей связать свое происхождение, объединиться вокруг единого предка. Это хорошо прослеживается в первых родословных росписях начала XVI в.

Еще одно принципиальное отличие – в России среди лиц, занимавших места в Думе, и составлявших верхушку правящего класса, никогда не было духовных лиц, которые упоминаются как члены рады Великого княжества Литовского.

Однако с усилением процесса централизации великокняжеской власти, усилением роли местной администрации развиваются территориальные корпорации. Безусловно, такие объединения были более приемлемы для центральной власти; несомненно, они имели в основе какие-то объединения, восходящие ко временам уделов, поэтому они оказались стойкими. И здесь мы опять видим различия в структуре двух государств. В России не было владений, схожих с магнатскими вотчинами, не было условий для объединения таких массивов земель в руках одной семьи и службы этим семьям феодалов из других сословий. Возможно, поэтому на русском материале так плохо прослеживается многоступенчатость феодального вассалитета. Нормы литовских статуты не оставляют никаких сомнений в том, что феодал мог служить феодалу, это подтверждается и актовым материалом, раскрывающим, как такой процесс происходил в жизни. Сведения, позволяющие говорить о таких же явлениях в русской жизни, скудны и отрывочны; без известий литовских источников их полностью расшифровать нельзя.

Очень интересно, что в XVI в. в обеих странах усиливается роль низших прослоек, которые Статут 1588 г. определяет как шляхта, хотя причины этого процесса были различными. Можно согласиться с Ю.Бардахом, который видит активизацию шляхты в политической жизни как противовес возможной угрозы со стороны польской шляхты. России надо было пережить опричнину и опустошительную Ливонскую войну, чтобы изменилась реальная роль отдельных слоев правящего класса в государственной жизни.

¹ *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 191.

² *Malczewska M.* Latyfundium Radziwillow w XV do polowy XVI w. Warszawa, 1985; *Pietkiewicz K.* Kezgjajlowie i ich latyfundium do polowy XVI w. Poznan. 1982.

³ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 81-94 и сл.

-
- ⁴ *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. С. 79-85; *Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула, 1993.
- ⁵ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988-1989. М., 1991. С. 243-250 и сл.
- ⁶ *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI в. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ *Банионис Э.* Загадки литовской генеалогии //Историческая генеалогия (в печати).
- ⁹ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 101-105.
- ¹⁰ *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. Кн. 35. М., 1975. С. 122.
- ¹¹ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 62-63.
- ¹² *Malczewska M.* Lutyfundium Radziwillow.
- ¹³ *Pietkiewicz K.* Kezgajlowie.
- ¹⁴ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России. С. 65.
- ¹⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- ¹⁶ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России. С. 46.
- ¹⁷ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 48-78.
- ¹⁸ *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 154.
- ¹⁹ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России. С. 196-199.
- ²⁰ Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558-1560. //Материалы для истории Звенигородского края. М., 1992. В. I. С. 20, 26-30 и сл.
- ²¹ *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. С. 195-203.
- ²² *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина. С. 165-175 и сл. См. также: *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. //ИЗ. 1938. Кн. 3. С. 130-160.
- ²³ *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 99-100.
- ²⁴ Там же. С. 99.
- ²⁵ *Капитанов С.М.* О типе Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Тезисы докладов и сообщений. М., 1992. С. 91.
- ²⁶ *Samsonowicz H.* Zlota jesien polskiego sredniowiecza. Warszawa, 1971. S. 44-71; *Батура Р.К., Паушто В.Т.* Культура Великого княжества Литовского // ВИ. 1977. № 4.
- ²⁷ *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413 // Lituano-slavika poznaniensia. III. Poznan, 1989. S. 7-9.
- ²⁸ *Bardach J.* Uwagi o "rodowym" ustroju spoleczenstwa i prawie blizsosci w Polsce sredniowiecznej //Czasopismo Prawno-Historyczne. T. IV. 1952. S. 412.
- ²⁹ Ibid. S. 436.
- ³⁰ Ibid. S. 433.

- ³¹*Bieniak J.* Rody rycerskie jako czynnik struktury społecznej w Polsce XIII–XV w. // Polska w okresie rozdrobnienia feodalnego. Warszawa. 1973. S. 193.
- ³²*Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 428-508; *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 503.
- ³³*Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich. S. 9.
- ³⁴*Ibid.* S. 32, 42, 46 и сл. С этим наблюдением можно сопоставить выводы литовского исследователя В.Алексеюнаса: ранние литовские монеты конца XIV в. соединяли технику производства, чекан, близкую к технике монет русских княжеств, и эмблематику, приемы гравировки, близкие к западным монетам. См.: *Алексеюнас В.* Литовские монеты XIV–XV вв. (проблемы типологии) // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. С. 26-28.
- ³⁵*Кауштанов С.М.* О типе Русского государства XIV–XVI вв. С. 89. См. также: *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 198.
- ³⁶Там же. С. 191.
- ³⁷*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 30-31. В.Т.Пашуто приводит текст грамоты 1387 г. между в.кн.Ягайло и кн.Скиргайло, где во владениях Скиргайло в Минске упомянуты служебные князья. (*Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 348).
- ³⁸*Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 445-447, 468-471; *Менжинский В.С.* Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском (По материалам переписи войска 1528 г.) // История СССР. 1987. № 3. С. 166-168.
- ³⁹*Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С.431-436; *Юргинис Ю.М.* Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 124-130.
- ⁴⁰*Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 517.
- ⁴¹*Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания. С. 112-114.
- ⁴²*Любавский М.К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сборник статей, посвященный В.О.Ключевскому. М., 1909. С. 2-4.
- ⁴³Там же. С. 6-8.
- ⁴⁴*Кром М.М.* Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века // Отечественная история. 1992. № 4. С. 148-152.
- ⁴⁵*Пичета В.И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. С. 509.
- ⁴⁶Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск. 1960. С. 132.
- ⁴⁷Там же. С. 137.
- ⁴⁸Там же. С. 142.
- ⁴⁹Там же.
- ⁵⁰Там же.
- ⁵¹Там же.
- ⁵²Там же.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴Там же.
- ⁵⁵*Лаппо И.И.* Литовский статут 1588 г. Каунас. 1937. Т. I. С. 131.
- ⁵⁶Там же. С. 97, 102.
- ⁵⁷*Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 233-240.
- ⁵⁸*Лаппо И.И.* Литовский статут 1588 г. С. 1.

-
- ⁵⁹Там же. С. 2.
- ⁶⁰*Пичета В.И.* Литовский статут 1529 г. и его истоки // Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 13-14.
- ⁶¹*Bardach J.* O dawniej i niedawniej Litwie. Poznan. 1988. S. 53-54.
- ⁶²*Ланно И.И.* Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев. 1916. С. 89-93.
- ⁶³Там же. С. 65.
- ⁶⁴Там же. С. 92-93.
- ⁶⁵Там же. С. 60.
- ⁶⁶Там же. С. 74-75. См. подробнее: *Бычкова М.Е.* Сословная структура правящего класса и III Литовский статут // Третий Литовский Статут 1588 года. Вильнюс. 1989. С. 139-142.
- ⁶⁷Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 31, 32 и сл.
- ⁶⁸*Ланно И.И.* Литовский статут 1588 г. С. 84-85. См. также: *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского. С. 120-134 и сл.
- ⁶⁹*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- ⁷⁰*Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
- ⁷¹*Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 48-60 и сл.
- ⁷²*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 213-218.
- ⁷³См. подробнее: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 31.
- ⁷⁴Там же. С. 33.
- ⁷⁵Там же. С. 29-60.
- ⁷⁶*Зимин А.А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство в крепостной России XVI–XVIII вв. М., 1975.
- ⁷⁷Там же. С. 39.
- ⁷⁸*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России. С. 73.
- ⁷⁹Там же. С. 33-38.
- ⁸⁰*Назаров В.Д.* "Двор" и "дворяне" по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- ⁸¹*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 466.
- ⁸²Там же.
- ⁸³Там же. С. 466-467.
- ⁸⁴Там же. С. 468.
- ⁸⁵*Зимин А.А.* В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 87-89.
- ⁸⁶*Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 465-519.
- ⁸⁷*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России. С. 79-89.
- ⁸⁸Там же. С. 161-168.

⁸⁹Там же. С. 167.

⁹⁰Там же. С. 113-125.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Представление о прерогативах власти государя в средневековом обществе воплощалось в самых разных формах: визуально – через обряды, изображения на фресках, миниатюрах рукописей и др.; через символы (регалии власти), которые надевались на правителя, носились за ним, изображались на монетах и т.д.

Идеи власти обосновывались в различных текстах: трактатах, посланиях светских и духовных лиц, публицистике, генеалогических произведениях. Легенды, где говорилось о происхождении родоначальника династии, играли особую роль в жизни средневекового общества, поскольку само наличие среди предков правителей христианских святых и преподобных уже придавало легитимность государю, было свидетельством благородства происхождения.

Публичные церемонии и среди них обряд возведения на престол также являлись манифестацией государственной власти. В современной литературе с появлением коронационных обрядов справедливо связывается становление монархии, династического правления.

В настоящей работе автор ограничивается лишь одним из аспектов этой большой и многогранной проблемы: сопоставлением русского и польско-литовского коронационных обрядов XVI в. и обоснованием права на престол, которое формулировалось в легендах о происхождении династий и крупных родов, входящих в правящую элиту.

Обряды возведения на престол

Публичные церемонии, связанные с манифестацией государственной власти: обряд возведения на престол, великокняжеские свадьбы, торжественные поездки на охоту или богомолье, выступления в походы и др. имели особое значение в жизни средневекового общества. Это были акты общения правителя, носителя сакральной власти, с народом. Некоторые из обрядов: похороны, свадьбы, вступление на престол, имели вековые традиции и были непосредственно связаны с церковными; можно предположить, что они совершались по единому, заранее разработанному ритуалу, который, исходя из реальных обстоятельств, изменялся лишь в деталях. Другие манифестации, как торжественные шествия по поводу различных праздников или

событий, возможно, не имели такой четко разработанной схемы действия, в них лишь соблюдались сложившиеся нормы взаимоотношения правителя и народа.

Среди таких торжеств важное место занимал обряд возведения на престол. В ходе его не только совершалась легитимизация верховной власти: на глазах у присутствующих происходило превращение смертного, электа в государя, обладающего надприродным даром общения с высшими силами.

В исторической литературе последних лет возведение на престол, коронация все чаще рассматривается как торжественный обряд, где в концентрированной форме отражается идея власти государя, его отношения с подданными, присущие определенной стране в определенный период¹.

Как отмечают все исследователи, во время коронации, происходившей в христианских странах в одном и том же храме, веками звучали одни и те же слова, в строго определенной последовательности повторялись одни и те же жесты. И символы власти, возлагаемые в этот момент на государя, имели особое значение: многие из регалий были окружены легендами об их чудесном обретении, обычно они надевались на монарха лишь один раз – при церемонии возведения на престол².

Как представляется, эти церемонии правомерно рассматривать в двух аспектах: "как они задумывались", то есть изучая документы, где разрабатывалась их программа, и "как они проводились", изучая документы, описывающие ход церемонии. Естественно, наиболее адекватную картину мы получим, совместив оба аспекта, но, к сожалению, на русском материале это не всегда можно сделать.

В России порядок проведения торжественных великокняжеских церемоний оформлялся в "чине" и "разряде": в первом документе расписывалась последовательность действия обряда, все эпизоды при его проведении, действия участников, их ранги. Как правило, "чин" анонимен, в нем не называются конкретные лица, участвующие в торжестве. В "разряде", наоборот, записаны непосредственные участники, принимавшие участие в церемонии. От конца XV–XVI в. сохранились чины возведения на престол московских государей, летописные записи и свидетельства других источников отрывочны, а разряды не сохранились³. Состояние русских источников XV–XVI вв. таково, что мы не можем по документам восстановить полный ход всех великокняжеских торжеств⁴.

Мы не знаем, как проводилось "посаждение" на престол великих князей Киевской Руси и позднее, в различных великих княжествах, и соответственно не можем выявить в деталях древние традиции венчания. В московских летописях есть скудные записи, что все потомки Ивана Калиты до 1425 г., получив в Орде ярлык на великое княжение, "садились" на престол во Владимире. Очевидно, обряд "посаждения" совершался во владимирском Успенском соборе; лишь один раз, при "посаждении на столе" князя Василия Дмитриевича (1389 г.) летописец запишет о присутствии на церемонии представителя хана: "посажен царевым послом"⁵.

Начиная с 1425 г., когда московский престол занял малолетний князь Василий Васильевич, летопись не отмечает, где происходил торжественный акт венчания.

Очевидно, после споров о великом княжении малолетний князь Василий Васильевич, по согласованию с сыновьями Дмитрия Донского был в 1425 г. признан великим князем и находился на московском столе до 1431 г., когда вопрос о том, кому быть великим князем, начал решаться в Орде. Не исключено, что митрополит Фотий и мать княжича Софья Витовтовна сразу после смерти Василия Дмитриевича организовали какой-то обряд, подтверждавший легитимность власти Василия Васильевича. Г.Н. Бочаров связывает с этим временем создание в московской мастерской митрополита золотой великокняжеской шапки, известной сейчас как "шапка Мономаха"⁶. После 1425 г. все летописи называют Василия великим князем, а в одном летописце начала XVI в. сохранилась запись, относящаяся к событиям 1431-32 гг. в Орде, где приведена точная дата княжения Василия: "семь лет"⁷.

Однако, после того как хан решил спор о престолонаследии в пользу Василия Васильевича, он вернулся в 1432 г. в Москву с ханским послом царевичем Мансыр уланом, который "его посадил на великое княжение" "у Пречистые у Златых дверей", то есть у южных ворот Успенского собора Кремля⁸.

Потомки Василия Темного возводились на престол также в Москве. Очевидно, с этого времени и начинает складываться обряд венчания московских великих князей, а затем царей, известный по документам с конца XV в.

Торжественность обряда возведения на престол не была оригинальным творчеством московских политиков. Скорее всего, они воспользовались

традициями венчания византийских императоров. Организация этого праздника была известна в Москве в XV–XVI вв. по официальным документам: до наших дней сохранились рукописи с описанием венчаний византийских императоров. Есть и рассказ о возведении на престол императора Мануила, составленный в 1392 г. русским путешественником, присутствовавшим во время торжества в соборе св. Софии⁹.

Кроме того вероятно были известны обряды, совершаемые в разных европейских государствах: собирать сведения о подобных церемониях ставилось одной из задач средневековых посольств. В 1430 г. члены московской великокняжеской семьи были на коронации (правда, она не состоялась) литовского князя Витовта, где присутствовали правители соседних стран. С 70-х гг. XV в. идет регулярный обмен посольствами между Москвой и столицами других европейских государств.

Русские великие князья не только разрабатывали торжественный обряд, который бы свидетельствовал о могуществе их власти и собственном величии, одновременно создавался цикл произведений, как Сказание о князьях владимирских, летописные рассказы, где обосновывалось происхождение великокняжеской власти, преемственность власти московских великих князей от киевских, их связи с Византией и римскими императорами¹⁰.

* * *

Первая церемония венчания на великое княжение в Москве во всех деталях известна с 1498 г., когда великий князь Иван III посадил на престол своего внука Дмитрия Ивановича. Очевидно, этот новый обряд, близкий к царскому венчанию, в основе восходящий к древним великокняжеским "посажениям на стол", мог произойти в недавно образованном едином Русском государстве. Идеологически, по всем составленным в то время произведениям, венчание Дмитрия представлялось, как многовековая преемственность великокняжеской власти на Руси, преемственность власти московскими великими князьями от киевских. Упоминание о Киеве, как колыбели власти (хотя сам город в то время входил в состав Великого княжества Литовского) еще не говорит о каких-то территориальных притязаниях. Скорее оно было нужно как указание на давность власти московских государей, упоминание города, откуда в русские земли пришло христианство, где много веков назад завязывались политические и культурные связи с Византией.

Но само венчание на княжение Дмитрия было политическим актом, звеном в выработке доктрины самодержавной власти. А набор документов, связанных с венчанием, его идеологическим обоснованием, подробная разработка самой церемонии скорее говорят, что торжество такого ранга в XV в. проводилось впервые.

Символика различных эпизодов венчания на царство в России в отечественной исторической науке исследовалась мало. Поэтому прежде, чем обратиться к русскому чину венчания остановимся на исследованиях, посвященных анализу коронации европейских и в частности польских королей.

Исследование коронационного торжества в Польше XVI в., проведенное А. Гейштором, позволяет проследить значение этого обряда и интерпретировать его в рамках ментальности средневекового общества. На основе известий об отдельных эпизодах коронаций, восходящих к XIV в., автор приходит к выводу, что обряд коронации был стабилен и направлен к легитимизации королевской власти. В нем были постоянны и глубоко символически все слова и жесты, произносимые и совершаемые в установленной последовательности и отражающие глубоко укрытые структуры средневековой ментальности¹¹. Сам порядок коронации восходит к той магии власти, которая существовала и наследовалась европейскими королевскими дворами с раннего средневековья.

Польские источники, как и русские, сохранили полное описание коронации только начиная с XVI в. – коронация Сигизмунда-Августа в 1530 г.; все более ранние акты описаны лишь частично¹², их можно только реконструировать. В отличие от русских источников, подробно освещающих лишь венчание на царство в церкви, польские показывают коронационное торжество как многодневный и многоактный процесс, который начинается с похорон умершего короля, прощания с ним наследника и кончается принятием присяги у различных слоев населения вновь коронованным правителем¹³. Такими же многодневными были коронационные торжества во Франции и Англии. Все моменты этого обряда были тесно взаимосвязаны и вытекали один из другого.

Обряд погребения монарха определенным, точно регламентированным образом замыкал период между смертью человека и сакральной смертью царствующего, а обряд коронации был глубоко продуманным актом символического вступления во владение государством, городом, резиденцией¹⁴.

Короля, даже в процессе коронации, долго считали светским человеком, которого лишь поэтапно вводили в новое положение.

Первый эпизод коронации в Польше – прощание нового короля с умершим – происходил не всегда: наследник иногда приезжал в столицу уже после похорон своего предшественника. Но с конца XIV в. время, прошедшее между похоронами и самой коронацией, все сокращалось¹⁵.

На основных моментах церемонии присутствовали лишь немногие участники. Если коронация проходила в костеле больших размеров, его декорировали, выделяя небольшое пространство¹⁶.

Коронация всегда происходила в воскресенье, но первые акты элект совершал в субботу; они состояли в обязательном посте, исповеди и других церковных актах. Это было необходимо при переходе из одного психофизического состояния в другое (из человека в помазанника Бога), более высокое и доступное лишь посвященным. В субботу элект спал в специальной спальне, что должно было означать начало перехода из одного состояния в другое. В воскресенье короля будила процессия духовных и светских лиц, которая шла за ним из собора; электа одевали в одежду епископа, и духовные под руки вели в собор. За ними в определенной последовательности несли символы королевской власти. В XVI–XVII вв. во Франции была разработана специальная символическая церемония пробуждения короля¹⁷.

Первая фаза коронации в соборе – присяга, в которой элект присягает верно править, а народ – верно ему служить. С этого момента элект становится королем. Вторая фаза – миропомазание, которое превращает светского человека в божьего избранника. Как считает А. Гейштор, этот обряд восходит к древним обычаям, когда избранник мог общаться с надприродными силами, быть королем-магом¹⁸. Причем, в Польше бывали случаи многократного миропомазания, если один человек несколько раз короновался на различные престолы. Иногда короли не стремились к очередному помазанию, т.к. с течением времени, когда из сознания исчезало представление о королях-магах, создавалось впечатление, что король получает власть от церкви.

Третья фаза коронации – передача знаков королевской власти. Здесь все совершалось в строгой последовательности, определенными жестами и под определенные слова. Коронационная корона в Польше надевалась только один раз. Четвертая фаза – вступление короля на престол. На этом кончалась коронация в костеле.

Большое значение при коронации придавалось присяге короля, которую он коленопреклоненно приносил в соборе. Король брал обязательство сохранять неизменной территорию государства, соблюдать права подданных. Иногда (как во Франции) тексты присяги оставались веками неизменными, но с расширением круга обязанностей короля менялось число клятв¹⁹.

В Польше с появлением элекции для каждого нового короля составлялась новая клятва. В 1574 г. была остановлена коронация Генриха Валуа, так как присутствовавший на ней Ян Фирлей заметил, что произносимый королем текст о правах протестантов отличается от согласованного накануне. При возобновлении обряда Генрих произнес составленный заранее текст²⁰.

В понедельник король конно ехал на Рынок (коронация происходила в Кракове), где перед ратушью был трон. Сев на трон, король принимал присягу и подарки у народа²¹.

Такая церемония подробно описана при коронации Сигизмунда в 1506 г. Король приехал на Рынок одетым в торжественную королевскую одежду, окруженный большим отрядом панов и рыцарей. Он принимал от мещан присягу на верность, сидя на троне, а весь простой народ так же присягал ему, поднимая вверх пальцы рук²². С ходом времени драматизированный обряд, родившийся в раннее средневековье, превращается в пышный праздник.

Иногда были отступления от обряда, чаще всего связанные с короной. При смене династии на польском престоле, когда королем стал великий князь литовский Ягайло, его короновали новой короной, так как древнюю коронационную вместе с другими ценностями казны увез в Венгрию предшественник Ягайло – Людвиг²³. А при коронации в 1434 г. сына Ягайло Владислава часть присутствующих в костеле панов долго не разрешала возлагать на него корону, поскольку они не дали согласия на выбор короля. Лишь вмешательство великого маршалка Яна Олесницкого спасло ситуацию²⁴.

В конце своего правления великий литовский князь Витовт также решил короноваться. Многодневный пир, который он устроил для соседних государей, кончился ничем: корону, которую он должен был возложить на себя, не пропустили в Литву.

Символика польского коронационного акта была хорошо известна в Великом княжестве Литовском XV в. В силу личной унии польские короли и

великие князья литовские были ближайшими родственниками или же польский король одновременно был великим князем в Литве. Литовская знать присутствовала не только на поставлении на великокняжеский престол в Вильнюсе (где, кстати, всегда были представители польского короля), но и на коронационных торжествах в Кракове. В 1501 г. литовские магнаты принимали участие в коронации великого князя литовского Александра на польский престол, а в 1506 г. многие из них присутствовали на коронации Сигизмунда, также уже возведенного на литовский престол.

Церемония принятия власти литовским великим князем выглядит гораздо скромнее. С конца XIV в., после того как великий князь литовский Ягайло был коронован польской короной и передал власть в Литве своему дяде Витовту, до 1501 г., когда великий князь литовский Александр был коронован в Кракове, происходили параллельные обряды коронации в Кракове и посажения на литовский престол в Вильнюсе.

Сам обряд возведения на великокняжеский престол описан кратко, но отдельные действия в соборе упоминаются постоянно, что говорит о стабильности самой церемонии. Она происходила в Вильнюсе, в костеле святого Станислава, "по христианским церемониям и сохраняя древние обычаи посажения"²⁵. При посажении на престол в 1392 г. Витовт был одет виленским епископом в "княжескую шапку и одежды, соответствующие этим обстоятельствам", после чего великий маршалок литовский вручил ему обнаженный меч, булаву и отдал княжескую печать²⁶.

В 1492 г., "сохраняя давние церемонии", в том же костеле был одет "в княжескую шапку, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, а также обычную одежду" великий князь литовский Александр²⁷. Подавая Александру обнаженный меч, великий маршалок Ян Литавор Хребтович произнес речь, где говорил, что Литва выбрала себе князя и вождя, в знак чего ему вручают меч; править Литвой надо обеими руками: в одной меч, в другой скипетр, одной рукой карать несправедливость, другой поддерживать добрые поступки²⁸. Принимая меч, великий князь благодарил панов и обещал выполнить все просьбы, прозвучавшие в речи великого маршалка.

После смерти Александра в 1506 г. на великое княжение "с великой учтивостью, церемониями и триумфом" был посажен его брат Сигизмунд. Епископ виленский "по давним обычаям" надел на него княжескую шапку из червоного аксамита, украшенную драгоценными камнями. Великий маршалок князь Михаил Глинский подал Сигизмунду меч²⁹.

Первые чины венчания на престол в России (1498 и 1547 гг.) позволяют определить место этих обрядов в разработке идеологии великокняжеской (царской) власти. А отдельные моменты венчания вполне сопоставимы с коронацией польских королей и других государей, хотя всегда надо иметь в виду, что эти поставления на престол были связаны с идеями власти, выработанными католической церковью. Русское с самого начала связывалось с византийскими традициями, о чем свидетельствует круг публицистических произведений, появившихся в 90-е гг. XV в.³⁰

Подлинник чина венчания Дмитрия Внука не сохранился, он известен по спискам XV–XVI вв.³¹ Возможно, его постигла участь свадебных чинов, когда описание предшествующего праздника использовалось для организации нового³².

В воскресенье 4 февраля 1498 г. в соборной церкви Успения московского Кремля было сооружено специальное "место" с тремя стульями: для двух великих князей и митрополита. Детали интерьера, связанные с венчанием – стулья князей, скамьи для присутствующих, налож для регалий власти, настилы на полу были выдержаны в бело-золотых тонах ("белые аксамиты со золотом"). В день венчания первыми в собор пришли митрополит Симон и другие иерархи церкви: шесть епископов, пять архимандритов и два игумена.

Из великокняжеского дворца приносят и ставят на специально сооруженный среди церкви "налож" регалии власти, необходимые для венчания – великокняжескую шапку и бармы. Затем в собор приходят великие князья и лица, приглашенные на торжество. После молебна Богородице и чудотворцу Петру, многолетия, которое поется только Ивану III, великий князь и его внук идут к приготовленным стульям. Великий князь и митрополит садятся, Дмитрий стоит.

Иван III обращается к митрополиту, объясняя, что "по старине" великие князья сами давали великое княжение своим старшим сыновьям. Поскольку старший сын великого князя – Иван Иванович – умер, он передает эти права своему внуку Дмитрию Ивановичу: "Яз его ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством"³³.

Далее митрополит благословляет Дмитрия на княжение и после молитвы велит двум архимандритам принести с налож бармы, благословляет их и передает великому князю, а уже тот надевает на внука. Затем с такой же процедурой приносят и надевают шапку. После этого Дмитрий, уже как ве-

ликий князь, но с разрешения Ивана III садится на свой стул рядом с ним и митрополитом, затем все встают и слушают молебен.

Очевидно, этот эпизод, когда великий князь, только что надевший регалии, садится на свое место, и символизирует древний обряд "сажения" на престол: "сесть на стол предков", то есть реально сесть на него в полном облачении³⁴.

После молебна Дмитрия поздравляют присутствующие, а митрополит произносит поучение. Затем, уже после литургии Иван III уходит в свои палаты, а Дмитрий "в шапке и бармах" из Успенского собора переходит в Михаилоархангельский. С ним следуют бояре, а у выхода из церкви его осыпает золотыми и серебряными деньгами дядя Юрий Иванович. В церкви Михаила Архангела юный великий князь поклоняется гробницам предков, затем переходит в Благовещенский собор. Каждый раз при выходе Юрий Иванович осыпает его деньгами. Затем Дмитрий идет "к великому князю и к матери"³⁵.

Выход наследника из дворца, его торжественный проход к Успенскому собору, посещение других соборов Кремля могли видеть все желающие, но на сам обряд венчания в собор приглашались немногие, в основном члены великокняжеской семьи.

Сын Ивана III Василий Иванович, занявший московский престол после смерти отца, но при жизни заточенного в тюрьму Дмитрия, на княжение не венчался.

Следующий обряд венчания, уже на царство, другого внука Ивана III – Ивана Грозного состоялся в 1547 г.

Для этой церемонии был составлен новый "чин", в котором явно использован документ 1498 г. Чин венчания Ивана IV также сохранился в списках второй половины XVI в., но кроме этого, летописи XVI в. (в частности Летописец начала царства) дают подробное описание совершившейся церемонии, поэтому официальный документ можно скорректировать летописным рассказом.

Сравнение двух текстов показывает, что при венчании Ивана IV сохранен общий ход процедуры возведения на престол Дмитрия, уже это может свидетельствовать о большой традиционности таких обрядов.

В одной из редакций "чина" предусматривалось венчание Ивана на царство в присутствии некоего "старшего" великого князя, каким в 1498 г. был Иван III. Другая редакция составлена без участия такого "старшего" кня-

зя³⁶. По форме первая редакция повторяет передачу власти Иваном III Дмитрию Ивановичу, по идее – это осязаемая передача власти правящего князя непосредственно своему наследнику, где церковь благословляет и скрепляет акт передачи власти. Но в 1498 г. в Успенском соборе реально присутствовали два великих князя, а Иван IV вырос сиротой. Возможно, процедура была придумана в какой-то момент составителями, поскольку и в 1498, и в 1547 гг. венчались на престол внуки Ивана III, дети его старших сыновей от двух браков. А может быть, здесь сыграл роль и традиционный свадебный чин; на свадьбе в России всегда присутствовал князь-отец³⁷.

Но, очевидно, в силу важности самого акта передачи власти от правителя наследнику, несуществующий "старший" князь исчез из реального венчания на царство в 1547 г., что подтверждается и летописным рассказом XVI в.³⁸

Через полвека после первой торжественной церемонии обряд вступления на престол стал более парадным и строгим. Это сказалось и на убранстве Успенского собора, где белое с золотом заменил пурпур. Более тщательно организуется внутреннее пространство: выгораживается "царский чертог", от него красной тканью настиляется проход к царским вратам, около алтаря украшается налож, где во время церемонии на золотом блюде будут стоять символы власти, покрытые драгоценным "покрывом", вышитом жемчугом и камнями. В чертожном месте ставятся два стула – для великого князя и митрополита, – украшенные золотыми подушками, от подножья стульев до налож настиляются бархат и камки. По обеим сторонам чертожного места богато украшаются две скамьи для "священного собора". Отдельно от "чертога", с другой стороны в соборе ставится царское место, от которого также настиляется бархат и камка – путь к алтарю, по которому пойдет царь. Специальные чиновники (термин документа – *М.Б.*) берегут путь, чтобы по нему никто не ходил³⁹.

В воскресенье 16 января 1547 г. с утра в собор приходит митрополит с освященным собором, клир торжественно встречает его в дверях, все проходят к алтарю, облачаются для службы и ждут "прихода" регалий царской власти.

Атрибуты царской власти: животворящий крест, святые бармы, царский венец и скипетр великий князь из своих палат посылает в день венчания в Успенский собор митрополиту. Он сам ("своими руками") ставит на золотое блюдо крест и "царский свой сан", накрывает вышитой паволокой и отдает "своему духовному отцу", который "приемлет с страхом и трепетом и

поставляет на верх главы у себя"⁴⁰. До церкви протопопа с царским саном сопровождают казначеи, вельможи. Во время шествия звонят колокола.

У входа в церковь процессию встречает митрополит с клиром; протопоп снимает блюдо с головы, его берут два архиепископа и относят митрополиту, а уже он "со страхом и великою честью поклоняется и приемлет своима руками" регалии, относит их на приготовленный заранее налой. При этом архидьякон и протодьякон поддерживают его под руки⁴¹.

На налое митрополит благословляет знаки власти и целует их. Скипетр ставится у налоя. После митрополита регалиям поклоняются все присутствующие, но не касаются их руками. Налой, на котором стоит блюдо с регалиями, "берегут со страхом и трепетом" посланные в церковь вельможи, чтобы никто не коснулся руками "царского сана".

Регалии государственной власти, как показывает документ, находятся постоянно в казне великого князя и отдаются в церковь лишь для совершения обряда⁴². А церковные иерархи признают эти символы и поклоняются им.

Когда регалии уже в церкви, великий князь выходит из своих палат и идет к Успенскому собору: впереди него духовник с крестом и святой водой, за князем идет его семья и остальные участники церемонии по своим рангам; они идут "со всяким благочинием", "со страхом и трепетом". На площади процессию наблюдает народ, "и все предстоят со страхом и с великим вниманием по своим местам, и никто же не дерзнет преходити царского пути". По обеим сторонам процессии идут окольные и чиновники, "каждо по своему чину"⁴³.

При входе в церковь великому князю поют многолетие, митрополит благословляет его, потом идет молебен.

Во время молебна окольные и чиновники "ходят по церкви и уставляють народы, чтобы стояли со всяким молчанием и кротостию и целомудрым вниманием". Перед венчанием уже митрополит посылает "говорить" по всей церкви, чтобы присутствующие стояли "со страхом и трепетом и всяким молчанием" и молились за великого князя, чтобы "господь Бог съвершил его царским венцем и умножил бы лет живота его и устроил бы царство его мирно и вечно в род и род навеки"⁴⁴.

Венчание на царство состоит из нескольких актов. После молебна великий князь и митрополит садятся на приготовленные в чертоге места, освященный собор становится на свои, великокняжеская семья стоит около ве-

ликого князя с правой стороны, за ними бояре и приглашенные. В этот момент великий князь при всеобщей тишине говорит речь митрополиту.

Он подчеркивает, что "от прародителей наших великих князей до сих мест" великие князья передавали власть своим старшим сыновьям; великий князь Василий Иванович еще в 1533 г. благословил Ивана на царство и велел ему "стать на великое княжество и помазаться и венчаться царским венцом, нарецися великим князем, боговенчанным царем по древнему нашему царскому чину". Митрополит должен исполнить волю великого князя⁴⁵.

В ответной речи митрополит подтверждает волю великого князя Василия Ивановича и нарекает Ивана царем и великим князем.

Далее на Ивана возлагают регалии власти.

Члены освященного собора с церемониями подают митрополиту с налоя животворящий крест, он целует его, благословляет Ивана и надевает крест на шею князю. Следует молитва и новое благословение. С церемониями митрополиту приносят бармы, которые он после благословения надевает на великого князя. То же повторяется и с царским венцом. Причем руками барм и венца касаются только митрополит и великий князь, митрополиту их подносят на блюде. После возложения венца митрополит отводит уже царя из "чертога" на царское место, и тут ему вручают скипетр⁴⁶.

Иван IV как царь садится на царское место. Митрополит садится на свое; царю поется многолетие. После молитвы митрополит и собор первыми поздравляют царя, затем семья, бояре.

Всю обедню "боговенчанный царь князь великий Иван Васильевич... стоит на своем месте... в своем царском сану" и лишь в определенные моменты службы сам снимает и держит свой венец или сам ставит его на золотое блюдо⁴⁷.

В 1547 г., скорее всего впервые, было проведено и миропомазание царя. Это было последним актом в чине венчания.

После возложения всех символов власти и литургии отворяются царские врата, заново перестилается камкой и бархатом путь от царского трона к алтарю. Митрополит посылает архидьякона и протодьякона звать царя к миропомазанию и принятию тайн. Священнослужители идут не по "пути", а по краю его. Царь после приглашения идет по проложенному пути "тихо и благочинно", и "никто не дерзнет с своих мест преступати или преходити, но со страхом и с великим трепетом да предстоят каждо на своих местах,

благочиния ради"⁴⁸. Подойдя к царским дверям, царь отдает скипетр близкому родственнику ("брату или сыну"), снимает венец, ставит его на золотое блюдо и дает держать брату или "двум большим стратигом, сиречь бояром". У царских врат митрополит благославляет царя и надевает на него золотую цепь.

Миропомазание происходит перед алтарем. После этого, уже как помазанник божий, царь, одев венец и взяв скипетр, возвращается на престол.

Остатки мира святитель отирает о "вамбан чист" и втайне сжигает в алтаре (после чего не моет руки семь дней). Царь также неделю не умывается и не переодевается, только вытирается ручником. Одежду, в которой он венчался, с большой осторожностью стирают в реке, "яко да ничто от сих от невнимания попираемо будет ногами или инем чим"⁴⁹.

Этот новый обряд не только приравнивал Ивана к таким же избранникам, сидевшим на престолах других государств, но и выделял его из среды родственников Рюриковичей, служивших при московском дворе. После помазания и принятия святых даров царь приглашает собор к себе "хлеба ясти". При поднесении просфиры царю, который стоит на царском месте, лишь митрополит идет по настланному к алтарю царскому пути, остальные члены собора идут рядом с настилом.

В полном облачении царь выходит южными воротами из церкви, у входа его трижды осыпают золотыми и серебряными деньгами. Далее царь идет "своим царским путем" к собору Михаила Архангела, этот путь никто не может перейти, по бокам процессию охраняют окольные. В соборе Михаила Архангела царя благословляют, он "прикладывается у гробов великих князей, не снимая царского венца". Далее путь к церкви Благовещения. После выхода из церкви царя снова осыпают деньгами. Затем царь идет в палаты⁵⁰.

В это время в Успенском соборе убирают бархат и камки, устилавшие царский путь, святители разоблачаются, после чего народ может ободрать царское место ("в чертоге", очевидно), "каждо что возьмет, на честь царского поставления"⁵¹.

В царских палатах идет пир. Автор летописного рассказа XVI в. подчеркивает, что венчание идет "по отеческому древнему преданию", он описывает устройство церкви и излагает все процедуры обряда. Из этого рассказа ускользает, что для великого князя практически в церкви ставятся два стула и поэтому пропадает момент, когда он садится на престол⁵².

Летописец добавляет еще одно имя участника венчания. Деньгами Ивана осыпает его брат Юрий Васильевич (он назван в чине), а мису с деньгами носил князь Михаил Васильевич Глинский, дядя Ивана и Юрия⁵³.

Но главное, из летописного рассказа исчезла вся атмосфера трепета и чуда, которая наполняет чин венчания, подчеркивая то трепетную тишину, то народное ликование. В чине венчания различными моментами подчеркивается избранность и одиночество великого князя. Нельзя не только переходить его путь, в церкви никому, кроме самого царя и митрополита нельзя идти по пути, насланному от трона к алтарю, никто, кроме великого князя и митрополита не прикасается к символам власти.

В своих основных чертах ход венчания на престол Дмитрия Внука совпадает с венчанием на царство Ивана IV. Оба обряда проходят в Успенском соборе, в воскресенье (в этот день недели обычно проходила коронация и в других странах), при участии митрополита и освященного собора. Сходны состав участников и действия участников обряда. В них также есть определенная символика жестов, слов, произносимых и совершаемых в определенной последовательности. Но настроение обоих венчаний явно различное. Возведение на престол Дмитрия более будничное, в нем чувствуется участие семьи. Кроме деда в обряде активно участвуют молодые дяди великого князя – Юрий и Дмитрий Ивановичи. Дмитрий Внук "бьет челом" Ивану III, без его разрешения, уже венчанный великокняжеским венцом, не может сесть на приготовленный специально для него стул. После венчания идет к матери.

В организации чина венчания Ивана IV создается нагнетаемая атмосфера таинства, присутствия при превращении смертного в помазанника Бога. Это настроение "страха и трепета" неоднократно подчеркивается в тексте.

Очевидно, в глубины сознания уходит и символика того, что никто не смеет переходить царский путь из дворца в церковь, ходить (кроме митрополита) по настилу от трона к царским вратам в алтаре, касаться царских регалий. Именно эти моменты также неоднократно подчеркиваются в документе. Не исключено, что подобная атмосфера способствовала восприятию всей важности момента, когда великий князь, родственник многих присутствующих, становится избранником Бога.

Практически без изменений этот чин венчания на царство был повторен в 1584 г., когда престол занял сын Ивана – царь Федор Иванович. В обряде лишь более явно подчеркнут акт "поставления" на царском месте, где Фе-

дору, как и Ивану, вручали скипетр. Сначала митрополит, взяв Федора Ивановича за руку, "поставляет" его на царском месте, а после вручения скипетра "сажает" на царском месте⁵⁴.

Торжественная атмосфера во время обряда венчания на престол не была оригинальным творчеством московских идеологов; они пользовались материалами, освещавшими обряды венчания византийских императоров. Но эта атмосфера гораздо яснее выступает не в официальных документах, а в записках русского путешественника, смоленского иеродиакона Игнатия, наблюдавшего в 1392 г. венчание византийского императора Мануила⁵⁵. Он описал "чертоги", устроенные в соборе Софии: "облачени вси червленим червцем, на них же поставлени два стола златых". В этих "чертогах" император готовился к обряду, а потом вместе с императрицей слушал литургию. К алтарю император шел "со страхом и трепетом великим, благочестно зело", а императрица – "с великим страхом, трепетом, умилением и смирением"⁵⁶. При выходе из собора императора осыпали золотыми деньгами.

Не сопоставляя обряды венчания на престол в Москве и Константинополе, отметим лишь сопутствовавшее им состояние "страха и трепета", колористику убранства соборов – пурпур и золото, и внутреннее их оформление: выделение "чертогов" для венчаемых на царство. Эта символика несомненно была заимствована из Византии.

* * *

Уже в ходе обряда, совершаемого в соборе, мы видим существенные различия, присущие польской и русской церемонии. Польский король (еще как элект) приносит присягу, затем обряд миропомазания, и уже божьему избраннику вручают символы власти⁵⁷.

В России князь заявляет о своих законных правах на престол, ему вручаются символы власти, а уже с царем производят обряд миропомазания. Ни на каком этапе венчания московский государь не произносит и не принимает присяги.

А. Гейштор справедливо увидел в польском коронационном обряде определенным образом заключенный акт заключения некоего контракта, "брака" короля со своим народом перед лицом Бога⁵⁸.

В русском обряде из представлений о власти московского государя выпадает идея о "союзе" с народом, остается лишь идея о его законных правах на трон. О своем праве передать власть Дмитрию говорит при его венчании

Иван III. Иван IV в речи, обращенной к митрополиту, говорит о своих правах на престол, полученных от предков. Митрополит в обоих случаях лишь подтверждает эти права. Правда, как духовный пастырь, он говорит об обязанностях государя перед своими подданными в речи, обращенной к вступившему на престол князю.

В то же время известно, что какие-то элементы взаимной княжеской присяги были в докончальных грамотах русских великих и удельных князей еще с XIV в. Скорее всего в России присяга рассматривалась как конкретный союз, заключенный между правящими князьями, между правящим князем и подданным, но не как клятва правящего князя соблюдать права подданных.

Особенности венчания на престол в России отражают представление о власти и ее наследственных правах, сформулированные московскими идеологами еще в конце XV в. Обряд 1498 г. был важным политическим актом: после продолжительной войны за московский престол впервые право на "отчий стол" было закреплено за старшими сыновьями государя и их старшими детьми. В дальнейшем этот принцип всегда соблюдался.

Но удачная разработка самого торжественного обряда, где сочетались явные византийские традиции, утверждавшие преемственность власти московских государей от императора, отдельные моменты, близкие к коронациям в европейских странах, и московские черты, свидетельствовавшие о самостоятельной самодержавной власти государей, привела к тому, что этот обряд с незначительными изменениями, в основном касавшимися состава регалий власти, просуществовал два века – вплоть до установления императорской власти в России.

Большое значение имел обряд миропомзания, свидетельствовавший о новых представлениях о власти государя, сложившихся к 40-м гг. XVI в. Эти представления приближались к таким же, существовавшим тогда в христианском мире.

В русском обряде постоянно подчеркивается преемственность великокняжеской (царской) власти, право государя передать эту власть наследнику. В польском и литовском обрядах чувствуется большая зависимость государя от знати. Короля просто могут не выбрать. Ему могут в момент венчания помешать надеть корону. И коронация начинается с того, что приносит своим подданным присягу править справедливо по обычаям предков.

К великому князю литовскому в процессе посажения на престол обращается канцлер с поздравлением и практически определяет условия, на которых он выбран своими вассалами.

При внешнем более скромном участии церкви в обряде венчания на царство, ее роль проявляется при создании символов морали и духовности светской власти.

Венчание Дмитрия и Ивана начиналось с молебна Богородице и чудотворцу Петру. На это обратил внимание еще Сигизмунд Герберштейн, видевший документы о венчании Дмитрия. Он особо отметил: "Митрополит со всем клиром начинает петь молебен пресвятой деве и святому Петру-исповеднику, которого они, согласно своему обычаю называют чудотворцем"⁵⁹. Герберштейн объединил в этом фрагменте имена апостола Петра и московского митрополита. Петр-чудотворец – это московский митрополит, активный политический деятель первой четверти XIV в., один из инициаторов строительства московского Успенского собора, где он и похоронен.

На протяжении двух веков московский митрополит Петр выступает в политической мысли, как один из основателей Русского государства, равный княжеской династии. Еще Василий Темный среди сокровищ казны завещал Ивану "крест Петров чудотворцев"; Иван передал его старшему сыну Василию Ивановичу. А в завещании Ивана Грозного среди наиболее чтимых регалий власти назван "крест Петра чудотворца, которым он благословил род наш"⁶⁰. При возведении на трон Федора Ивановича совершается служба Сергию Радонежскому, еще больше подчеркивавшая моральный авторитет церкви.

В европейских католических странах вековая эволюция обряда возведения на престол сопровождалась разработкой политико-теологических концепций о происхождении и прерогативах королевской власти. Эти концепции становились базой при разработке соответствующих законодательных актов.

В Польше с XIV в. было распространенным положение о короне Польского королевства, которая символизировала единство и извечное существование государства как такового несмотря на смертность государей, на которых эта корона возлагалась⁶¹.

В других государствах, особенно во Франции была разработана теория о двух телах короля: бессмертие королевской власти, воплощенной и в ко-

ролевских регалиях власти, при смертности конкретных носителей этой власти.

В Русском государстве, как отметил еще в 1916 г. В. Вальденберг, подобные учения о пределах власти существовали в XIV в.⁶² Выдвигавшееся в то время положение, что князь – царь на своей земле, и все, что на ней находится, подвластно государю, было близко соответствующим идеям, бытовавшим в европейских странах. Но к концу XV в. эти учения переросли преимущественно в обсуждение конкретных проблем взаимоотношения структур светской и духовной власти. Вместо разработки общего учения о прерогативах и объеме власти государя отдельные положения концепции трактовались в связи с мировоззрениями конкретных авторов и применительно к потребностям данного момента; в конце полемика свелась к решению вопроса о взаимоотношениях государя и церкви⁶³.

Идеи о происхождении родоначальников династии и дворянских родов

При обосновании политической власти государя одной из центральных проблем для средневекового автора является разработка легенды о происхождении правящей династии и происхождении различных родов правящего класса. Часто именно в таких произведениях заложена концепция взаимоотношения государя и его подданных, отраженная также в законодательных актах, влияющая на земельные пожалования, службу при дворе и в государственном аппарате. Эта идея влияет на формирование самосознания общества, национальное сознание, которое в феодальный период во многом отождествляется с происхождением семьи.

Разные эпохи приносили различные требования к подобным произведениям. Чаще всего в государе видели мудрого вождя, способного сохранить территорию государства, защитить свой народ. Иногда, особенно в периоды, когда население Европы жило при постоянной угрозе голода, родоначальник династии ассоциировался с пахарем, способным накормить народ. Таков в частности один из вариантов польской легенды о Пясте, родоначальнике древней династии⁶⁴.

В XIV–XV вв. появилась новая тенденция: в королевских родословиях встречается значительное число святых и чудотворцев. Присутствие таких лиц среди предков свидетельствовало по представлениям времени о благородстве, харизме самого государя⁶⁵. А с зарождением идей Возрождения

имена основателей рода стали связываться с именами римских цезарей, античных героев.

В последние десятилетия XV в. в ряде соседних европейских стран были созданы независимые по происхождению, но близкие по концепции легенды о происхождении трех правящих в них династий: молдавских господарей, русских Рюриковичей, литовских Гедиминовичей; кроме литовского великокняжеского престола Гедиминовичи в это время занимали и польский королевский трон. Их легенда появилась почти одновременно в двух вариантах – литовском и русском. Все они так или иначе связаны с деятельностью русских публицистов.

Активное создание родословных легенд при московском дворе в это время произошло не случайно. Последние десятилетия XV в. на Руси – это время многочисленных династических браков. Лица московского великокняжеского дома женились на дочерях правителей соседних государств. Иван III в 1472 г. заключил брак с Софьей Палеолог; его сын от первой жены, наследник московского престола Иван Иванович – с дочерью валашского господаря Еленой Стефановной (1482 г.). В 1480 г. Софья Палеолог выдала замуж за верейского князя Василия Михайловича свою племянницу Марию. Однако вершиной политики династических браков московских князей было замужество великой княжны Елены Ивановны, которая стала женой великого литовского князя Александра (1495 г.)*. Подобные браки вели к родству с более широким кругом правящих домов Европы. Они также способствовали тому, что при московском дворе появлялись новые семьи, приехавшие служить великим княгиням. Так вместе с Софьей Палеолог в Москву приехали лица из греческих семей, которые позднее влились в состав русского дворянства⁶⁶.

Правда, брак племянницы Софьи Палеолог Марии с наследником верейского князя Василием Михайловичем не способствовал укреплению родственных связей между русскими князьями. В 1483 г. Василий Михайлович с женой бежали в Литву. А.А. Зимин выделил два момента в этом событии⁶⁷. Очевидно, основным надо считать то, что по договору 1482 г. между Иваном III и верейским князем Михаилом Андреевичем великий князь после смерти Михаила получал половину Белоозера и это существенно за-

**Последним отзвуком этой политики станет женитьба в 1506 г. младшей дочери Ивана III и Софьи – Евдокии и выехавшего в Россию казанского царевича Петра. А в дальнейшем, через дочь Петра и Евдокии породнятся князья Шуйские и Мстиславские.*

девало права Василия Михайловича (после его бегства в Литву Иван III получил все Белоозеро). Но непосредственным поводом бегства послужило, как считает Зимин, приданое Марии: очевидно, без ведома Ивана III Софья дала за ней "саженье" его первой жены, а в 1483 г. великий князь решил подарить эти драгоценности своей снохе Елене Стефановне. Поэтому он потребовал, чтобы Василий Михайлович вернул приданое. А.А. Зимин увидел в этом эпизоде не только манеру Ивана III обращаться с удельными князьями, но и роль, которую играла Софья при великокняжеском дворе⁶⁸.

Сохранение православия помешало Елене Ивановне стать польской королевой. Польские хронисты вплоть до Матвея Стрыйковского так комментировали коронацию Александра: когда в феврале 1502 г. Елена приехала в Краков, она "не была коронована королевской короной потому, что, пребывая в греческой вере, брезговала католической верой"⁶⁹.

Естественно, что новые родственные связи московских великих князей требовали и создания соответствующей духу времени легенды о происхождении русских князей.

Первоначально, еще с времен древнего Русского государства записи о происхождении русских князей появляются в летописях. Летописные своды издавна были основным источником древнерусской генеалогии: в них регулярно записывались данные о рождении, браках и смерти князей, о различных событиях их жизни – участии в походах, основании городов и монастырей, пострижении в монахи и др.

В летописи появляется и первая родословная легенда о происхождении русских великих князей: рассказ о приходе в Новгород варяга Рюрика, чьи потомки стали родоначальниками княжеских династий: киевской, смоленской, черниговской, владими́ро-суздальской и др.

Летописные рассказы позволяли достаточно четко установить степень родства между отдельными русскими и литовскими князьями и княжескими домами.

В XV в., когда родственные связи между разными ветвями Рюриковичей стали довольно запутанными, в рукописи летописных сводов при копировании текста вносился восходящий ряд предков упомянутого в рассказе князя, вплоть до киевских великих князей. Это позволяло читателю текста сразу ориентироваться в степени родства лиц, о которых шла речь в повествовании.

В конце XV в. в Москве появляются новые великокняжеские родословные легенды, оформленные в виде "сказаний"; в русской исторической ли-

тературе они традиционно рассматриваются как публицистические произведения, памятники общественной мысли. Таковы родословная легенда московских великих князей (Сказание о князьях владимирских и связанные с ним Послание Спиридона-Саввы и Чудовская повесть), родословие литовских великих князей и молдавских господарей⁷⁰.

Этот цикл также был вызван к жизни реалиями русской жизни последней четверти XV в., временем, когда Русское государство после длительного перерыва повело активную внешнюю политику. Происходил достаточно регулярный обмен посольствами не только с соседним Великим княжеством Литовским, но также Валахией, южными славянскими государствами, с папским двором, императором, итальянскими княжествами, вплоть до Испании.

К 80-м годам XV в. относится, по мнению ряда исследователей, появление на Руси переводной европейской литературы (Повестей о Троянской войне, о жизни Александра Македонского, о Дракуле и др.), которые вносят в сознание русского человека новые представления о происхождении и сущности великокняжеской власти, об облике государя – носителя этой власти. В конце XV в. в русскую литературу прочно входят хронографы, где история России рассматривается в тесной связи с мировой историей*.

Именно в этой обстановке создаются упомянутые выше великокняжеские родословные легенды. Из них родословия русских и литовских великих князей были составлены в Москве, а молдавских господарей, как полагает ряд исследователей, в Валахии в связи с выходом Елены Стефановны замуж за наследника московского престола Ивана Ивановича⁷¹.

В литературе подробно исследован вопрос о времени составления всех трех сказаний, их взаимосвязи и влиянии на современные им памятники публицистики. Ученые показали, как под воздействием конкретных политических событий в жизни России и Литвы XVI в. в них изменялись тексты о происхождении родоначальника правящей династии, географические названия, определявшие древнейшую территорию, принадлежавшую родоначальнику, а также использование этих памятников в политической борьбе XVI в.⁷²

Мы остановимся на вопросе о происхождении родоначальника, коренного вопроса любой генеалогической легенды.

* Не исключено, что такие контакты привели в XVI в. к появлению в популярном испанском рыцарском романе об Амадисе Гальском Русской земли и ее короля

Молдавское, литовское и русское родословия называют основателем династии выходца "из римлян", но каждая из трех легенд имеет в этом общем положении свои отличия. В молдавской хронике весь молдавский народ происходит от римлян, покинувших родину во время гонений на первых христиан. Найдя новое место для поселения, они выбирают государя из своей среды.

В русской легенде родоначальником русских князей становится потомок римского императора Августа – Рюрик, которого приглашают на княжение "старейшины" Новгорода. Надо отметить, что в этом случае родословная легенда конца XV в. порывает с летописной традицией, отраженной и в родословных росписях XVI в., согласно которой первым русским князем был варяг Рюрик. Неизменным остается лишь место, где появляется этот родоначальник: варяг Рюрик по летописям приходит в Новгород; в легенде конца XV в. новгородские бояре по совету Гостомысла призывают к себе Рюрика, потомка римских императоров.

Аналогично описано происхождение литовских князей в литовских хрониках. Их родоначальником выступает родственник римского императора Нерона – Палемон, который решил переселиться из Рима и вместе с которым приехали родоначальники всех знатных родов.

В описании переселения из Рима следует отметить два момента, сближающие молдавское и литовское родословия и отличающие их от русского. В одном случае из Рима в результате гонений переселяется весь народ, а в другом – знать страны вместе с будущим родоначальником династии, все они – потомки римского патрициата. А в русском родословии император Август делит вселенную между своими родственниками, на балтийское побережье приходит Прус ("по имени его зовашеся Пруская земля"), и русская знать приглашает потомка Пруса в Новгород.

Идея о происхождении правящей династии от римлян принадлежит к общественным идеям конца XV в., связанным с традициями Возрождения. Фактически, сделав императора Августа родоначальником русских великих князей, составители родословия порвали о многовековой русской традицией. В Литве хронике, выводящей литовских князей от римлян, также предшествовала хроника, называвшая первым князем Гедимина⁷³. Поэтому мы можем говорить, что "римская" идея возникла синхронно или под взаимным влиянием в ряде соседних стран.

Балтасара. (Лосев С.С. "Амадис Гальский", как историко-культурное явление //ВИ. 1984. № 12. С. 179).

Однако, мысль о римском происхождении, очевидно, никогда не использовалась при создании родословной легенды правящего дома соседней страны. Молдавская хроника не нашла никакого отражения в русских генеалогических источниках, ее популярность во второй половине XVI в., появление в составе различных родословных книг очевидно связаны с общим интересом к родословным легендам.

При создании в Москве литовского родословия была использована не хроника, выводящая князей от римлян, а более ранняя, которая первым князем называет Гедимина. Происхождение самого Гедимина было освещено в выгодном для русского правительства свете: по одной версии он потомок слуги (в отдельных рукописях – раба) полоцкого князя Рюриковича; по другой, более поздней, – потомок этого полоцкого князя.

Первоначальная идея о "рабском" происхождении Гедимина принадлежала хронистам Ордена и еще в XIV в. входила в общую концепцию о необходимости завоевания Литвы.

Заимствовав эту "орденскую" версию, русские авторы смягчили ее, связав родоначальника литовской династии с русскими князьями Рюриковичами. Такое изменение текста о происхождении предка литовских князей скорее всего связано с реальным положением литовских Гедиминовичей (Бельских, Мстиславских и других князей) при московском дворе. В какой-то мере поздняя версия уравнивала их с князьями Рюриковичами.

В середине XVI в. русские публицисты вообще отказались от "неродовитого" происхождения Гедиминовичей: Государев родословец 1555 г. сделал их прямыми потомками полоцких Рюриковичей.

В те периоды, когда отношения между Россией и Литвой были натянутыми (60-е гг. XVI в., начало XVII в.) в родословных книгах появлялись редакции, где основатель династии Витень снова признавался слугой полоцкого князя. Иван IV, живо интересовавшийся происхождением соседних государей, писал в 1567 г. польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду Августу, что о рабстве Витеня "безлипичники врут", и официально признавал польского короля равным себе Рюриковичем⁷⁴.

После пресечения на царском престоле династии Рюриковичей идея о происхождении великих князей от императора Августа в XVII в. дальнейшего развития не получила. При определении происхождения княжеских родов использовались редакции легенды XVI в.

Сложная ситуация в конце XV в. возникла с родословиями потомков черниговских и смоленских князей Рюриковичей, чьи владения находились

в составе Великого княжества Литовского. В это время шло присоединение к России ряда пограничных земель, а также отъезды отдельных литовских князей на службу в Москву. Переход к московскому великому князю не всегда приводил к утрате родовых владений; известны случаи, когда при совместном владении вотчиной князя (Мезецкие, Чарторыйские), находившиеся на службе в Москве, получали свою часть дохода из Литвы⁷⁵. Но известны случаи, когда переход князя на службу в Москву приводил к военным конфликтам, к завоеванию родовых владений.

Для развития генеалогических представлений это тоже важно. Литовские Рюриковичи, оказавшись на службе в Москве, стремились определить степень своего родства не только с правящим домом, но и с Рюриковичами, владевшими отдельными русскими княжествами. Одним из подобных ранних памятников русской генеалогии является роспись потомков черниговских великих князей начала XVI в., помещенная в сборнике, принадлежавшем Дионисию Звенигородскому. (В миру Данило Васильевич Звенигородский из черниговских князей)⁷⁶.

Очевидно, появление этого памятника вызвано тем, что к началу XVI в. при московском дворе прочно обосновались две группы черниговских Рюриковичей. Одни из них (князья Звенигородские) упоминаются в русских летописях с середины XV в. Другие (Воротынские, Одоевские, Белевские) начали службу в Москве с конца XV в., но в более высоком чем Звенигородские статусе – служилых князей. Роспись черниговских князей и должна была установить степень родства между различными ветвями черниговских Рюриковичей, перешедшими в разное время на службу в Москву из Великого княжества Литовского, и потомками князей (Торуских, Оболенских), чьи владения никогда не входили в это княжество⁷⁷.

Автор родословия Дионисий создает новую легенду о приходе Рюрика "из Немцев", записывает его потомков от киевских великих князей вплоть до черниговского князя Михаила Всеволодовича. В середине XVI в., когда роспись была включена в родословные книги, из нее исключили начало (от прихода Рюрика до упоминания о Михаиле Всеволодовиче). Легенда о происхождении русских великих князей стала единой для всех потомков Рюрика и была оформлена в виде Сказания о князьях владимирских⁷⁸.

Процесс создания великокняжеских легенд шел параллельно с оформлением родословий княжеских и дворянских родов.

Это закономерно с точки зрения политического развития Русского феодального государства: в последней четверти XV в., после продолжительной

феодалной войны за московский престол на смену разобщенным великим княжествам приходит единое Русское государство, и семьи феодалов, служившие различным русским великим князьям, переходят на службу к московскому великому князю. Процесс образования единого класса феодалов России не всегда был гладким.

После присоединения к Москве Новгорода с его обширными землями из Новгородских пятин были выселены боярские семьи: в XVI в. в составе Государева двора – верхушки правящего класса России, из которой назначались высшие чины государственного аппарата и военачальники, – не было потомков старинных новгородских родов, дававших городу в XIV–XV вв. посадников и тысяцких. Потомки знатных новгородских семей растворились в среде менее знатных городских дворян и детей боярских. И только в XVII в. для некоторых из них начинается новое возвышение по службе.

В то же время тверское боярство еще в начале XVI в. сохраняло свою корпоративность; возможно, тверские бояре в это время играли большую роль в управлении тверскими землями.

В родословных книгах XVI в. среди семей, принадлежавших к Государеву двору, четко выделяются рязанские боярские рода⁷⁹.

Если учесть, что представители одной и той же боярской семьи в XV в. и позже служили как при московском дворе, так и при дворах служилых и удельных князей или митрополита, будет понятно, что только родословные документы могли подтвердить древность службы одних ветвей рода при московском дворе и установить четкую степень родства с московскими сородичами для тех лиц, которые не входили в состав Государева двора.

На создание дворянских родословных легенд XVI в. идея о происхождении правящей династии от императора Августа прямого влияния не оказала. Как косвенное можно указать то, что такие легенды часто говорят о выезде родоначальника семьи "из Прус", подчеркивая этим его вассальное отношение к первым московским князьям. Ведь по великокняжеской родословной легенде Прусу дал земли от Вислы до Немана император Август. В то же время происхождение родоначальника боярской семьи в московских документах особого значения не имело: обычно выезжал на службу некий "муж честен".

Сразу надо сказать, что в отличие от великокняжеских и княжеских родословных легенд, которые устанавливали общность происхождения и степень родства между отдельными ветвями русских Рюриковичей или литовских Гедиминовичей, родословия боярских семей не содержат и намек на

общность происхождения этих семей с княжескими. Их легенды говорят лишь о выезде на службу родоначальника к тому или иному князю, "принятии" этого родоначальника на такую службу и "пожалованиях", сделанных великим князем. Такие легенды сразу подчеркивают существующую к концу XV в. многовековую службу рода московским, тверским, черниговским и другим князьям.

Разрыв в положении правителя, государя и его подданных четко закреплен в самих родословных легендах о происхождении государя и московских бояр.

Формулировка русских легенд полностью противоположна литовской и молдавской великокняжеским легендам, где говорится о выезде из Италии родоначальника династии вместе с родоначальниками крупнейших магнатских родов (как в Литве).

Состав правящего класса Великого княжества был смешанным. Магнаты и шляхта литовского происхождения (по литовской легенде их предки пришли из Италии с Палемоном), русские князья Рюриковичи, литовские Гедиминовичи и потомки русских боярских родов, наконец, польская шляхта, которая в XV–XVI вв. активно внедрялась на земли Литовского великого княжества, имели свои древние генеалогические и геральдические традиции.

С 1386 г. на польском и литовском престолах сидели Гедиминовичи, из одной династии великих литовских князей. Именно их происхождение было закреплено в литовской – от Палемона и русской – от Витеня летописной традиции.

К началу XV в., очевидно, под влиянием польских геральдических традиций в Литве появляются собственные дворянские гербы. В 30-е гг. XV в. был официально проведен акт адаптации отдельными польскими родами некоторых литовских семей. "Адоптированные" семьи получали право на герб и печать поляков и стали считаться кровными родственниками. Безусловно это был акт большого политического значения, способствовавший сближению польского и литовского дворянства в генеалогическом плане – осознании общности происхождения.

Кроме того, под влиянием литовских хроник уже в XVI в. создаются родословные легенды о происхождении из Италии (в сущности равноценные по происхождению Гедиминовичам) предков крупнейших литовских магнатских родов – Радзивиллов, Гаштольдов, Кезгайлов.

В середине XVI в. идею о происхождении литовской знати из Италии ("происходящим от крови итальянской") развивает Михалон Литвин в трактате "О нравах татар, литовцев и москвитян". Автор пишет о "полулатинской" речи литовцев (многие "слова звучат в литовском языке так же, как в латинском"), их "древних римских обрядах". А приезд предков литовцев из Италии он описал так же, как и родословная легенда из летописи, составленной в Великом княжестве Литовском⁸⁰.

Из генеалогических концепций Польско-Литовского государства XVI в. наиболее известна сарматская теория. Ее появление и расцвет связаны скорее всего с особенностями происхождения правящего дома и его взаимоотношением с правящим классом.

Очевидно, сарматская теория, бытовавшая в Польше и других странах Европы, звучала по-разному у разных авторов.

Польские исследователи показали, что представление о славянском мире, как мире сарматов, существовало в европейском (особенно немецком и французском) мировоззрении еще в раннем средневековье⁸¹. Сарматия, расположенную к востоку от Германии на Висле, знали французские и германские хронисты X–XIII вв. В X в. эта теория встречается в трудах авторов, связанных с научным центром в Реймсе. Примерно на двухстах сохранившихся географических картах, восходящих к X – началу XIV в., помещена Сарматия как земля, населенная славянами. В эпоху Ренессанса, когда значительно повысился интерес к античности, сарматская теория, имевшая непрерывную традицию в европейской письменности, была воспринята уже по-новому.

Особый оттенок приобретает образ сармата, связанный с идеологической деятельностью Ордена в XIV в. Здесь создается портрет варвара-литовца, а завоевание и обращение в христианство этого варвара (литовца-сармата) ставилось одной из задач орденской политики.

После прекращения крестовых походов в Святую землю, аналогичные походы на прибалтийские народы организовывал Тевтонский орден. Участие в таком походе входило в образование европейского средневекового рыцаря. В его сознании объединялись в единое целое неверные сарацины, варвары, среди них сарматы-литовцы, частично поляки, от которых он шел освобождать гроб господень.

Идеология позволяла крестоносцам осаждать Вильнюс, столицу католического епископа, ей не противоречило и то, что в Ордене хорошо знали

великого князя литовского Витовта, что в походах XIV–XV в. участвовали польские рыцари⁸².

В то же время в европейской университетской среде среди ученых (а некоторые из них преподавали в Кракове, где училось много литовцев, и в то же время в ряде университетов Европы обучались поляки) в XV в. формировался образ Польши-Сарматии, страны сурового климата и монотонного пейзажа, страны, покрытой лесами. Этот образ где-то перекликался с тем, который формировался Орденом⁸³.

Итальянец Джулио Помпино, путешествовавший в 70-е гг. XV в. по Польше и России, писал о них, как о странах сарматов и скифов, где самыми распространенными были русский и литовский языки. Другой ученый Конрад Цельсис в конце XV в. напишет о Польше:

"Где варварский свой край населяет простой народ,

Где по замерзшим водам морей пробегает сарматский селянин" в поисках янтаря⁸⁴.

Эти высказывания вполне можно отнести и к Литве, поскольку к концу XV в. Польша и Литва воспринимались в Европе преимущественно как единое государство. Можно предположить, что эта "сарматская линия", очевидно, получила развитие и закрепились в трудах европейских ученых и литераторов, так как идеи Возрождения обострили интерес к традициям античной истории.

В противовес этим "сарматским" сюжетам в Польше и Литве XV – первой четверти XVI в. формируется собственная сарматская теория.

История происхождения "сарматизма" в Польше подробно разработана в современной польской историографии, где отмечен объем таких сюжетов в литературе, начиная с Яна Длугоша, и эволюция самой идеи на протяжении XV–XVI вв.

В хронике Длугоша как бы смешивается библейский сюжет, присущий и русским летописям и распространенный в средние века, о расселении и происхождении разных народов с идеями, близкими эпохи Возрождения и связанными с античной культурой.

Автор уделил много внимания сарматам и скифам: он описал границы их владений, отношения с соседними народами, войны с римскими императорами. Длугош считал сарматов, живших на севере Европы, общими предками для поляков и русских и полагал, что такое происхождение придает полякам и русским древность. Скифы у Длугоша – отрицательный образ коварного народа.

К идеям средневековья, восходящим к этногенетическим славянским преданиям, надо отнести его мысль о том, что Европа заселена потомками сына Ноя Афета, а на берегах Северного (Сарматского) моря жили сарматы и поляки. И тут же у Длугоша дань традициям Возрождения: сарматы происходят от первого сына Гомера – Асцена, что связывает их генеалогически с греками.

Как видно, у польского хрониста соединяются две концепции: происхождение славян от сына Ноя – Афета и сарматская. Издавна присущей славянскому миру следует скорее всего считать идею о происхождении славян от сына Ноя; она встречается в ранних русских летописях, польских и чешских хрониках. Напомним, что ранние упоминания о сарматах-славянах принадлежат французским и германским хронистам.

В середине XV в. Эней Сильвио Пикколомини, известный гуманист, ученый и дипломат, будущий папа римский посетил в качестве папского легата Империю, а позднее, уже будучи кардиналом, написал Историю Богемии (1458, опублик. в 1475 г.). Итальянского гуманиста просто возмутила идея чешских хронистов о происхождении своего народа от сына Ноя и появлении чешского языка после разрушения Вавилонской башни, идея, общая для ранних славянских авторов. У других европейских народов предания об их происхождении были связаны с античной традицией, и славяне оказывались древнейшим населением Европы. Пикколомини, возмущенный такой легендой, начал свою Историю Богемии с одного из братьев Леха – основателя Польши – Чеха, от которого пошли чехи⁸⁵.

Но классической работой XVI в., где разработана сарматская теория, принято считать "Трактат о двух Сарматиях" Матвея Меховского.

Матвей Меховский (1457-1523) один из выдающихся польских ученых; его научной и педагогической деятельности посвящена обширная литература⁸⁶, что позволяет нам не останавливаться на описании его жизни и творчества; о русских источниках, которыми пользовался Меховский, подробно писал Ю.А. Лимонов⁸⁷.

"Трактат о двух Сарматиях" впервые был опубликован в Кракове в 1517 г., обычно он оценивается как историко-географическое и этнографическое сочинение, состоит из двух частей: первая посвящена описанию Азиатской Сарматии (жизнь татар, их предшественников в Азии – вандалов, готов и др., история турок), вторая – Европейской Сарматии (Россия, Литва, Самогития). Как полагает большинство исследователей, основные сведения для своего произведения Меховский черпал у Длугоша и античных авторов.

Не разбирая всех аспектов информативности содержания Трактата и его идейной направленности, отметим, что Трактат был, как об этом писал С.А. Аннинский, обращен к европейскому читателю, его автор стремился познакомить этого читателя с малоизвестными народами Восточной Европы и Азии. Трактат был написан во времена, когда Литва и Польша, как и Россия страдали от набегов татар, а в Европе существовала постоянная угроза войны с Турцией. Поэтому разделы Трактата, посвященные происхождению и истории этих народов (Азиатская Сарматия) имели историко-политическое значение.

При описании Литвы Меховский говорит о происхождении литовцев: "некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую", то есть повторяет легенду литовских хроник. Далее упомянут и Витень (Витенен), вождь литовцев, который поднял восстание против русских и стал князем "своих соотечественников"⁸⁸. С именем Витеня у Меховского связано не происхождение династии литовских князей, а один из эпизодов истории Литвы.

Происхождение славян Меховский описывает по библейской легенде о разделении вселенной Ноем между сыновьями, составной части Сказания о князьях владимирских⁸⁹, но как и в рассказе о происхождении литовцев, связывает эти сведения не с происхождением династии, а с происхождением народа.

Сарматская тема у польских авторов XV – начала XVI в. связана с учением о происхождении народов и государств, преемственностью древних народов, населявших Европу, с современными им народами. Эта концепция скорее связана с общими гуманистическими идеями – показать связь между разными европейскими народами и связать их через предков с античностью. Генеалогического акцента здесь еще нет, хотя Меховский излагает сюжеты из русских и литовских родословных легенд.

Уже во второй половине XVI в. сарматская теория в Польско-Литовском государстве станет все теснее связываться с генеалогической мыслью – идеей о происхождении шляхетства. А в XVII в. наступит ее расцвет.

Красочное оформление этой теории в XVI в. принадлежит Матвею Стрыйковскому. Он продолжает идею Длугоша о происхождении сарматов – это потомки Афета, сына Ноя – "Яфета Ноевича". Стрыйковский подчеркивает, что лишь сарматы мужественно боролись с императором Августом,

которому покорилась вся Европа⁹⁰. Пишет он и о том, что сарматов якобы видел Овидий, когда жил в Крыму среди славян⁹¹.

Стрыйковский знал и легенду о происхождении литовской знати, помещенную в белорусских летописях: он пишет о Палемоне, "который с несколькими сотнями итальянских рыцарей приплыл в Литву, спасаясь от тиранства Нерона"⁹². Палемон взял под защиту простой народ Литвы, и они стали жить в согласии.

Есть у Стрыйковского и поэтический образ: греки писали о сарматах как о людях "с глазами ящерицы". В русских летописях тоже отмечено своеобразие скифо-сарматских глаз – "белоглазые"* . Стрыйковский постоянно подчеркивает мужество сарматов: они "славные и воинственные" пришли на восток и север Европы; они "гарцуют на конях по твердому льду, не боясь преград", "они не страшатся смерти", неприхотливы в быту⁹³. Тем самым создавался образ мужественного воина, предка современных автору шляхты-рыцарей.

В России сарматская тема звучала в ином аспекте.

Еще Повесть временных лет в рассказе о происхождении народов назвала скифов и сармат потомками Афета, сына Ноя. Судя по перечислению народов автором летописи, он помещает сарматов несколько в ином месте Европы, чем это сделают позднее польские авторы: сарматы по Повести живут на юге, рядом со скифами и Таврией⁹⁴. Этот рассказ близок к соответствующему тексту Длугоша, который хорошо знал русские летописи, а географическая деталь приближает русский текст к рассказу Матвея Стрыйковского о том, что Овидий видел сарматов в Крыму.

Но в XVI в. пути русских и польских авторов расходятся. Русские летописи XVI в. повторяют тексты о происхождении сарматов из более ранних сводов, не расширяя и не обрабатывая их. А публицистическая литературы, особенно генеалогическая, как Сказание о князьях владимирских, обосновывавшая идею происхождения русских великих князей, вообще не упоминает сарматов и скифов. В Сказании нет сведений о потомках Афета, населивших европейские пространства.

И в идее о происхождении русского дворянства в русской генеалогической литературе XVI–XVII вв. нет скифов и сарматов. Как уже отмечалось выше с Прусом, – потомком римского императора Августа, и предком Рюрика, – древнейшие боярские роды Москвы связывало лишь происхождение "из Прус". И это относится к тем немногим семьям, которые считали

своими непосредственными предками дружинников великого князя Александра Ярославовича Невского⁹⁵.

И в XVII в., когда польская литература оказывала большое влияние на русскую, последняя осталась невосприимчивой к сарматской идее. Происхождение русского дворянства стабильно связывалось с севером, вместо Прус появляются балтийские племена. Кроме того, в русской публицистической литературе не было идеи общности происхождения правящего рода и остальных дворянских родов, как это было в Великом княжестве Литовском, каждый род имел своего предка и самостоятельную легенду о происхождении.

Представляется, что разное восприятие скифо-сарматской темы в русской и польской литературе XVI в. связано с тенденциями развития самой литературы.

В XV в. в обеих странах читались одни и те же европейские романы: История Троянской войны, история Александра Македонского. Повесть о Бове-королевиче – английский рыцарь Бэв – пришла в Россию в XVI в. из Белоруссии, через Познанский список.

Возможно, что кроме других причин, это также способствовало появлению Сказания о князьях владимирских с его происхождением русских князей от римского императора. Генеалогически это уравнивало великого князя с соседними государями.

Но сарматская теория, по существу генеалогически уравнивавшая нововладские роды Литвы и Польши с правящей династией, не получила отражения в русской литературе. Это позволяет предположить, что в России, с одной стороны, и в Литве с другой по-разному идеологически обосновывалась вассальная зависимость великого князя и его феодалов. Такая система взаимоотношений и повлияла на невосприимчивость русских авторов к сарматизму. Хотя надо заметить, что сарматская идея, с ее связью с греческим миром скорее ассоциировалась с русским православием греческого образца, чем идея происхождения от римских императоров, поскольку Рим в XV–XVI вв. прочно ассоциировался с католицизмом. Это еще раз убеждает нас, что при разработке идеи о сущности власти государя, проводимой через генеалогические произведения, светская власть в России не была связана с духовной и действовала так, как считала полезнее для себя.

В Литве и Польше, где выборы великого князя и короля делали его более зависимым от панов и шляхты, особенно в XVI–XVII вв., где была раз-

* *А уже в XX в. А.Блок напишет о скифах: "с раскосыми и жадными очами".*

вита структура самоуправления дворянства, было возможным и генеалогическое равенство происхождения сюзерена и вассала.

Образ государя и вассала в литературе

XV в. принес большие изменения в духовную жизнь русского общества. Расширение дипломатических контактов, лучшее знакомство с жизнью соседних государств, наконец, тенденции к образованию единого государства, идеи объединения ранее самостоятельных княжеств постепенно меняли духовный мир русского общества. Именно во второй половине XV в. на Руси появляется большой интерес к беллетристической литературе. Она противостояла канонам агиографической и церковно-учительской литературы, идеалам средневековой агиографии, получившим распространение в более раннее время. Если эстетика агиографической литературы навязывала русскому читателю готовый идеал, которому надо следовать, то новое течение, беллетристика, также иногда использовавшая библейские сюжеты, давала возможность читателю самому подумать и оценить описанные ситуации и образы героев, выбрать себе пример для подражания⁹⁶. В это время возрождается интерес к ранее известным памятникам, как Сказание о Вавилоне, рассказы о царе Соломоне и Китоврасе, об Индийском царстве, повесть о Басарге, Девгениево Деяние и др.⁹⁷ И наряду с ними появляются новые переводные произведения – сербская Александрия⁹⁸, Троянская история⁹⁹, оригинальная русская Повесть о Дракуле. Литература, противостоявшая церковно-учительской письменности, собрана в довольно многочисленных рукописных сборниках второй половины XV в. Наиболее известные сборники составлены в последней четверти XV в. русским книжником, монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином (предполагаемым автором "Задонщины").

Есть возможность проследить пути проникновения этих новых произведений на Русь. В XIV–XV вв. в Далмации процветала книжная торговля с Венецией. Здесь же возникали и переводы итальянских романов на сербский язык¹⁰⁰. Как показали современные исследования, такие сербские переводы лежат в основе русских текстов Александрии и Троянской истории¹⁰¹. Позднее, в XVI в. Повесть о Бове-королевиче также придет на Русь в венецианском варианте, но не через сербский, а через белорусский перевод¹⁰².

Переводные произведения на Руси – это не механическое переложение иноязычного текста, а скорее его осмысление русским автором. Это отметил Н.К.Гудзий еще по отношению к переводу Истории Иосифа Флавия XI в. По сравнению с греческим оригиналом в русском тексте есть сокращения и дополнения. Поэтический стиль этих переводов повлиял на последующие произведения русской литературы, в частности на воинские повести¹⁰³.

Русский читатель XV в. был подготовлен к чтению переводов повести Гвидо де Колумна о Троянской войне и романа о жизни Александра Македонского, поскольку сами эти сюжеты и их герои были известны ему еще с XI–XII вв. Эллинистический роман об Александре Македонском был переведен в XII в. и существовал в составе эллинского и римского летописцев и в Русском хронографе. При Ярославе Мудром была переведена История Иудейской войны Иосифа Флавия, Хроника Амартола. Примерно с этого же времени существуют русские переводы Девгениева Деяния и некоторых других византийских произведений.

Для нас важно то, что XV в. привел на Русь не новых героев, их жизнеописание, а новую интерпретацию этих описаний, сделанную в стиле европейского рыцарского романа.

Эта переводная литература не является художественным романом в нашем современном понимании, хотя ее принято так называть. Авторы XV в. не абстрагируются от исторической действительности, не создают абстрактные ситуации для выражения своих идеалов, чувств и т.д. через поступки вымышленных героев.

Надо вспомнить, что в сознании людей XV в. не существовало принятого в наше время четкого разграничения понятий документальной достоверности и литературного вымысла; такие описания подвигов и странствий имели особое значение в годы, когда расширялся интерес к жизни других народов, появлялась потребность осознания своего места в окружающем мире. В основе романов XV в. лежат существовавшие исторические события (взятие Трои, походы Александра Македонского), поступки, которые совершают реально существовавшие люди. Но само описание этих событий, поступков, мотивация действий героев и их анализ делаются применительно к морально-этическим нормам XV в. Кроме того, такие произведения показывали русскому читателю жизнь в других странах и координировались с описаниями реальных путешествий, открытиями новых миров. Достаточно вспомнить Хождение за три моря Афанасия Никитина.

Исследования, проведенные современными историками, позволяют выяснить, почему рыцарский роман привлекал русского читателя.

Кроме уже упомянутой возможности сделать на их основе собственный морально-этический выбор, несомненно своей красочностью, занимательностью сюжета. Александрия и Троянское сказание очень занимательны по сюжету, они наполнены рассказами о жизни исторически достоверных лиц, о похождениях героев, описанием диковинных стран.

Как и в более ранних переводах греческих произведений, русский книжник XV в. не следовал дословно за оригиналом. Он старался осмыслить текст в соответствии с моральными проблемами, которые интересовали лично его. И рыцарский переводной роман привлекал его тем, что благодаря именно своей беллетристичности, многоплановости сюжета позволял свободнее, чем в рамках церковно-учительской литературы, решать морально-этические проблемы, которые волновали в то время русское общество.

Переписывая Александрию, русский автор Ефросин дополнил ее сюжетами, отсутствующими в сербском оригинале, но которые его привлекали, что видно из самого состава написанных им сборников. Ефросин специально выписывал из разных источников по несколько вариантов каких-то самостоятельных рассказов, а затем один из них, переработав, включал в перевод Александрии. В его рукописях находятся разные варианты рассказов о живой воде, нагомудрецах-рахманах.

В новом эпизоде Александрии, введенном в русский текст Ефросином, появляется оригинальный вариант рассказа о нагомудрецах-рахманах, которых Александр так и не смог завоевать; это усиливает идею о невозможности покорить народ, обращенный мыслями к Богу, который не волнует мирские страсти. Вторая вставка Ефросина – о неудачной попытке Александра достать живую воду – более трагична по смыслу: это проблема вечной жизни. Даже такой непобедимый герой, как Александр, смертен, как любой человек¹⁰⁴. Проблема смерти вообще волновала человека, жившего в позднее средневековье, отчасти этим и объясняется широкое распространение различных редакций жизнеописания Александра Македонского в Европе. Воин-герой, совершивший фантастические походы, никем не побежденный, уже с рождения был обречен судьбой прожить менее сорока лет.

Об интересе к беллетристике, кроме распространения переводной литературы, говорит и история создания русской Повести о Дракуле, широко

распространенного в Европе сюжета о тиране Владе Цепеше. По своему жанру она несколько отличается от рыцарского романа, это собрание историй о жестоком тиране-правителе. История создания повести, в настоящее время хорошо изученной в исторической литературе, ярко показывает интерес к зарубежной литературе и распространение ее в России¹⁰⁵.

Герой произведения, жестокий изверг князь Цепеш Дракула, прожил долгую литературную жизнь – до нашего века. Его реальный прототип – князь Влад Цепеш жил во второй половине XV в. Существует несколько самостоятельных редакций повести о Дракуле XV в.: венгерский, составленный итальянцем Бонфини на службе в Венгрии, германский и русский. Русский вариант, как убедительно считает ряд исследователей, был составлен дьяком Федором Курицыным, находившимся в 80-е гг. XV в. с посольством в Венгрии¹⁰⁶.

Идея повести о Дракуле итальянца Бонфини восходит к традициям, которые войдут и в концепцию Макиавелли: жестокий, но справедливый тиран необходим как создатель централизованного государства. В центре повести стоит проблема власти. В немецком варианте усугубляется жестокость Дракулы. Автор русской редакции (об этом можно судить по отбору рассказов о Дракуле и их интерпретации) наиболее снисходителен к "великому извергу", он собирает самые выгодные для репутации Дракулы рассказы. Основной упор здесь делается на обоснование сильной централизованной власти¹⁰⁷.

Следует напомнить, что в России Повесть появилась в разгар создания единого централизованного государства. Поскольку она встречается в тех же рукописных сборниках, что и Александрия и Троянское сказание, можно предположить, что в момент своего создания ее идеи служили тем же целям, что и идеи рыцарских романов.

Из переводного рыцарского романа в русскую литературу вошел образ рыцарственного героя; в литературе средневековой России этот образ приобрел своеобразный оттенок. В странах Европы существовали рыцарские ордена со своими обетами и регламентами, феодалы участвовали в крестовых походах, в сословной терминологии было понятие рыцарь. И литература, создавая образ идеального героя-рыцаря, имела перед глазами как конкретные примеры повседневной жизни, так и определенный сложившийся стереотип рыцарственности, иногда не связанный с жизнью. Подвиги крестоносцев, завоевывавших Святую землю, служили основой для эпических песен и целого цикла рыцарских романов. И поскольку в жизни сравни-

тельно часто можно было видеть живого рыцаря, присутствовать на рыцарском турнире, то и роман о странствиях и подвигах такого героя приобретал жизненную основу.

В соответствии с этими требованиями создавались образы и характеры героев. Герой красив, физически силен, у него мужественный характер. Герой благочестив: Александр Македонский, наставником и вдохновителем которого по повести был пророк Иеремия, часто молится, призывает на помощь Бога: он стал почитателем единого Бога Саваофа, а после смерти его унес ангел. Хотя, как хорошо известно, Александр Македонский не был христианином. Обычно внешние и духовные качества героев не разделяются и передаются словами, привычными русскому читателю¹⁰⁸.

Русского автора интересовали и философские проблемы: устроенность мира, превратности судьбы, неизбежность смерти. Как уже говорилось, в Александрии подчеркивается трагичность судьбы героя: ни доблесть, ни слава не спасают его от неизбежной гибели. В России проблема жизни и смерти во второй половине XV в. была тем более актуальной, что в 1492 г. ожидали конца света и в русской публицистике 90-х гг. велись горячие споры о конце мира.

Феномен истории существования русской переводной литературы состоит в том, что появившись в XV в., романы и повести абсолютно исчезают из обихода в XVI в. и вновь появляются, распространяются, перерабатываются в XVII–XVIII вв. Ни один из исследователей, изучавших и готовивших к публикации тексты переводных произведений, не нашел их в рукописях XVI в. Хотя надо оговориться, что мы не знаем максимальных сроков существования рукописных книг, после которого рукопись приходит в ветхость и ее надо переписывать. Вполне может быть, что сборники, составленные в 80-90-е гг. XV в. читались в первой половине XVI в. Однако, сам факт отсутствия списков XVI в. говорит о затухании интереса к переводному роману, о том, что он не распространялся дальше в русском обществе.

Характерной чертой литературы XV в. было повышенное внимание к человеческим чувствам, "экстенсивно-эмоциональный стиль" по выражению Д.С.Лихачева. Герои много и громко восклицают, проливают слезы, лобызают друг друга. Здесь почти нет индивидуального выражения чувств, скорее присутствуют стереотипы эмоциональности, поскольку чувства разных героев в разных ситуациях описываются одними и теми же словами.

Рыцарей хорошо знали в соседней с Россией Польше и Литве. В конце XII – начале XIII в. на Прибалтийских землях возникает новая модель государства – духовные епископские и орденские владения, база для завоевания местного населения и пропаганды католицизма. Со временем Ливонский орден становится местом, куда в XIV в. после прекращения походов в Святую землю стекались рыцари почти со всех стран Европы. В их глазах Польша была окраиной католического мира, а Литва еще в XIV в. ассоциировалась с "сарацинским" бастионом, местом битвы во имя креста, хотя литовские великие князья иногда выступали как союзники Ордена.

В России рыцарей не было. Как государство, где с X в. христианство существовало в греческой, православной форме, Русь никогда не участвовала в крестовых походах за освобождение гроба Господня от неверных сарацин, хотя из рассказов о путешествиях паломников в Святую землю о таких походах было известно. С XIV–XV вв. установились тесные контакты с литовскими князьями, достаточно вспомнить наиболее яркие примеры, как участие литовских князей в Куликовской битве, женитьбу московского великого князя Василия Дмитриевича на дочери великого князя литовского Витовта (1392 г.); в 1393 г. сестра Василия – Мария Дмитриевна вышла замуж за литовского князя Семена-Лугвеня. Софья Витовтовна поддерживала связь с отцом, привозила к нему в Смоленск внуков (1398 г., 1422 г.)¹⁰⁹. В то же время Витовт не только был одним из героев Грюнвальдской битвы, где были разбиты крестоносцы, но и поддерживал дипломатические связи с Орденом.

Есть основания полагать, что у русских князей могла быть достаточно полная информация о всех сторонах жизни Ордена, рыцарских обычаях и т.д.

В силу сложившихся политических отношений для русского человека образ рыцаря-крестоносца с XIII в. олицетворял воинственного соседа, с которым чаще находишься в состоянии войны. Судя по летописным рассказам 1240-1481 гг., московскому автору была хорошо известна организационная структура Ордена (в тексте постоянно встречаются термины "местер" – магистр, "бискуп" – епископ, "кумендерь", "мендерь" – командор); знал этот автор религиозный характер Ордена и его интернациональный состав "неции... от западных стран, иже наричаются слуги Божии"¹¹⁰. Само понятие рыцарь ("риторь") употреблено в московской летописи лишь один раз (на добрый десяток известий, связанных с отношениями России и Ордена): "Видяху же много полону в полку его подле коня своя, иже имену-

ются риториче¹¹¹. Рыцарь для московского летописца – это конный воин, ратник. При описании событий XIV–XV вв. рыцари-крестоносцы для московского автора – всего лишь "немцы"¹¹²; эти жители определенной местности, которые посылают на Русь послов; воины, с которыми сражаются русские рати; никакого ореола рыцарственности, этого синонима мужества и благородства, пришедшего из средневековья в наши дни, в летописях нет.

Из круга литературных произведений XV в. из их идей, характеров героев, можно в какой-то мере определить нравственный идеал русского читателя. Постараемся выяснить, как это повлияло на оригинальную русскую литературу, на описание поступков, действий, нравственный облик реальных лиц в русских летописях и повестях.

Одним из наиболее ранних самостоятельных литературных произведений, посвященных описанию жизни и подвигов русского героя, очевидно, следует считать Повесть о Довмонте.

Довмонт (православное имя Тимофей) – литовский князь, живший в XIII в., приглашенный на княжеский стол псковичами и сыгравший большую роль в отражении походов крестоносцев на Псков. Повесть о Довмонте, как самостоятельный рассказ появилась в псковских летописях XIV в.; с XV в. она вошла в общерусские летописные своды, а в XVI–XVII вв. существовала вне летописей, как самостоятельное литературное произведение¹¹³.

Выбор князя Довмонта героем псковской повести не случаен. Это был первый князь, которого псковичи пригласили к себе без согласия Новгорода, с его княжением (1266-1299) связаны легендарные страницы истории Пскова, начало политической независимости, военные победы над крестоносцами и Литвой, успешные походы. Уже в XIV в. в Пскове создается местный культ Довмонта¹¹⁴.

Своими корнями Повесть связана с русской средневековой литературой, с княжескими жизнеописаниями в летописях и житиями русских великих князей – Александра Невского и Владимира*. В настоящее время основательно исследованы вопросы происхождения различных редакций Повести, идейной направленности этих редакций, взаимоотношения различных списков повести и др.¹¹⁵. Мы лишь коснемся вопроса, какими приемами в раз-

* Здесь сознательно не рассматриваются житие князей Александра Невского, Бориса и Глеба и другие произведения агиографической литературы, чтобы не смешивать два жанра - светский и церковный.

ных редакциях Повести создавался образ князя Довмонта, русского эквивалента рыцаря, витязя, мужественно сражавшегося с врагами, преимущественно рыцарями-крестоносцами, в русских летописях. Возможно, на создание литературного образа князя-воина Довмонта оказало влияние особое положение князя в Пскове в XIII в.: он не принадлежал к местной княжеской династии, как владимиристо-суздальские, тверские, смоленские Рюриковичи, его пригласили псковичи как главнокомандующего своей рати, он был отстранен от внутреннего управления городом. Преобладание воинских функций псковского князя способствовало созданию повести о мужественном воине.

Решению этой задачи посвящено и содержание Повести, которое по сути является описанием шести его победных сражений. Подчеркивая воинственность, благочестие и личное мужество князя, автор не сообщает о его участии в политической борьбе русских князей (хотя в летописях есть такие сведения), заботе об укреплении Пскова (хотя в нем до сих пор существует Довмонтов город, связанный с деятельностью именно этого князя).

Повесть о Довмонте как пролог открывала псковские летописи с XIV в.

В своей ранней редакции Повесть почти ничего не сообщает о происхождении князя, его жизни на родине в Литве. Основное внимание уделено войнам, в которых Довмонт командовал псковской дружиной (походы на Литву, битва под Раковором, сражение 1271 г. с крестоносцами и др.). Из личных качеств Довмонта подчеркивается его мужество, религиозность.

Повесть о Довмонте, существовавшая с XVI–XVII вв. не в летописи, а как самостоятельное литературное произведение, фактически приводит тот же набор эпизодов из жизни князя, что и летописная. Но здесь более подробно рассказано о его происхождении, родстве с князьями литовского правящего дома. Расширение текста нелетописного рассказа идет за счет более подробных характеристик лиц и фактов: красочно описано благочестие Довмонта, его молитвы перед битвами, усиливается эпизод с благословением меча князя перед алтарем церкви.

Этот обряд благословения меча Довмонта приближается к рыцарским: перед походом против отрядов Ордена Довмонт кладет свой меч перед алтарем в церкви, молится, после чего игумен Сидор "и весь ерейский чин" перепоясывают Довмонта этим мечом и благословляют на бой. Это единственный сюжет в русской литературе XV–XVI вв., где есть какие-то отзвуки рыцарских обычаев¹¹⁶.

Такое внимание к княжескому мечу не свойственно ни русской действительности, ни русской литературе. В чине венчания русских великих князей и царей отсутствует вручение правителю меча; меч великого князя не носили при торжественных церемониях, не было и придворной должности мечника, которая существовала в соседнем Великом княжестве Литовском, а аналогичные ей должности были в других государствах. В обряде посвящения в рыцари вручение меча, как и других атрибутов, было связано с психофизическим переходом из одного состояния в другое, более высокое, доступное лишь посвященным¹¹⁷. Очевидно, появление княжеского меча в Повести о Довмонте и роль, которая ему отводилась, связаны с польско-литовскими традициями.

Подробнее описаны в нелетописной Повести и сами битвы, в которых участвовал Довмонт, но не за счет добавления новых эпизодов и подробностей, а за счет риторики. В рассказы о битвах 1271 и 1299 г. с крестоносцами вводится эпизод с описанием ранения магистра Ордена в лицо; сначала он единственный (битва 1271 г.): "с малою дружиною с мужи псковичи выехав, изби полки их и самого местера раниша по лицу", затем такое же ранение наносится и командору (битва 1299 г.): "а самого кумендера раниша по главе"¹¹⁸. А в следующей редакции командора в битве 1299 г. ранил уже сам Довмонт ("и кумендера, князя их, урани по главе прехрабрый князь Тимофей")¹¹⁹, то есть здесь не только усиливается личное мужество князя, но как бы упоминается о поединке двух военачальников. Этот сюжет известен с раннего средневековья в разных странах; тогда поединок двух воинов из разных отрядов в жизни решал исход боя. Кроме того, от редакции к редакции все больше места в Повести отводится описанию религиозности Довмонта. Сильна эмоциональная окраска молений Довмонта: "от глубины сердца вздохнув и слезами разливаясь", "плачем и рыданием сокрушаше себя", "со слезами помолился"¹²⁰.

При сравнении одних и тех же эпизодов жизнеописания Довмонта в различных редакциях Повести видно, что в более поздних развиваются те черты князя, которые присущи рыцарю переводного романа, бытовавшего на Руси.

В этой связи можно привести несколько наблюдений над характеристиками русских великих князей, сделанных летописцами XVI в.

Очень эмоционально описано в Псковской летописи желание великого князя Василия Ивановича развестись с первой женой Соломонией и жениться вторым браком на Елене Глинской. Напомним, что расторжению

брака активно противилась православная церковь. Увидев на дереве птичье гнездо, и вспомнив, что у него нет наследника, великий князь "сотвори плач и рыдание велико". Объясняя боярам причину своего развода с первой женой, Василий "нача с плачем говорити к боярам"¹²¹ о бесплодии Соломонии. Трудно предположить, что великий князь действительно плакал перед боярами, скорее автор создает здесь определенный эмоциональный образ. Такие же или близкие к ним рыдания описаны уже московским летописцем у сына Василия Ивановича – царя Ивана Грозного над гробом первой жены Анастасии. Иван Грозный к тому же очень благочестив: почти всю битву под Казанью он проводит не на коне, а в молитве. Причем эти черты великих князей не проводятся последовательно во всем тексте летописи, посвященном правлению князя, а лишь усиливаются в отдельных ситуациях, аналогичных рыцарским романам (сражение, воспоминание о любимой).

Можно предположить, что черты, присущие герою рыцарского романа, попавшего в Россию в последней четверти XV в., авторы XVI в. стали переносить на реальных русских великих князей, но лишь при описании отдельных эпизодов их жизни, а не романизируя весь образ в целом. Эта повышенная эмоциональность образа князя создавалась только для тех, кто жил в XVI в. и был современником летописца. Характеристики русских князей, созданные в предшествующие века, оставались без изменений. Для великого киевского князя характерно личное мужество, часто неприятельность повседневной жизни (Святослав), мудрость правителя (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах), любовь к охоте, сражениям, воинскому делу, забота о семье. Так что в этом случае мы можем говорить лишь о новой эмоциональной окраске XVI в. при описании событий русской жизни, а не о сплошном редактировании летописного текста в связи с новыми литературными требованиями времени.

Хотя русские книжники XVI в. и использовали литературные приемы переводных произведений, широкого распространения в России того времени эти памятники не получили. Вопрос о том, почему переводная беллетристика, хлынувшая потоком в Россию в два последних десятилетия XV в. (а об интересе к ней говорит и количество рукописных книг, и появление разных редакций одного и того же произведения), практически исчезает в XVI в., чтобы видоизмененной появиться вновь в XVII–XVIII вв., неоднократно задавался исследователями¹²².

Не исключено, что падение интереса к рыцарскому роману, рыцарственному герою связано в XVI в. с общим ходом развития русской жизни,

изменением роли хозяйственной деятельности феодалов. Если идеал рыцаря был универсальным, то идеал дворянина-землевладельца индивидуален для каждой страны. Это вело к угасанию интереса к рыцарскому роману, тем более, что Россия не имела собственных рыцарей, русские дворяне не участвовали в крестовых походах, сам герой романа был привнесен извне и интересовал русское общество XV в., в период формирования единого государства, поскольку позволял рассуждать о власти государя (Александр Македонский, Дракула), личном мужестве воина, христианской вере и других морально-этических проблемах, общих для феодального общества того времени.

В XVI в. обсуждение и решение этих вопросов в России становится прерогативой церковных и светских публицистов и решается в рамках иных произведений. А образ рыцаря, так и не появившегося в русской жизни, который и в европейских государствах становится воспоминанием о далеком прошлом, абстрактным идеалом, уходит из русской литературы.

Очевидно, в конце XV в. – начале XVI в. происходит переориентация русской идеологии с европейско-славянских традиций на византийские. Русское государство становится к концу XV в. самым сильным государством, где официальной религией было православие греко-византийского образца. Женильба Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог, приезд в Москву потомков византийских дворянских родов несомненно способствовало тенденции видеть в России наследницу Византийской империи, идеи, одинаково нужной и великокняжеской власти, и православной церкви. Ведь именно к этому времени относятся и официально закрепленная версия о русских князьях, как потомках римского императора Августа, и выдвинутая церковью концепция "Москва – Третий Рим"¹²³, и появление регалий Мономаха в чине венчания на великое княжение внука Ивана III – Дмитрия Ивановича (1498 г.).

В XVI в. активно продолжается создание летописных сводов – основного произведения, где излагалась история России и давалась интерпретация основных политических идей. К 30-м гг. официальные своды (как Воскресенский) становятся громоздким произведением, в который в виде вступительных статей включаются самые разнообразные произведения (родословные росписи, списки церковных иерархов и др.)¹²⁴. Здесь продолжается традиция московского летописания, возникшая еще в конце XV в. Включение ранних редакций официальных документов в летописные своды вело к тому, что в делопроизводстве XVI в. родословные росписи, например, дол-

го назывались летописцами. Летопись становится памятником, куда отдельные авторы вносили тексты, связанные с историей своей семьи¹²⁵. Но среди летописей в XVI в. появляется и новый жанр – хронографы. В них делается попытка осмыслить русскую историю в связи со всемирной историей. Д.С.Лихачев определил особенность русской литературы первой половины XVI в. написав, что она "идет по пути крупных "обобщающих литературных предприятий"..., осуществляемых в государственном масштабе и имеющих целью централизацию всей русской культуры"¹²⁶.

С другой стороны, в XVI в. большое развитие получила публицистика. Правда, в первой трети XVI в. публицистические произведения создавали преимущественно авторы-церковники, основное внимание в них уделялось взаимоотношению светской и церковной власти. Светские публицисты (Федор Карпов, Ермолай-Еразм, Иван Пересветов и др.) выходят со своими произведениями лишь в конце основного периода, который рассматривается в данной работе. Это можно объяснить тем, что к 20-м годам усложняется структура правящего класса. Если конец XV – начало XVI в. ушли на консолидацию правящего класса – создание единой сословной структуры феодалов Русского государства вместо сословных структур феодалов различных великих княжеств, – то в 30-40-е гг. выявляются противоречия между сословиями Русского государства. И естественно, что публицистами выступают наиболее образованные лица, либо связанные с дипломатической службой, как Федор Карпов, либо наиболее утратившие в своем положении – боярство бывших княжеств, не сохранившее своего верховного положения в составе единого класса феодалов (Берсень-Беклемишев).

Очень интересно наблюдение Д.С.Лихачева о формах публицистических произведений, в которые облекали свои мысли авторы. Наиболее общее наблюдение, что для литературных работ бралась форма делопроизводственных документов: самое распространенное публицистическое произведение – челобитная. В эту форму облекали свои труды преимущественно представители средних слоев дворянства. Публицисты-церковники, особенно иерархи создавали слова и поучения – форма, присущая церковной литературе¹²⁷.

Как отметил Д.С.Лихачев, публицистика этого времени не только отражала классовую и внутриклассовую борьбу: "она была сама частью этой борьбы"¹²⁸. Важна мысль Д.С.Лихачева, что публицисты ожидали преобразований от государя. Именно к нему обращались со своими произведениями, оформленными в виде челобитных, авторы, представляющие различные

слои правящего класса. Все они исходили из идеи моральной ответственности государя перед своими подданными¹²⁹. Кроме того публицистика XVI в. носила действенный характер: авторы призывали государя к действиям, направленным на улучшение существующего строя. Поскольку публицисты часто были государственными деятелями (Ф.Карпов, Вассиан Косой, Иосиф Волоцкий, Максим Грек и др.), то и литературная деятельность для них была средством выражения своих государственных забот.

Однако, в этом активном общественно-публицистическом творчестве были утрачены зародыши беллетристики, которая активно проявила себя в конце XV в.

Как представляется, оформление идеи государственной власти, взаимоотношение сюзерена и вассала в рамках художественных произведений – именно то направление, где русские и литовские тенденции наиболее разошлись. Этому способствовало расширение политических и культурных связей Польши и Литвы; в конце XIV – начале XV в. рыцарское поведение стало обязательным не только среди верхушки, но и рядовых воинов при дворе Ягайло – польского короля из династии литовских Гедиминовичей. Идеал рыцаря становится универсальным¹³⁰. Рыцарская культура тесно связана с жизнью феодального двора и несет мировоззрение этого двора. В рыцарских романах чаще описываются политическая жизнь двора, турниры, пиры, походы. И походы крестоносцев, организованные в это время Орденом против Литвы, напоминали рыцарский турнир, столько стекалось туда зрителей, музыкантов, ремесленников.

Для польских хронистов XVI в. при описании военных событий характерно название "рыцарь" для литовской шляхты.

Очевидно, на протяжении XV в. произошло большое взаимодействие польской и литовской дворянских культур. В XVI в. Польское государство было уже тесно связано с Великим княжеством Литовским. Если в XVI в. иностранцы, те же рыцари, приезжавшие в Орден, не замечали вассальных отношений между польским королем и великим князем литовским, воспринимали их как равных сюзеренов, то к XVI в. произошло большое взаимовлияние польской и литовской культур, польский король и великий князь литовский – уже одно лицо.

Польский шляхтич и литовский боярин участвовали в одних и тех же походах, в частности против крестоносцев, это влияло на выработку единого образа вооружения, военной тактики, вело к сближению мировоззрения.

Расселение поляков на землях Великого княжества вело к восприятию ими литовской культуры земледелия. Не разделяются на поляков и литовцев авторы хроник и публицисты XVI в.¹³¹. Как оборотная сторона этих связей в XVI в. идет борьба за самостоятельность позиций литовского дворянина, закреплённая в Статутах (1568 и 1588 гг.).

Параллельно с понятием рыцарской справедливости в польской литературе XV в. формировалось понятие государственной справедливости, идеал шляхтича связывается с его заботой об интересах государства, понимаемых как интересы сословия. Космополитичный рыцарь, едущий в интернациональном войске в Свяую землю, трансформировался в дворянина, сидящего в своем имении, занимающегося хозяйством и заботящегося о благе отчизны. Такие идеи проникают в польскую литературу XVI в.¹³²

Эти выводы относятся к польскому дворянству. Но не следует забывать, что хозяйственная деятельность в XV–XVI вв. охватила и литовское дворянство. Именно в это время идет формирование единых земельных владений из лоскутков наследственных имений, пожалованных, прикупленных, вымененных, лоскутков, находящихся в разных местах Литвы. Объединение, санкционированное великим князем, сопровождается разрешением заводить ярмарки, основывать новые города, заниматься рыбной ловлей, охотой, бортничеством – хозяйственной деятельностью, приносящей дополнительный доход.

Завоевание "подрайской земли" и раздача ее рядовым воинам – это и мечты русского публициста первой половины XVI в.

Очевидно, в разных формах, с разной интенсивностью, но превращение воина-дружинника, рыцаря в землевладельца шло и в Польше и Литве, и в России.

В XV – первой половине XVI в. в Великом княжестве Литовском мы наблюдаем активное взаимодействие культур.

Из ранних форм литературы, восходящей на бывших русских землях еще ко временам древнего Русского государства, активно развивается летописание. Публикация Н.Н.Улащиком летописных произведений, созданных на территории Великого княжества в XV–XVI вв., показывает, что этот жанр не затух, а получил свои специфические формы. Прежде всего, поражает многообразие региональных форм летописания. В отличие от русских произведений среди них можно найти такие, которые связаны с определенным кругом лиц, регионом и поэтому являются как бы авторскими. Но ли-

товские летописи этого периода содержат рассказы (о сватовстве великого князя Александра к Елене Ивановне, описание отдельных моментов войн между литовскими князьями в XIV в.), которые по яркости характеристик, красочности диалогов и другим литературным особенностям приближают их к польским хроникам.

Ю.А.Лимонов подробно и тщательно исследовал влияние русских летописных сводов на польские хроники¹³³. Очевидно, распространение летописания на территории Великого княжества способствовало знакомству в Польше с русскими текстами и заимствованию из них известий о различных событиях. Ведь в основе литовских летописей XV–XVI вв. лежат древнерусские своды.

Именно такое параллельное использование текстов древнерусских летописей и литовской, составленной в 30-х гг. XV в. в Смоленске, нашел Лимонов в хронике Длугоша. Труд Длугоша был очень хорошо известен на территории Польши и Литвы, а сам автор – один из крупнейших историков и видный политический деятель. Практически в его Истории описана жизнь славянского мира в связи с событиями в других странах. Особое внимание к истории земель, входивших в XV в. в состав Великого княжества, вызвано у Длугоша именно его положением государственного деятеля: усиление православной шляхты, ее стремление к политической независимости, отношение к польскому королю и великому князю и привело к тщательному изучению истории этих земель¹³⁴.

Большое влияние оказала История Длугоша и на Трактат о двух Сарматиях Матвея Меховского, "совершивший переворот в знаниях современников о географии Восточной Европы"¹³⁵.

Знакомство с польскими хрониками авторов литовских летописей, возможно, привело в это же время к созданию красочных рассказов об отдельных событиях XIV–XV вв. Кстати, некоторые из них, связанные с княжескими войнами XIV в., во второй половине XVI в. войдут в русские редакции родословия великих князей литовских.

Очевидно, самым важным фактором, оказавшим влияние на развитие культуры и в частности общественных идей в Великом княжестве Литовском XV–XVI вв., следует считать университетское образование. В XV в. литовские дворяне учились в Краковском университете и, возможно, других университетах Европы. К сожалению, нет достаточно обоснованных исследований по этому вопросу, приходится ограничиться отдельными на-

блюдениями. Во всяком случае в Статуте 1529 г. предусматривалось право княжат, панов, шляхты и бояр свободно выезжать из "земель Великого княжества и иных для приискания себе лучшей доли и обучения рыцарскому делу во всякие земли, кроме земель неприятелей наших"¹³⁶. Обучение в университете входит в это определение.

Известно, что университетская среда средневековой Европы была интернациональна и достаточно подвижна. Именно в ней проходило столкновение культур разных стран, и носителями этой культуры, как правило, были самые образованные люди своего времени. Один из самых известных польских хронистов Матвей Меховский долго преподавал в Краковском университете.

Не исключено, что приобщение к университетскому образованию способствовало тому, что в великокняжеской канцелярии служили образованные люди. Как полагает ряд исследователей один из секретарей – Михалон Литвин является автором записок о путешествии в Россию и Крым¹³⁷.

Во второй половине XV в. круг чтения русского и польского читателя пересекался. Кроме летописей и хроник из светской литературы в Польше и Великом княжестве с удовольствием читали апокрифы, жития. Здесь также высоко ценили притчи о царе Соломоне, Александрию и повесть о Троянской войне; эти последние произведения были известны в Польше уже в середине XV в.

Позднее, в Польше в университетской среде распространяется и изучается историко-генеалогический труд *Rozzet krolow*, который является отзвуком на интерес к истории своей страны, поставленной в контекст всемирной истории. Автор этого произведения, доведенного до времени правления короля Александра, использовал комментарии к распространенной средневековой хронике Кадлубка и более поздние хроники, в которых в качестве введения к соответствующему разделу Кадлубка приводились подробные генеалогические сведения о герое раздела.

Отдельные мотивы в этой книге связывают ее с Александрией: в тексте есть эпизод, описывающий сражение Кракуса, одного из легендарных основателей Польши, с галлами, а также о победе одного из первых польских королей Лешка I над Александром Македонским. Какое-то время *Rozzet krolow* выполнял роль университетского учебника¹³⁸.

В XVI в. в краковском университете, как отмечают польские исследователи возрос интерес к античному наследию: высоко ценились греческие и

римские авторы¹³⁹. Собирались, комментировались и издавались произведения Цицерона, к середине XVI в. комментировали Геродота. Большой интерес вызывало и римское право.

Все это отразилось и в произведениях Матвея Меховского, сохранилось в коллекциях польских политических деятелей XVI в.¹⁴⁰. Интерес к истории тесно переплетался с географическими знаниями. От второй четверти XVI в. сохранились карты, составленные королевским секретарем и историком Бернардом Ваповским. В них проявилась не только высокая образованность автора, но и нашли свое отражение (в самом охвате территорий и построении карт) его политические настроения, взгляд на торговлю с Россией и странами Востока, а также политические и территориальные притязания на пограничных землях Русского государства и Великого княжества Литовского¹⁴¹.

Как и в России, в 40-50-е гг. XVI в. в Польше возникает обширная шляхетская публицистическая литература. В ней сочетались описания исторических событий, отношение авторов к внутренней и внешней политике короля; часто взгляды авторов на политические задачи государственной власти отличались от взглядов придворной среды. Из внешнеполитических вопросов больше всего интересовали отношения с Турцией. Вообще, как и в России, турецкий султан, турецкая история для польских авторов были аллегорией для обсуждения задач и направлений собственной политики¹⁴².

К середине XVI в. среди польских политических деятелей, занимавшихся научным творчеством, все яснее проявляется потребность определить задачи истории. Авторами таких методологических заметок были не профессиональные историки, а их читатели¹⁴³. В наибольшей степени это отражено в произведении Станислава Иловского "О возможностях исторической науки", посвященном Николаю Черному Радзивиллу. Кроме публикации текстов античных и современных авторов и сопоставления этих текстов, Иловский привел и свои размышления о том, как надо писать историю¹⁴⁴. Здесь и библиографические заметки о том, на каких авторов лучше опираться при описании различных событий, как лучше делать выписки из прочитанной литературы, как сопоставлять тексты разных авторов, освещающих одни и те же события и извлекать из них истину.

Но это направление, особенно привлекавшее польских авторов при сопоставлении событий древности и современной им действительности, особенно разовьется к концу XVI в.

В литературе создавался и типический образ жизни польских дворян¹⁴⁵. Такова переработка на польский лад произведения итальянского автора Кастильоне, сделанная Лукашем Гурницким*. Чтобы польский читатель смог увидеть свой портрет, автор перенес события книги во дворец краковского епископа и содержание бесед между дворянами построил из обсуждения вопросов, интересовавших польское общество. Автору удалось избежать обсуждения тем, касавшихся актуальных задач, и сконцентрировать внимание на общечеловеческих ценностях, гуманистических устремлениях. Но такое произведение было редкостью в то время, когда в литературе чаще поднимались конкретные актуальные проблемы¹⁴⁶.

В XVI в. в Польше создается политическая теория, согласно которой власть государя исходит от Бога, но от общества зависит, кому она будет принадлежать. Народ (под ним подразумевалась только шляхта) выбирает государя, но только помазание дает ему печать святого достоинства¹⁴⁷.

Наиболее полно взаимоотношения шляхты, можновладства и государя зафиксированы в Статутах Великого княжества Литовского 1566 и 1588 г. Их идеи не только отражают традиции, заложенные в римском праве, но и являются результатом политического развития государства в XVI в.

¹ Ńi.: Le sacre des rois. Actes du Colloque international d'histoire sur sacres et couronnement royaux. Paris. 1985.

² *Gieysztor A.* Spektakl i liturgia. Polska koronacja krolewska //Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce poznego sredniowiecza. Warszawa. 1978; *Jackson R.* Vivat Rex. Paris. 1986.

³ В настоящее время опубликованы три текста венчания Дмитрия Ивановича: один по записи конца XV в. (ЧОИДР. М., 1883. Кн. I. С. 32-38); один по списку XVI в. и последний по списку конца XVI – начала XVII в. (ЛЗАК. В. III. СПб., 1865. Приложения. С. 7-17).

⁴ См. подробнее: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 104-113.

⁵ ПСРЛ. Т. 25. М.Л., 1946. С. 218. Сравни: Там же. С. 173, 179.

⁶ *Бочаров Г.Н.* Сделано в Москве // "Родина". 1992. № 8-9. С. 125-128.

⁷ *Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце //Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 8-9; см. также: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 31-48.

⁸ ПСРЛ. Т.27. М.Л., 1962. С. 269. Сравни: ПСРЛ. Т. 25. С. 249-250.

⁹ ЧОИДР. 1883. Кн. I. С. 33-34.

* В конце XVI - начале XVII в. Лукаш Гурницкий написал историческое произведение "Деяния в Короне".

-
- ¹⁰Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.Л., 1955.
- ¹¹Gieysztor A. Spektakl i liturgia. S. 10-11.
- ¹²Ibid. S. 8-9.
- ¹³Jackson R. Vivat Rex. P. 123-140.
- ¹⁴Gieysztor A. Spektakl i liturgia. S. 10.
- ¹⁵Ibid. S. 11.
- ¹⁶Ibid. S. 13-14.
- ¹⁷Jackson R. Vivat Rex. P. 30-32.
- ¹⁸Gieysztor A. Spektakl i liturgia. S. 16-17.
- ¹⁹Jackson R. Vivat Rex. P. 57-65.
- ²⁰Gieysztor A. Le ceremonial du couronnement des rois de Pologne: le sacre d'Henri de Valois en 1574 //Le sacre des rois. P. 121.
- ²¹Gieysztor A. Spektakl i liturgia. S. 20-21.
- ²²Ibid. S. 21.
- ²³Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi. T. II. Warszawa. 1846. S. 75.
- ²⁴Ibid. S. 193.
- ²⁵Ibid. S. 97.
- ²⁶Ibid.
- ²⁷Ibid. S. 293.
- ²⁸Ibid. S. 294.
- ²⁹Ibid. S. 339.
- ³⁰Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 148-158.
- ³¹Бычкова М.Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение идеи власти государя //Сahiers du monde russe et sovietique. XXXIV (1-2), 1993.
- ³²Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России. С. 104-114. Вполне вероятно, что история создания и хранения документов, связанных с возведением на престол в России, близка к уже исследованной истории создания документов по организации царских и княжеских свадеб XVI в.
- ³³ЛЗАК. В. III. С. 9-10.
- ³⁴Этот эпизод повторяется при всех дальнейших актах венчания на царство в XVI–XVII вв.
- ³⁵ЛЗАК. В. III. С. 11; ЧОИДР. Кн. I С. 38.
- ³⁶ЧОИДР. Кн. I. С. 43, 63.
- ³⁷Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России. С. 115-122.
- ³⁸ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 49-50.
- ³⁹ЧОИДР. 1883. Кн. I. С. 40.
- ⁴⁰Там же. С. 43, 69-70.
- ⁴¹Там же. С. 45, 70.
- ⁴²В европейских странах регалии власти обычно хранились в храме, где совершалась коронация, или каком-то другом, в аббатстве, но не в казне. См.: *Bur M. Reims, ville de sacre //Le sacre des rois. P. 40.*
- ⁴³ЧОИДР. Кн. I. С. 45, 71.

- ⁴⁴Там же. С. 46, 72. См. подробнее: *Гардзанини М.* Библейские слова и образы в "Чине венчания на царство Ивана IV" // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 227-229.
- ⁴⁵ЧОИДР. Кн. I. С. 48.
- ⁴⁶Там же. С. 77-78.
- ⁴⁷Там же. С. 61-85.
- ⁴⁸ЧОИДР. Кн. I. С. 62-63; ДАИ. Т. I. СПб., 1846. С. 51.
- ⁴⁹ЧОИДР. Кн. I. С. 63, 87; ДАИ. Т. I. С. 51.
- ⁵⁰ЧОИДР. Кн. I. С. 64-65; ДАИ. Т. I. С. 52.
- ⁵¹ЧОИДР. Кн. I. С. 66, 90; ДАИ. Т. I. С. 53.
- ⁵²ПСРЛ. Т. 29. С. 50. Фраза летописи: "Сел царь на стуле своем" может подразумевать и царское место и стул, приготовленный в соборе для обряда венчания.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴СГГид. Ч. II. М., 1812. С. 78.
- ⁵⁵ЧОИДР. Кн. I. С. 19-24.
- ⁵⁶Там же. С. 20-22.
- ⁵⁷Такая же последовательность при коронации была и в других католических странах. См.: *Jackson R.* Vivat Rex. P. 25-28.
- ⁵⁸*Gieysztor A.* Spektakl i liturgia. S. 21.
- ⁵⁹*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1987. С. 79.
- ⁶⁰ДиДГ. М.Л., 1950. С. 197, 362, 433.
- ⁶¹*Kantorowicz E.* Les deux corps du rois. Paris, 1989; *Dabrowski J.* Korona krolestwa Polskiego w XIV wieku. Krakow. 1956. S. 83-95.
- ⁶²*Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 132-141.
- ⁶³Там же. С. 188-195 и след.
- ⁶⁴*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 217-218.
- ⁶⁵*Vaucher A.* "Beata strips": saintete et lignage en Occident aux XIV-e et XV-e siecle // *Famille et parente dans l'Occident Medieval.* Roma, 1977. P. 397-400. Об использовании легенд о происхождении в европейской публицистике см.: *Эльфонд И.Ф.* Проблемы генеалогии в политической публицистике Франции второй половины XVI в. // *Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования.* М., 1989. С. 72-74.
- ⁶⁶*Скржинская Е.Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию. (К истории итало-русских отношений в XV веке) // *Проблемы истории международных отношений.* Л., 1972.
- ⁶⁷*Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 57.
- ⁶⁸*Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 102-104. К сходным выводам пришел Ю.Г. Алексеев, подробно проанализировавший политику Ивана III по отношению к удельным князьям. /*Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 153-158/.
- ⁶⁹*Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmodska i wszyskiej Rusi. Т. II. Warszawa. 1846. S. 317.
- ⁷⁰*Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.Л., 1955; *Бычкова М.Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.* М., 1976.

-
- ⁷¹Болдур А.В. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.
- ⁷²Историографию вопроса см.: Бычкова М.Е. Общие традиции родословных легенд... С. 297-298.
- ⁷³Охманьский Е. Гедиминовичи – "правнуки Сколомендовы" // Польша и Русь. М., 1974.
- ⁷⁴Послания Ивана Грозного. М.Л., 1961. С. 260.
- ⁷⁵Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 46-47.
- ⁷⁶Там же. С. 39-44.
- ⁷⁷Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 43-66, 124-136.
- ⁷⁸Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 40-43.
- ⁷⁹Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; Флоря Б.Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 106-113.
- ⁸⁰Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 86-87. Как отметили издатели памятника, Трактат отражает не только полемику между различными публицистами первой половины XVI в., но и антилитовскую направленность польской публицистики. (Там же. С. 7-10).
- ⁸¹Ulewicz T. Sarmacja. Studium z problematyki slowianskiej XV i XVI w. Krakow. 1950. S. 18.
- ⁸²Samsonowicz H. Zlota jesien polskiego sredniowiecza. Warszawa. 1971.
- ⁸³Grabski A.F. Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV–XV w. Warszawa. 1968. S. 112-114.
- ⁸⁴Ibid. S. 45.
- ⁸⁵Ulewicz T. Sarmacja. S. 7-18.
- ⁸⁶См. подробнее: Аннинский С.А. Введение // Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.Л., 1936. С. 10-12.
- ⁸⁷Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 97-109.
- ⁸⁸Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. С. 98-99.
- ⁸⁹Там же. С. 72-73.
- ⁹⁰Strykowski M. Kronika polska, litewska, zmodska i wszystkiej Rusi. Т. II. S. 514-515.
- ⁹¹Ibid. S. 515.
- ⁹²Ibid. S. 539.
- ⁹³Ibid. S. 514-515.
- ⁹⁴ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 1-4.
- ⁹⁵Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 135-138.
- ⁹⁶Лурье Я.С. "Повесть о Дракуле" и древнерусская литература // Повесть о Дракуле. М.Л., 1964. С. 64-65.
- ⁹⁷Там же. С. 64.
- ⁹⁸Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.Л., 1965.

- ⁹⁹Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII вв. М., 1972.
- ¹⁰⁰Кузьмина В.Д. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.Л., 1941. С. 83, 106; она же. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 21-22.
- ¹⁰¹Александрия. С. 148-149.
- ¹⁰²Кузьмина В.Д. Повесть о Бове-королевиче... С. 98; она же. Рыцарский роман... С. 21-22, 36.
- ¹⁰³Гудзий Н.К. "История иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе // Старинная русская повесть... С. 38-39.
- ¹⁰⁴Александрия. С. 153, 156.
- ¹⁰⁵Лурье Я.С. "Повесть о Дракуле" и древнерусская литература. С.59-71.
- ¹⁰⁶Повесть о Дракуле. С. 36-42.
- ¹⁰⁷Там же. С. 48, 50-51.
- ¹⁰⁸Александрия. С. 146, 151, 153; Кузьмина В.Д. Повесть о Бове-королевиче... С. 118.
- ¹⁰⁹ПСРЛ. Т. 25. М.Л., 1946. С. 228, 246.
- ¹¹⁰Там же. С. 132.
- ¹¹¹Там же. С. 135.
- ¹¹²Там же. С. 150, 185, 236 и сл.
- ¹¹³Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 3-4, 7-8.
- ¹¹⁴Там же. С. 155.
- ¹¹⁵Там же. С. 138-146.
- ¹¹⁶Там же. С. 153.
- ¹¹⁷Gieysztor A. Spektakl i liturgia. S. 13.
- ¹¹⁸Охотникова В.И. Повесть о Довмонте. С. 195, 204.
- ¹¹⁹Там же. С. 209.
- ¹²⁰Там же. С. 163.
- ¹²¹Псковские летописи. В. I. М.Л., 1940. С. 102-103.
- ¹²²Повесть о Дракуле. С. 72-73.
- ¹²³Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. С. 82-101.
- ¹²⁴Левина С.А. О времени составления и составителях Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. Т. XI. М.Л., 1955; она же. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. Т. XIII. М.Л., 1957.
- ¹²⁵Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 319-330, 353-361.
- ¹²⁶Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М.Л., 1956. С. 28.
- ¹²⁷Там же. С. 49-51.
- ¹²⁸Там же. С. 39.
- ¹²⁹Там же. С. 40-41.
- ¹³⁰Samsonowicz H. Złota jesien polskiego sredniowiecza. S. 148-149.
- ¹³¹Ibid. S. 62-66.
- ¹³²Ibid. S. 154-156.

-
- ¹³³ *Лимонов Ю.А.* Русские летописи и польская историография XV–XVI вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 159-163.
- ¹³⁴ Там же. С. 158-160.
- ¹³⁵ Там же. С. 161.
- ¹³⁶ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск. 1960. С. 149.
- ¹³⁷ *Охманьский Е.* Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и москвитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII в. М., 1979. С. 97-115.
- ¹³⁸ *Bonaszkiwicz J.* Historia w popularnych kompilacjach – tzw Poczec Krolow Polskich //Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce poznego sredniowiecza. S. 219-225.
- ¹³⁹ *Гейштор А.* Теория исторической науки в Польше XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. С. 34.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 35.
- ¹⁴¹ *Гейштор А.* История на службе юго-восточной политики Речи Посполитой в XV и XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. С. 32-33.
- ¹⁴² Там же. С. 34-35.
- ¹⁴³ *Гейштор А.* Теория исторической науки в Польше XVI в. С. 35-37.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 36-37.
- ¹⁴⁵ *Kleiner J.* Zarys dziejow literatury polskiej. T.1. Wroclaw. 1959. S. 50.
- ¹⁴⁶ Ibid. S. 50-51.
- ¹⁴⁷ Ibid. S. 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своем исследовании автор попыталась провести сравнительный анализ тенденций развития политического строя России и Литвы конца XV – второй трети XVI в. в трех аспектах: институты власти, сословные структуры, обслуживавшие эти институты, идеологическое оформление власти.

Среди различных проблем, раскрывающих эволюцию политического строя средневекового феодального государства, выбран лишь определенный круг связанных между собой вопросов, наиболее близких к изучению и раскрытию истории происхождения и оформления идеи власти государя: через аппарат, сословия и общественную мысль.

Экономической базой, на которой основывалась государственная власть, преимущественно было феодальное землевладение; подробный сравнительный анализ его структур нуждается в тщательном исследовании. Однако, опираясь на современные научные труды, можно предположить, что в изучаемый период землевладельцы Великого княжества Литовского раньше, чем российские начали переходить к интенсивному использованию своих имений. В частных актах гораздо чаще упоминается о возникновении новых ярмарок и торгов, замков и местечек на территории светских вотчин, строительстве мельниц; особым вниманием землевладельцев пользовались борти, рыбные ловли, другие угодья. Благосостояние связывалось с развитием хозяйственной деятельности, службой, а не военной добычей.

Правда (о чем уже говорилось в исследовании) для Литвы сохранился уникальный комплекс частных актов, отражающих деятельность светских феодалов. Насколько можно судить по русским источникам, светского землевладельца в России тогда более всего интересовали земельные владения как таковые, их увеличение: в завещаниях, актах купли-продажи другие аспекты рационального использования собственных владений как правило не оговариваются.

В Великом княжестве активно идет процесс образования крупных земельных владений, завершается формирование магнатских имений в основном у литовской знати и переходящих в католичество славянских землевладельцев. В России, наоборот, идет процесс распределения единой родовой феодальной вотчины между отдельными семьями, которые все чаще начинают действовать и вести хозяйство самостоятельно. Однако, какие-то владения (усадебные в городе, особенно на территории московского Кремля,

леса, пастбища и другие угодья) еще являются совместной собственностью рода или нескольких родственных семей.

В то же время имеющиеся исследования по истории крупных монастырских вотчин России показывают, что там в первой половине XVI в. уже существовало сложное, рационально организованное хозяйство, сопоставимое с хозяйством крупных литовских землевладельцев¹.

Вполне возможно, что землевладение в России и Литве, особенно на восточных территориях Княжества не так уж и различалось. Тенденции его развития закладывались еще во времена древнего Русского государства, а в XVII в. царь Алексей Михайлович на присоединенных к России территориях, как раньше великие литовские князья, иногда по просьбе землевладельцев подтверждал права на родовые и вновь приобретенные земли, угодья, рыбные ловли. Однако, для окончательного решения этих вопросов нужно провести специальное исследование.

Традиции формирования органов власти в обоих государствах, если и не имеют общих истоков, несомненно очень близки². Исследователи единодушно отмечают близость в функционировании сеймов и соборов, Боярской думы и панов-рады, советов при государях России и Литвы. Именно большое сходство этих органов власти в начальный период функционирования позволяет выявить различия, появившиеся к исследуемому времени и продолжавшие развиваться далее; как представляется, они дают возможность говорить о зародившихся индивидуальных тенденциях в развитии политического строя обоих государств.

Особенно ярко все это наблюдается в деятельности сеймов, которая становилась все более активной: собирались местные и всеобщие сеймы, разрыв между их созывами становился все меньше, а решения имели большое значение. Соборы, наоборот, созывались от случая к случаю, преимущественно для утверждения наиболее важных решений власти; в разработке политической линии государства они заметной роли не играли³.

Советы при обоих государях – дума и рада – также традиционны для истории средневековой Европы, их зарождение уходит в раннюю историю обеих стран. Боярская дума формировалась из представителей узкого круга боярских семей, позднее княжеских⁴; члены Думы с развитием ее деятельности, стали выполнять конкретные поручения, связанные со службой великому князю. В состав панов-рады входили лица, назначенные на высшие государственные должности и высшее духовенство⁵. В этом принципиаль-

ное отличие Думы и рады в исследуемый период. Великий князь не мог расширить круг семей, из которых происходили бояре. А в Литве, при том, что придворный чин, должность, как и в других средневековых государствах, передавались по наследству в определенном кругу семей, великий князь мог отнять такой чин у одного лица и передать другому. Таким образом, в совет могли вводиться новые лица, его покидали неугодные великому князю.

Яркий пример тому – карьера князя Михаила Глинского и его родных при дворе Александра; не так активно подобная практика проводилась регулярно.

В России члены Боярской думы – за исключением конюшего боярина – не имели конкретного чина, замены и перестановки в кругу ближайшего окружения государя, подобные заменам среди панов-рады, здесь были невозможны.

Чины в раде связаны с управлением отдельными территориями, и вся структура административного аппарата в Великом княжестве развивалась как расширение функций местных органов. В России со второй половины XVI в. окончательно формируется и разрастается приказная система, приводившая к централизованному управлению из столицы отдельными отраслями деятельности (строительство укреплений, выдача поместий и жалования, сбор податей, строительство и ремонт дорог и др.). Во главе приказов стояли члены Боярской думы, которая со временем обрела собственный аппарат (дьяки и поьячие, др.)⁶.

Такие различия системы управления Русским государством и Великим княжеством окончательно сформируются позднее изучаемого в настоящей работе периода, но их истоки проявляются уже в XVI в. Сами процессы формирования аппарата управления начинаются в обоих государствах в разное время и идут с различной интенсивностью.

Особое внимание к управлению территориями, которое наблюдается в истории Великого княжества Литовского, связано с более ранним периодом его развития, когда единая территория страны создавалась путем присоединения к Литве княжеств и земель, преимущественно образовавшихся после распада древнего Русского государства. Этот процесс детально исследован М.К. Любавским⁷.

Присоединяя земли, где существовали древняя политическая культура, письменность, законы, литовские князья проводили гибкую политику, по-

зволювшую за короткий срок, не разрушая древнюю православную культуру, создать новое государство, в границах которого развивались литовский, русский, белорусский и украинский народы. Фактически земли, завоеванные Иваном III, в конце XV – начале XVI в., были заселены преимущественно русскими, чем, возможно, и объясняется их сравнительно быстрое присоединение к России (в отличие от Смоленска, земель, примыкавших к Псковщине, войны за обладание которыми велись полтора века).

Управление землями с разным уровнем политического и культурного развития требовало от литовских государей гибкой политики, которая очень скоро привела к юридическому оформлению отношений между различными структурами общества.

Прежде всего оформлялись отношения между литовскими князьями и русскими династиями, правившими на отдельных присоединенных территориях: потомки смоленских, черниговских, других Рюриковичей. В результате появился статус служилых князей, который позднее перейдет на русские земли (в Новгород и Псков, а затем – в Москву)⁸. Во второй половине XV в. в Литве появляются уставы, судебники, регулирующие отношения между великим князем и населением присоединенных земель. Здесь гибко использованы юридические нормы ранних законов и закреплена новая система отношений между различными структурами общества⁹. Позднее ~ в XVI в. появляются три Статута Великого княжества Литовского; эти законодательные кодексы признаются современными исследователями как вершина европейской юридической мысли¹⁰. Как показала в своей недавно вышедшей работе И.П.Старостина, уже в Статуте 1529 г. заложены идеи правового государства¹¹.

Если говорить о системе сословных отношений, закрепленных в статутах, следует отметить, что они преимущественно касаются взаимоотношений между великим князем и православным населением бывших русских земель, в XIII–XIV вв. вошедших в состав Великого княжества. Возможно, эти нормы отражают и традиции, появившиеся в древнем Русском государстве и в определенной форме существовавшие в России. Довольно близкие аналоги литовским нормам можно встретить в русских документах XVII в., связанных с приемом на службу царю "нововыезжих иноземцев"¹². Но этот вопрос, затрагивающий явления, разделенные во времени десятилетиями, нуждается в специальном исследовании.

В то время, когда в Великом княжестве Литовском шел процесс юридического оформления сословных отношений, в Русском государстве разви-

валось местничество. Оно долго будет являться основой при назначении на военную службу, получении должностей, награждении, то есть проникнет во все структуры общественной, политической жизни, а также в мировоззрение общества.

Как можно проследить по недавно опубликованным материалам, местные дела, не вызывающие у исследователей сомнений в своей подлинности, в подавляющем большинстве появляются в России с 30-х гг. XVI в.¹³; в это время идет активный процесс вхождения в Боярскую думу, то есть к вершинам государственной власти, аристократической верхушки, служилых князей, ранее не участвовавшей в государственном управлении¹⁴. Это не только вело к реальному перераспределению власти внутри правящего класса, но и к изменению внутри сословных структур.

Основой местничества была идея давности службы предков конкретного лица московским князьям, занятие ими определенных должностей при дворе, в войске и так далее. Этот принцип давности службы в конце-концов был критерием знатности рода, давал право занимать должность определенного ранга. Ветви рода, чьи предки переходили на службу другим великим или удельным князьям, митрополитам, автоматически становились менее "знатными", чем их московские сородичи и понижались на ступенях сословной лестницы.

Система местничества быстро становилась консервативной, мешала выдвижению талантливых руководителей из незнатных семей.

В Великом княжестве Литовском в конце XV в. существовал принцип "службы", когда чиновник великокняжеской канцелярии, поднимаясь по служебной лестнице, мог достичь высокого положения в аппарате, реально участвовать в политической жизни и к тому же оставить потомкам доходное имение.

В России сходный принцип начнет проявляться лишь в XVII в., когда деятельность высших исполнительных органов власти Приказов приведет к формированию служилой бюрократии¹⁵.

Такие тенденции развития феодального общества вели к соответствующим представлениям о прерогативах власти государя.

В Великом княжестве культура, духовный мир магнатов и шляхты, принявших католичество, значительно сблизились с рыцарской культурой, универсальной для правящих дворов стран Европы¹⁶. Литовская шляхта ездила учиться в Краковский и другие европейские университеты, служила при королевских дворах, что было разрешено законами государства. Про-

цесс сближения с католической культурой шел активно и не мог не влиять в определенной мере (хотя бы на уровне повседневной жизни) на духовный мир православных феодалов. С конца XV в. здесь идет поддерживаемый государством процесс перехода православных в католичество. В Литву более активно, чем в Россию проникают идеи Возрождения.

Очевидно, XVI в. был переломным для Литвы. Десятилетия общения с католической культурой других европейских государств привели к широкому распространению среди литовских дворян исторической литературы и публицистики из Польши. В это время сглаживаются различия между самосознанием литовских и польских феодалов; более явственно проявляются противоречия между интересами магнатов и шляхты, православных и католиков.

Потребность сохранить литовские традиции и культуру придет позже, в XVII в. Но это уже выходит за рамки нашего исследования.

Эти явления все вместе влияют и на представления о власти государя. Уже в Статуты Великого княжества Литовского закладываются идеи правоведного суда, как высшего предназначения христианского государя, тесно связанные с вопросом о пределах власти государя¹⁷.

В России, где не существовало законов, определявших отношения между государем и подданными, с конца XV в. все чаще поднимался вопрос о божественном происхождении власти. Принцип местничества, регулировавший отношения внутри правящего класса, не касался государя, который стоял над своими подданными.

Русская публицистика XVI в. все более оформляется как делопроизводственный документ: челобитная или послание, где в виде просьб и обращений к государю формулируются идеи представителей различных сословных групп о власти, о том, что является ее основной задачей¹⁸. Даже жанр публицистики, как и других литературных произведений, устанавливал дистанцию между потомками императора Августа, занимавшими русский престол, и потомками "выходцев из Прус", которые веками служили московской династии.

Во второй половине XVI в. вопрос о прерогативах царской власти неоднократно ставил Иван Грозный в своих посланиях правителям соседних стран; царь тоже любил подчеркивать свое происхождение от римских цезарей, полагая, что оно дает неограниченные права по отношению к подданным. Утверждению царя не мешало то, что в XVI в. Рим уже давно стал центром католического мира. Однако этот вопрос надо рассматривать в

контексте международных отношений России, Литвы и других европейских государств¹⁹.

Аналогичные представления о прерогативах царской власти сконцентрировались и в обряде венчания на царство русских государей, который формируется в XVI в.²⁰

Часть процессов, создававших политический строй в России и Литве XVI в. и определявших его развитие в дальнейшем, уходит своими корнями в более ранний период. Завершение некоторых процессов, пришедших из древности или же начавшихся в XVI в., произойдет позднее, в XVII в. Для окончательного суждения следовало бы расширить хронологические рамки исследования.

Однако уже сейчас можно говорить, что XVI в. заложил и развил именно те явления, которые – при многих общих исходных позициях – привели к существенным различиям политического строя обоих государств. Это прежде всего централизованное управление в Русском государстве, когда многие конкретные вопросы местной жизни, не требовавшие вмешательства центральных органов, все равно решались в Москве. Такое положение усиливало роль не только центральных органов власти, но и их аппарата.

В Великом княжестве, наоборот, усиливается роль должностных лиц на местах: владея конкретными сведениями о наличии свободных земель, состоянии откупов, сборе налогов, они могли влиять на решения центральной власти, касающиеся пожалований отдельным семьям и контролировать политические и экономические процессы в своем регионе. Большую роль сыграла и привлекательность культурной жизни Европы XVI в., к которой Литва оказалась приобщенной.

Эти процессы развивались без достаточного контроля из центра: в XVI в. не только во главе Великого княжества был польский король, но и со второй половины века, когда пресеклась династия Ягеллонов, каждый раз короля выбирали из правящих семей соседних государств, что не способствовало стабильности центральной власти.

Период истории – конец XV – вторая треть XVI в., – представленный в данной работе, был тем отрезком времени, когда появляется возможность наблюдать зарождение и развитие тех тенденций политического строя России и Литвы, которые в будущем приведут к созданию различных феодальных государств. Русское государство, объединившее земли древних княжеств, формировалось как абсолютистское, где консервировались представления о наследии и традициях политического строя и династии, пришедших из Киева, а через него – из Византии. Взаимоотношения внутри

правлящего класса и связанные с этим структуры государственного управления также регулировались представлениями о давности службы рода московским государям.

Десятилетия общения с Польшей не прошли бесследно для Литвы. Инкорпорация Княжества в состав Польши, намечавшаяся в конце XIV в., не состоялась. Но естественное восприятие политических и культурных традиций католического мира привело к их мирному внедрению в жизнь общества, освоению и развитию в новых условиях. Все это в конце-концов привело к сближению политического строя Литвы и Польши. Люблинская уния 1569 г. юридически оформила этот процесс, и в дальнейшем Польско-Литовское государство имело единую судьбу.

-
- ¹ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.
 - ² *Гейштор А.* Заметки о центральном управлении в славянских государствах IX–XI вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев. 1972.
 - ³ *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
 - ⁴ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
 - ⁵ *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней Руси. Ч. 1,2. Томск. 1903, 1904.
 - ⁶ *Ключевский В.О.* Боярская Дума Древней Руси. М., 1909.
 - ⁷ *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.
 - ⁸ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.
 - ⁹ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988-1989. М., 1991. С. 170-334.
 - ¹⁰ *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 26-235.
 - ¹¹ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 231-243.
 - ¹² *Бычкова М.Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 39-49.
 - ¹³ *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
 - ¹⁴ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 203-309.
 - ¹⁵ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
 - ¹⁶ *Ossowska M.* Ethos rycerski i jego odmiany. Warszawa. 1986.
 - ¹⁷ *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. С. 235-239.
 - ¹⁸ *Лихачев Д.С.* Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 28-56.
 - ¹⁹ *Бычкова М.Е.* Россия и Литва // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995. С. 92-99.

²⁰*Jackson R. Vivat Rex. Histoire des sacres et couronnements. Paris. 1984; Бычкова М.Е. Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Август, имп. 123-125, 127, 133, 134, 147, 167
 Адашев Алексей Федорович 24
 Александр, кор. польск., в. кн. лит. 9, 11, 25, 27-29, 47, 58, 64, 75, 106, 107, 120, 121, 151, 153
 Александр Македонский, ц. греч. 122, 134, 136-138, 140, 147, 153, 158
 Александр Ярославич Невский, в. кн. 88, 134, 143
 Алексеев Ю.Г. 157
 Алексей Петрович Хвост, моск. тысяцкий 52
 Алексеюнас В. 96
 Амадис Гальский, литер. герой 122
 Амартол, хронист 136
 Анастасия Романовна, ц-ца 145
 Аннинский С.А. 132, 158
 Аспен, с. Гомера 131
 Афанасий Никитин, купец 137
 Афет, библ. 131, 133, 134
 Балтасар, литер. герой 122
 Банионис Э. 3, 25-29, 51, 52, 95
 Бардах Ю. См. Bardach J.
 Басарга, литер. герой 136
 Батура Р.К. 18,96
 Белевские, кн. 87, 126
 Бельские, кн. 36, 86, 87, 124
 Бережков Н.Г. 25, 51
 Берсень-Беклемишев 148
 Блок А.А. 133
 Бова, Бэв, литер. герой 134, 136, 159
 Богуш Боговитинович, лит. писарь 29
 Болдур А.В. 157
 Бонфини 139
 Борис, кн. 143
 Бочаров Г.Н. 101, 155
 Булгак Пуца, помещик 93
 Булгаковы, кн. 85
 Бутурлины 90
 Бычкова М.Е. 51, 52, 54, 95, 96, 97, 98, 155, 156, 157, 158, 169
 Бэв см. Бова
 Вальденберг В. 118, 157
 Ваповский Бернард 153
 Василий Васильевич Темный, в. кн. 89, 90, 101, 102, 118
 Василий Дмитриевич, в. кн. 8, 101, 141
 Василий Иванович, в. кн. 35, 36, 83, 86, 109, 112, 118, 145
 Василий Михайлович, кн. верейск. 120, 121
 Василий Олгиш, боярин 70
 Вассиан Косой 149
 Веселовский С.Б. 19, 51, 61, 81, 85, 87-90, 95, 97, 98
 Висковатый Иван Михайлович, дьяк 22, 51
 Витень, кн. 125, 128, 132
 Витовт, в. кн. лит. 8, 10, 11, 27, 42, 47, 65, 70, 102, 106, 107, 129, 141
 Влад Цепеш см. Дракула
 Владимир Андреевич, кн. серпух. 9

* Список принятых сокращений: библ. - библейский, в. - великий, великая; венг. - венгерский, верейск. - верейский, визант. - византийский, греч. - греческий, еп. - епископ, иг. - игумен, имп. - император, киев. - киевский, кн. - князь, князья; кнг. - княгиня, кнж. - княжна, кор. - король, легенд. - легендарный, лит. - литовский, митроп. - митрополит, мон. - монах, моск. - московский; мстислав. - мстиславский, польск. - польский, псков. - псковский, с. - сын, св. - святой, серпух. - серпуховской, смол. - смоленский, ц. - царь, ц-ца - царица, ц-ч - царевич, черн. - черниговский.

- Владимир Всеволодович, в. кн. киев. 143, 146
 Владислав, кор. польск. 106
 Воротынские, кн. 87, 125
 Всеволож Иван Дмитриевич, боярин 89, 155
 Вяземские, кн. 61
 Гардзанити М. 156
 Гаштольды 128
 Гвидо де Колумно 136
 Гедимин, к. кн. лит. 9, 85, 87, 124
 Гедиминовичи 5, 7, 8, 11, 68, 73, 81, 84, 87, 120, 124, 127, 128, 149
 Гейштор *см.* Gieysztor А.
 Генрих Валуа, кор. польск. 105
 Герберштейн Сигизмунд, посол 117, 118, 157
 Геродот, историк 153
 Глеб, кн. 143
 Глеб Наримонт, кн. лит. 7, 8, 85
 Глинская Елена Васильевна, в. кнг. 145
 Глинские, кн. 47, 54, 59, 73, 95, 96
 Глинский Василий Львович, кн. 59
 Глинский Лев Борисович, кн. 70
 Глинский Михаил Васильевич, кн. 114
 Глинский Михаил Львович, кн. 47, 54, 59, 71, 107, 163
 Годунов Борис Федорович, боярин 24, 36
 Голицыны, кн. 85
 Гомер, поэт 131
 Горсей Джером, посол 36
 Гостомысл, легенд. 123
 Грааля И. 51
 Григорий, митроп. киев. 44
 Гудзий Н.К. 136, 159
 Гурницкий Лукаш 154
 Давыдов Григорий Федорович 35
 Данило Дядкович 59
 Данилова Л.В. 62, 63, 95
 Дворниченко А.Ю. 18, 51, 95, 97
 Демидова Н.Ф. 169
 Джулио Помпино 130
 Дионисий *см.* Звенигородский Данило Васильевич, кн.
 Длугош Ян, польск. хронист 29, 130-133, 151, 152
 Дмитриев М.В. 18, 53
 Дмитриева Р.П. 155, 157, 159
 Дмитрий Иванович, кн., с. в. кн. Ивана III 114
 Дмитрий Иванович Внук, в. кн. 45, 83, 102, 103, 107-109, 114-117, 147, 155
 Дмитрий Иванович Донской, в. кн. 8, 9, 89, 101
 Дмитрий Китаев, писец 92, 93
 Дмитрий Кориатович, кн. лит. 9
 Добрыньские 89
 Довмонт Тимофей, в. кн. 7, 68, 142-145, 159
 Дракула 30, 76, 122, 136, 138, 139, 147, 158
 Дрожж Андрей Александрович 59
 Евдокия Ивановна, в. кнг. 120
 Елена Ивановна, в. кнг. лит. 9, 46, 47, 120, 121, 151
 Елена Стефановна, в. кнг. 45, 120-122
 Ермолай-Еразм мон., писатель 148
 Ефросин, мон. 136, 138
 Звенигородские, кн. 126
 Звенигородский Данило Васильевич, кн., в монаш. Дионисий 125, 126
 Зимин А.А. 18, 19, 21, 35, 36, 51-54, 63, 81, 85, 86, 90, 95-98, 120, 121, 156-158, 169
 Иван Васильевич, Иван III, в. кн. 4, 9, 13, 35, 44-47, 83, 91, 102, 108-110, 115-118, 120, 121, 147, 155, 157, 164
 Иван Васильевич Грозный, Иван IV, ц. 4, 35, 36, 83, 93, 109, 110, 112-115, 118, 125, 145, 156, 158, 167
 Иван Владыка, писарь 29
 Иван Данилович Калита, в. кн. моск. 6, 101
 Иван Иванович, в. кн. 108, 120, 122
 Иван Сапежич, писарь 29, 58
 Иван Юрьевич, кн. мстислав. 70
 Игнатий, иеродиакон смол. 115
 Иеремя, библ. 140
 Ижеславский Михаил Иванович, кн. 46, 70
 Иловский Станислав 154
 Иосиф Волоцкий, иг. 149
 Иосиф, еп. смол. 46
 Иосиф Флавий, хронист 136, 159
 Кадлубок, хронист 153
 Казакова Н.А. 53

- Казимир Ягеллончик, кор. польск., в. кн. лит. 11, 18, 26-28, 51, 95, 97, 169
 Карпов Никита Иванович 23
 Карпов Федор Иванович 21, 23, 30, 148, 149
 Карповы 24
 Кастильоне, писат. 154
 Каштанов С.М. 41, 53, 64, 67, 95, 96
 Кезгайлы 56, 60, 95, 128
 Кишки 48
 Ключевский В.О. 53, 97, 169
 Кмиты 48
 Кобрин В.Б. 62, 95, 97
 Козловский Иван, кн. 61
 Колычева Е.И. 64, 95
 Конрад Цельсий 130
 Копанев А.И. 63
 Кракус, легенд. 153
 Кристин Остик 59
 Кром М.М. 54, 71, 97
 Кромер Мартин, хронист 29
 Крошинский Константин, кн. 58
 Кузьмина В.Д. 159
 Куракины, кн. 85
 Курицын Федор, дьяк 30, 45
 Лаппо И.И. 76, 97
 Левина С.А. 159
 Левка Боговитинович, писарь 59
 Левыкин А.К. 51
 Ле Гофф Ж. 157
 Леснодорский Б. 169
 Лех, легенд. 131
 Лешко I, кор. польск. 153
 Лимонов Ю.А. 52, 131, 151, 158, 160
 Лихачев Д.С. 140, 148, 159, 169
 Лихачев Н.П. 24, 51
 Лихачевы 24
 Лосев С.С. 122
 Лурье Я.С. 53, 155, 158, 159
 Любавский М.К. 18, 53, 54, 68-70, 96, 164, 169
 Людвик, кор. венг. 106
Макиавелли 139
 Максим Грек, мон. 149
 Малиновский И. 36, 37, 52, 169
 Мансыр улан, посол 101
 Мануил, имп. визант. 102, 115
 Мария, кнг. верейск. 120, 121
 Мария Дмитриевна, в. кнж. 141
 Мартин, боярин 58
 Мезецкие, кн. 61, 125
 Мендовг, в. кн. лит. 4
 Менжинский В.С. 68, 96
 Меховский Мартин 131-133, 152, 153, 158
 Микула Радчинич, боярин 70
 Михаил Андреевич, кн. верейск. 120
 Михаил Всеволодович, в. кн. черн. 126
 Михалон Литвин, посол 30, 52, 128, 152, 158, 160
 Морозовы 23, 90
 Мосальские, кн. 61
 Мстиславская Ульяна Юрьевна, кнг. 46
 Мстиславские, кн. 87, 120, 124
 Мстиславский Федор Михайлович, кн. 86
 Муравьевы 93
Нагие 21
 Назаров В.Д. 87, 98
 Наримонт см. Глеб Наримонт
 Нарушевичи 48
 Насонов А.Н. 159
 Настасья, иг. 58
 Нерон, имп. римск. 123, 133
 Ной, библия. 131-133
 Нороватый 93
Оболенские, кн. 87, 126
 Овидий, поэт 133, 134
 Одоевские, кн. 58, 87, 126
 Одоевский Михаил, кн. 58, 59
 Одоевский Федор, кн. 58, 59
 Олесницкий Збигнев 29
 Олесницкий Ян 106
 Олуповский Семейко Булгаков сын Пущина 93
 Ольгерд, в. кн. лит. 9, 43
 Охманьский Е. 158, 160
 Охотникова В.И. 159
Палемон, легенд. 123, 128, 133
 Патрикий Наримонтович, кн. 35, 36, 85, 87
 Пашуто В.Т. 18, 96
 Пересветов Иван Семенович 148, 159
 Петр, митроп. моск. 117, 118
 Петр, ц-ч 120
 Пиетрчак М. 169

- Пикколомини Эней Сильвио 131
 Пичета В.И. 10, 11, 18, 56, 57, 67, 69, 71, 95-97
 Плещеевы 90
 Поцолт, боярин 70
 Прус, легенд. 124, 134
 Пяст, легенд. 119
 Пясты 52
Радзивилл Николай Черный 154
 Радзивиллы 48, 49, 56, 59, 95, 128
 Ралевы 157
 Рюрик, легенд. 121, 123, 126, 134
 Рюриковичи 5, 8, 15, 57, 68, 73, 81, 84, 91, 113, 120, 121, 124-128, 143, 164
 Ряполовский Иван, кн. 92
 Сабуровы 90
 Салтыков А.А. 23
 Самсонович Г. См. Samsonowicz H.
 Светител, боярин 70
 Святослав, в. кн. киев. 146
 Свидригайло, кн. лит. 8
 Семен Лугвень, кн. лит. 9, 141
 Семион Иванович Гордый, в. кн. 8
 Семкович В., см. Semkowicz W.
 Сергей Радонежский 118
 Сидор, еп. псков. 145
 Сигизмунд Август, кор. польск., в. кн. лит. 103, 125
 Сигизмунд Старый, в. кн. лит. 28, 47, 106, 107
 Симон, митроп. моск. 108
 Скиргайло, кн. лит. 96
 Скржинская Е.Ч. 157
 Соломон, ц., библ. 153
 Соломония Сабурова, в. кнг. 145
 Софья Витовтовна, в. кнг. 8, 9, 43, 101, 141
 Софья Фоминишна Палеолог, в. кнг. 22, 120, 121, 147
 Спиридон Савва 122
 Старков Иван, боярин 89
 Старостина И.П. 18, 51, 76, 95, 97, 165, 169
 Степан Есманович, боярин 70
 Стрыйковский Матвей 74, 121, 133, 134, 156-158
 Схария, легенд. 45
 Тазбир Я. См. Tazbir J.
 Тихомиров М.Н. 85, 95
 Топалова Т.А. 51
 Торуские, кн. 126
 Трайдос Т. См. Trajdos T.
 Траханиоты 22, 23
 Тучков Иван Борисович, боярин 92
 Улащик Н.Н. 151
 Ульяна, в. кнг. 43
Федор Иванович, ц. 36, 115, 118
 Флоря Б.Н. 158
 Фотий, митроп. 101
 Ховрины 22, 23
 Ходкевичи 48
 Хребтович Ян Литавор 107
 Циплятев Елизар, дьяк 22, 24
 Циплятев Иван Елизарович, дьяк 22
 Цицерон 153
Чарторыйские, кн. 125
 Черепнин Л.В. 21, 31, 51, 52, 169
 Чех, легенд. 131
Шеков А.В. 95
 Шмидт С.О. 52
 Шуйские, кн. 86, 120
Щелкаловы 22
 Щербинины 93
 Эльфонд И.Ф. 157
 Эскин Ю.М. 169
Юргинис Ю.М. 96
 Юрий Васильевич, кн. 114
 Юрий Иванович, кн. 109, 114
Ягайло, кор. польск., в. кн. лит. 6, 9, 10, 26, 41, 42, 53, 65, 96, 106, 149
 Ягеллоны 168
 Ядвига, кор. польск. 6, 9, 10, 26, 41, 65
 Ян Фирлей 105
 Янин В.Л. 18, 31, 52, 84, 97, 158
 Янус, мифол. 50
 Ярослав Мудрый, в. кн. 136, 146
 Яцек, св. 40
Vardach J. 77, 94, 96, 97, 169
Bielinska M. 51
Bieniak J. 96
Bonaszkiwicz J. 160
Bur M. 156
Dabrowski J. 157

Gieysztor A. 33, 52, 103, 105, 116, 155-160, 169
Grabski A.F. 18, 158
Jackson R. 155-157, 169
Kantorowicz E. 157
Kleiner J. 160
Malczewska Ì. 95
Maleczynski K. 51
Ossowska M. 169

Pietkiewicz K. 95
Samsonowicz H. 18, 52, 53, 96, 158, 160
Semkowicz W. 66, 67, 96
Sikora Fr. 51
Strykowski M.
Tazbir J. 48, 50, 54
Trajdos T. 42, 53
Ulewicz T. 158
Vaucher A. 157

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	"Вопросы истории"
ВКЛ	Великое княжество Литовское
ДиДГ	"Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв." М.Л. 1950
ИЗ	"Исторические записки"
ЛЗАК	"Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛМ	Литовская метрика
ПСРЛ	"Полное собрание русских летописей"
РИБ	"Русская историческая библиотека"
СГГид	"Собрание государственных грамот и договоров"
ТОДРЛ	"Труды отдела древнерусской литературы"
ЧОИДР	"Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"